

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА
ГЛАЗАСТИК И КЛЮЧ-НЕВИДИМКА

СОФЬЯ
ПРОКОФЬЕВА

ГЛАЗАСТИК
И
КЛЮЧ-НЕВИДИМКА

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

РИСУНКИ Г. КАЛИНОВСКОГО

Р2
1180

КАНОН-НЕТ-КАМКА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

11 4803010102-046 348-85
М101(03)86

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

Глава 1

РАЗГОВОР С КОТОМ ВАСЬКОЙ.
И ГЛАВНОЕ:
ВАСЯ ВЕРТУШИНКИН
РИСУЕТ СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

Вася Вертушинкин положил на стол лист бумаги, достал новые акварельные краски, старую любимую кисточку, сел на стул и задумался.

Он так глубоко задумался, что даже не заметил, как мимо него прошла мама и поплотней прикрыла форточку.

— Уроки выучил? — спросила мама особым голосом, которым все мамы на свете спрашивают про отметки и уроки.

— М-м... — невнятно ответил Вася Вертушинкин.

— Выучил? — повторила мама.

Вася Вертушинкин промолчал, а мама, взглянув на сосредоточенное лицо сына, не стала больше спрашивать.

«Что бы мне нарисовать? — подумал Вася Вертушинкин. — Что-нибудь такое, чего я раньше не рисовал».

Вася Вертушинкин очень любил рисовать. А с тех пор как он подружился с волшебником Алёшей, он был готов рисовать с утра до вечера. Он бы даже ночью рисовал, если бы мама разрешила и спать не хотелось.

Но постойте, постойте, друзья мои, ведь вы ничего не знаете! Ну да, вы, наверно, даже не знаете, кто такой волшебник Алёша!

Дядя Алёша, как звали его все ребята во дворе, жил в новом высоченном доме. Вася Вертушинкин из своего окна мог видеть балкон дяди Алёши, и верёвку, натянутую на балконе, и цветы, которые цвели круглый год и ничуть не боялись самых лютых морозов. Прямо из снега выглядывали доверчивые маргаритки и внимательные анютины глазки. И всем было ясно — волшебные это цветы. Никто даже особенно не удивлялся. Потому что такая уж профессия у дяди Алёши — волшебник.

Всем было известно, что волшебник Алёша любит детские рисунки. У него в комнате одна стена с полу до потолка была завешана всякими картинками. Посередине висело рогатое оранжевое солнышко. Рядом с ним ёлки, похожие на зелёные юбочки. А ещё портрет девочки с тремя большими голубыми глазами. Два глаза у девочки были весёлые, а один грустный.

— Вы только посмотрите, — любовался картинками волшебник Алёша, — как хорошо и чудесно нарисовано!

Однажды Вася Вертушинкин нарисовал смешного полосатого кота, внизу написал: «Портрет кота Васьки» — и подарил его дяде Алёше. Этот кот до того понравился дяде Алёше, что он взял и оживил его. Не верите? Но всё было именно так. Дядя Алёша прочёл какое-то волшебное заклинание и оживил.

С тех пор этот кот так и жил по очереди то у волшебника Алёши, то у Васи Вертушинкина. И если кто не знал, что когда-то прежде он был просто нарисованным и висел на стене в рамочке, тот просто не обратил бы на него никакого особого внимания. Ну, кот и кот. Ну, полосатый, глаза хитрющие, а так ничего особенного.

А вот если повнимательней приглядеться, то становилось заметно, что кое-чем кот Васька всё же отличается от других

котов. Вот, например, одна полоска на спине казалась немного размытой, не такой яркой, как остальные. Это оттого, что Вася Вертушинкин, когда рисовал кота Ваську, нечаянно пролил на рисунок воду. И ещё правое ухо у кота Васьки было чуть короче левого, а самый кончик словно в воздухе расплывался. Это опять-таки оттого, что Вася Вертушинкин правое ухо резинкой стёр, а дорисовать не то забыл, не то поленился.

К тому же добавим, что кот Васька, после того как волшебник Алёша его оживил, научился отлично разговаривать. У кота Васьки был весёлый нрав. Он любил поболтать, пошутить, рассказать какую-нибудь забавную историю из кошачьей жизни. Но вступал в беседу он только с близкими друзьями, человек же посторонний, сколько ни старался, и слова от него не мог добиться.

Итак, Вася Вертушинкин сидел, глубоко задумавшись, а кот Васька лежал на столе под лампой и, сладко потягиваясь, всё время норовил вытянуть лапы и положить их прямо на белый лист бумаги.

— Так что же мне нарисовать? — уже вслух сказал Вася Вертушинкин.

— Видно, делать тебе нечего, пушистый Вертушинкин, — усмехнулся кот Васька. — Ведь всё равно самое интересное, самое главное ты уже давно нарисовал. Я имею в виду мой портрет. Зачем же ещё что-то придумывать? Только время попусту тратить. Логично? Логично!

— Так ведь у Кати сегодня день рождения, — окунув кисточку в стакан с водой, сказал Вася Вертушинкин. — А ей нравятся мои рисунки. Вот я и хочу ей что-нибудь в подарок нарисовать.

— Суета всё, — зевнул кот Васька. — Я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Если пушистый Алёша спросит, где я, скажи ему, что я на крыше. Вторая труба справа. Мурка всегда там на солнышке греется. А если ночью оттуда на луну смотреть, то луна совсем близко, просто лапой достать можно.

Кот Васька не спеша направился к двери. На пороге он обернулся и с деланным равнодушием добавил:

— Удивляюсь я на пушистого Алёшу, честное слово. Ну

никуда без спросу пойти нельзя. Беспокоится обо мне, словно я маленький котёнок. Куда идёшь, да когда вернёшься... по сторонам гляди, да под машину не угоди...

Кот Васька самодовольно улыбнулся и исчез за дверью.

Вася Вертушинкин подпёр щеку рукой, глядя на белый лист бумаги. Что же всё-таки нарисовать? Может быть, морской бой или парашютистов в воздухе и самолёты? А может быть, вазу, а в ней цветы? Всё-таки Катька девчонка, ей, наверно, больше цветы понравятся.

Катя училась с Васей Вертушинкиным в одном классе, сидела с ним на одной парте, но почему-то всякий раз, когда Вася Вертушинкин смотрел на неё, он удивлялся.

Удивлялся, что у неё такие ровно заплетённые косички и слишком глубокие прозрачные глаза. Ему казалось, если долго-долго смотреть в её глаза, то он увидит там что-то необыкновенное, чего он раньше никогда не видел и не знал.

«А нарисую-ка я сказочный город,— решил Вася Вертушинкин.— Всё-таки что-то новенькое».

Он стал рисовать город с крутыми черепичными крышами и узорными флюгерами.

Кап!— упала с кисточки голубая капля. Она повисла над сказочным городом, как роза-снежинка.

— Пусть будет зима!— сказал себе Вася Вертушинкин, и, словно подхваченные порывом ветра, закружились голубые снежинки над крышами и башенками сказочного города.

Вася Вертушинкин принялся рисовать весёлый хоровод на площади.

Он нарисовал смеющуюся девчонку, чем-то чуть-чуть похожую на Катю. Девочка смеялась. Смеялись её большие глаза, с ресницами длинными, как сосновая хвоя.

«Может быть, сделать ей глаза чуть поменьше?— засомневался Вася Вертушинкин.— Нет уж, пусть такими остаются. Ещё испорчу. Зато они как звёзды».

Ветер раздувал её голубую юбочку, похожую на перевёрнутый цветок колокольчик.

Девочку в пышной голубой юбке держала за руку тоненькая девушка с длинными волосами.

Вася Вертушинкин выскреб из баночки остатки золотой краски, и волосы девушки чистым золотом полились ей на плечи и дальше до земли, до башмаков, напоминающих ореховые скорлупки.

Девушка улыбалась тихо и нежно юноше в старой поношенной куртке и в старом плаще. А тот улыбался ей в ответ.

Рядом с ними Вася Вертушинкин нарисовал весёлую женщину в пёстром платье, такую хохотушку, которая никогда не унывает.

Все люди на площади держались за руки и улыбались.

Неслышимый смех словно дрожал и позванивал в воздухе. Или это позванивали, сталкиваясь, голубые розы-снежинки.

«Здорово получается», — подумал довольный Вася Вертушинкин.

Вася встал, чтобы полюбоваться на рисунок издали. И вдруг он увидел нечто невероятное. Он просто глазам своим не поверил.

Девочка в голубом платье больше не смеялась. Улыбка исчезла с её лица. Испуганно и печально глядели большие немигающие глаза. Даже голубая юбочка сложилась, как веер, потускнела и повисла унылыми серыми складками.

Грустно и как-то безнадежно смотрела золотоволосая девушка на печального юношу.

И весь город, казалось, загрустил. Тяжёлые, засыпанные снегом крыши словно вдавили дома в сугробы. Свечи в окнах притушили свои огненные язычки.

— Вот это да! — воскликнул поражённый Вася Вертушинкин. — Это уже чудеса какие-то! А если чудеса, то... рвану к Катьке сперва, расскажу ей всё. И вместе с ней к волшебнику Алёше...

УЛЫБКА КОТА ВАСЬКИ
И ГЛАВНОЕ:
ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Утро было серое, пасмурное. Низко плыли тучи мышиного цвета, и казалось, вот-вот пойдёт не то дождь, не то снег.

У волшебника Алёши с утра побаливала голова.

«Заварю-ка я чай покрепче и сяду за работу», — решил волшебник Алёша.

Волшебник Алёша любил очень крепкий чай и заваривал его не спеша, по всем правилам.

Конечно, ему ничего не стоило при помощи заклинания превратить холодную воду из крана в горячий чай. Но он предпочитал обычный чай, а не волшебный. Ему казалось, что у волшебного чая и вкус не тот, и аромат какой-то не настоящий, и вообще не то, не то!

Итак, волшебник Алёша стоял возле плиты, в задумчивости ожидая, пока закипит вода в чайнике.

Из комнаты донёсся гулкий бой старинных часов. Звук этот был какой-то необычный: взволнованный, даже тревожный.

— Странно, часы бьют совсем не вовремя, — удивился волшебник Алёша. — Что бы это значило?

В тот же миг волшебник Алёша услышал лёгкий шорох у себя за спиной. Он стремительно обернулся.

Позади него, прижавшись к стене, стоял совершенно незнакомый человек.

На незнакомце был плащ из тусклого серого бархата, с вышитым по краю узором из золотых снежинок. На голове шляпа с павлиньим пером, падавшим на плечо. Перо заканчивалось ярким зелёно-синим переливчатым пятнышком, чем-то напоминавшим широко открытый глаз.

И тут волшебник Алёша даже несколько растерялся: этот глаз на конце пера смотрел на него пристально и неотрывно.

Лицо незнакомца было почти невозможно рассмотреть: тень от низко надвинутой шляпы скрывала его.

«Дверь на лестницу, как всегда, открыта, это правда. Кот Васька только и делает, что шастает то во двор, то обратно. Но я не слышал шагов этого незнакомца, а у меня такой острый слух, — промелькнуло в голове у волшебника Алёши. — Остаётся предположить одно: он прошёл прямо сквозь стену...»

Волшебник Алёша не слишком удивился. Как всякий волшебник, он привык к самому неожиданному и необыкновенному.

И всё-таки голос волшебника Алёши чуть-чуть дрогнул, когда он сказал:

— Присаживайтесь, прошу вас! — и придвинул таинственному гостю белую кухонную табуретку.

Незнакомец, как показалось волшебнику Алёше, с некоторым трудом отделился от стены и уселся на табурет.

«Какие, однако, у него неприятные глаза, — невольно подумал волшебник Алёша. — Острые... Взгляд вонзается, как колючка. И вместе с тем движения чересчур мягкие, скользящие... Впрочем, не будем делать преждевременных выводов. Для начала неплохо было бы заставить его разговориться»

— Устраивайтесь-ка поудобнее, — любезно сказал волшебник Алёша, — давайте ваш плащ. Я его повешу в передней на вешалку.

Но незнакомец только покачал головой, пальцы его гибко зашевелились, словно отстраняя что-то невидимое.

— Может быть, чашку чая? — предложил волшебник Алёша, стараясь рассеять неловкость первых минут знакомства. — Как раз закипает. Я сейчас заварю отличнейший чай. Но вы с дороги и, наверно, проголодались. Ах, какой же я, право! В момент приготовлю вам яичницу.

Но загадочный гость только снова покачал головой.

— Я к вам по делу и совсем ненадолго, — сказал он. Голос у него был вкрадчивый, мягкий и словно закладывал уши ватой.

— По делу? — переспросил волшебник Алёша. — Пожалуйста, если я только смогу помочь. В таком случае, отчего же мы на кухне? Пройдёмте в комнату. Вот сюда.

Незнакомец неслышными шагами пошёл вслед за волшебником Алёшей. Он ступал так легко, словно скользил по воздуху. Волшебник Алёша даже оглянулся, чтобы убедиться, идёт он за ним или нет.

Войдя в комнату, незнакомец, как ночная птица, быстрым рысцущим взглядом поглядел по сторонам, выбрал самый тёмный угол и опустился в низкое кресло.

— Мне нужны ключи, — негромко сказал он.

— Ключи? — удивился волшебник Алёша.

— Да, да, ключи, — нетерпеливо повторил незнакомец. — Именно. А что же ещё?

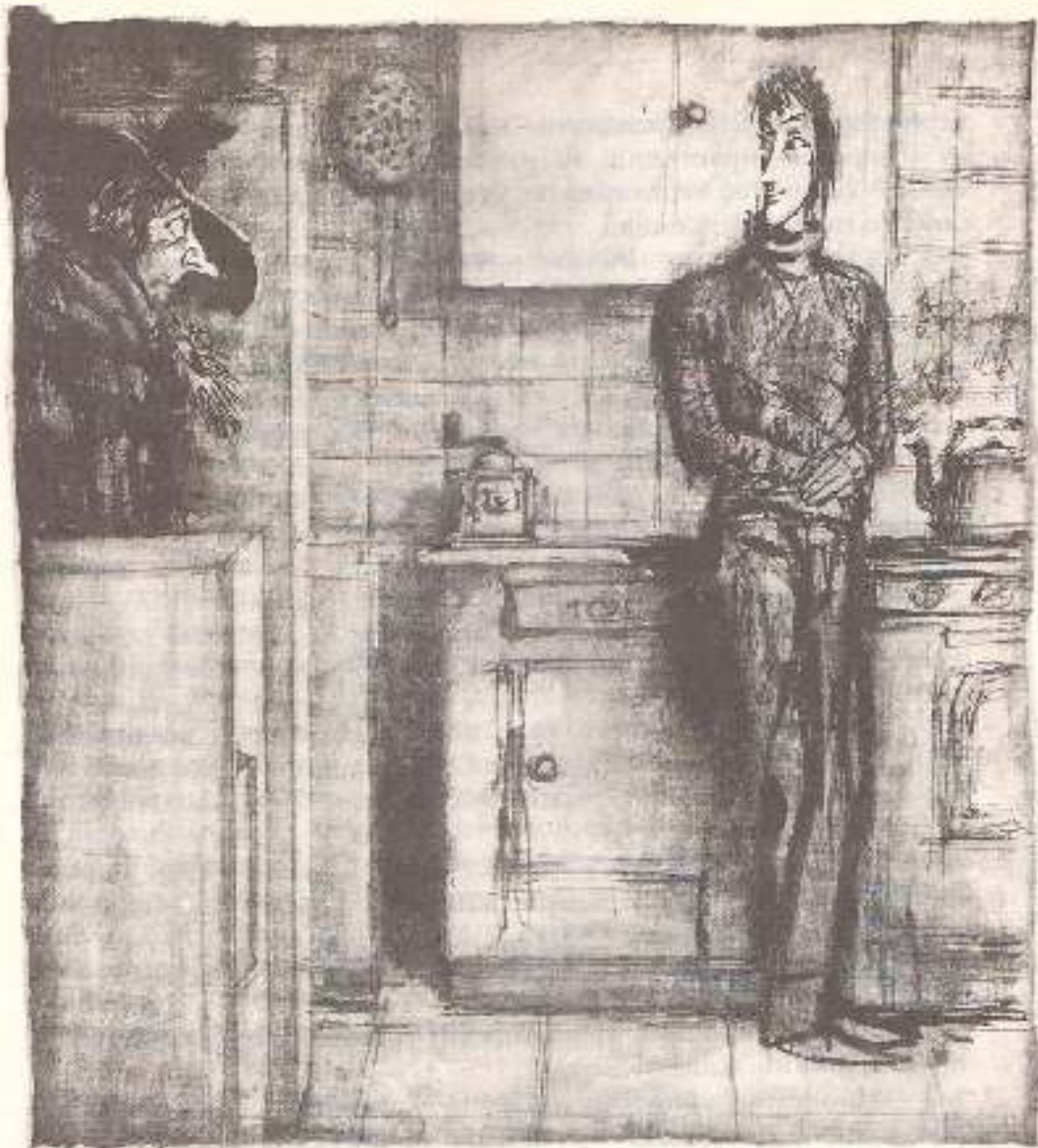
— Какие ключи, простите? — спросил волшебник Алёша.

— Как это какие? Мне нужны ключи от всех сказок! — воскликнул незнакомец и с беспокойством добавил: — Может, я не туда попал? Вечно эта путаница с адресами. Вы — волшебник, надеюсь? Хотя в этом нет ошибки?

Волшебник Алёша растерянно кивнул. По правде говоря, он ровным счётом ничего не понимал.

— Тогда у вас должны быть ключи от сказок, от всех сказок... — Тут голос загадочного гостя упал до шёпота: — У одной Спящей Красавицы имеются тридцать три улыбки на разные случаи жизни.

— Ключи... Ну, не совсем так, — несколько сбивчиво принялся объяснять волшебник Алёша. — Вернее, не ключи, а

волшебный мел. Вы рисуете этим мелом ключ на какой-нибудь двери и входите через эту дверь в любую сказку...

— Да, да! Без стука, без спроса, — лихорадочно подхватил незнакомец. Пальцы его рук гибко зашевелились, как водоросли под водой. — В любую сказку, куда пожелаю. Бес-

препятственно. Неожиданно, когда все беспечно спят. Я могу и ночью подкрасться... А у вас есть этот волшебный мел?

— Кажется, ещё остался кусочек, — в задумчивости потёр лоб волшебник Алёша.

— Дайте мне его, дайте! — глухо проговорил незнакомец. Глубоко в его глазах вспыхнул тусклый красноватый огонь.

— Но, простите, зачем он вам? — внимательно вглядываясь в незнакомца, спросил волшебник Алёша.

— Для того, чтобы... — тут загадочный гость замолчал и, оттолкнувшись пятками от пола, вместе с креслом отодвинулся подальше в тёмный угол.

Чем больше волшебник Алёша присматривался к своему гостю, тем тяжелее становилось у него на душе. Ему неприятен был острый, пронизывающий взгляд незнакомца и медленные, словно усыпляющие движения его рук.

Волшебнику Алёше даже показалось, что тени из всех углов стягиваются к незнакомцу и окружают его тёмным кольцом.

«Нет, положительно ему нельзя доверить волшебный мел, — решил волшебник Алёша. — Совершенно не ясно, что он замышляет. Думаю, что-то недоброе. Как вы считаете? О, несомненно...»

Видимо, простодушный волшебник Алёша не смог скрыть своих мыслей, и его пронизательный гость догадался, о чём он думает.

— В таком случае продайте мне его. — Незнакомец наклонился вперёд.

— Это вы бросьте! Я не торгую волшебством! — возмутился волшебник Алёша.

— Не притворяйтесь! — Незнакомец презрительно скривил узкие губы. — Это пустые отговорки: всё на свете продаётся. Дело только в цене. Так назначьте её, любезнейший. Мой повелитель щедро заплатит вам.

— Мы не поймём друг друга, — устало покачал головой волшебник Алёша. — Я не отдам вам волшебный мел ни за какие сокровища на свете.

Глаза незнакомца злобно сузились.

— Вы ещё пожалеете об этом! — прошипел он.

Незнакомец резко вскочил, с досадой одёрнул зацепившийся за ручку кресла бархатный плащ.

— Вы мне угрожаете? — тихо сказал волшебник Алёша и улыбнулся.

Странный посетитель неожиданным осторожным движением протянул руку, словно возле губ волшебника Алёши порхала невидимая бабочка и он хотел её поймать. Волшебник Алёша невольно отшатнулся.

Но незнакомец тут же отступил назад, и его хищно скрюченные пальцы разжались.

— Улыбаетесь! — с бессильной яростью прошептал он. — О, если бы мы были в сказке!.. Там бы я быстро отнял у вас вашу доверчивую и беззащитную... А здесь... здесь я бессилен.

— Мяу! — послышался сладкий голос, и в щёлку двери, вильнув плоским телом, вошёл кот Васька.

Он весь лучился благодушием, уютной ленью и радостью. Он улыбался. Он просто не мог не улыбаться. Ещё бы! Ведь только что кошка Мурка, сидя возле трубы на крыше, призналась ему, что ей больше всего нравится шерсть полосатой расцветки. И мило, и практично. А вы только поищите во всём городе кого-нибудь полосатей, чем кот Васька! Уверю вас, не найдёте. Ну, как тут не улыбнуться, скажите на милость!

— Нет, это уже слишком! Даже какой-то жалкий кот смеет улыбаться! — в ярости воскликнул незнакомец. Он пристально взгляделся в кота Ваську: — Что это? Да он нарисованный! Нарисованный кот! Живая сказка... В таком случае он мне подвластен!

Незнакомец сделал несколько мягких неслышных шагов, приблизился к коту Ваське, наклонился и вдруг легко, почти ласково коснулся его усов. Он как будто схватил что-то невидимое.

Кот Васька испуганно прынул в сторону, а загадочный гость попятился к стене, прячась в тень книжного шкафа.

Волшебник Алёша с изумлением увидел, что незнакомец не то уходит в стену, не то тает в воздухе.

Он становился всё прозрачней, сквозь него уже начали просматриваться букетики фиалок, нарисованные на обоях.

Некоторое время на стене был ещё виден слабо очерченный силуэт человеческой фигуры. Но скоро и он исчез.

И только шляпа незнакомца с длинным павлиньим пером, покачиваясь, осталась висеть, случайно зацепившись за гвоздь, вбитый в стену.

— Ничего себе! — с трудом переведя дух, сказал волшебник Алёша. — Немало я повидал за свою жизнь, но такого... Что скажешь, друг Васька?

Тут волшебник Алёша увидел, что кот Васька, встав на задние лапы и отчаянно вытянув шею, заглядывает в старинное зеркало, висящее над столом.

Кот Васька озабоченно поворачивал голову из стороны в сторону, топорщил усы, шевелил ушами.

— Что ты кривляешься? Придумал ещё — смотреться в зеркало! Что за мода! — сердито прикрикнул на него волшебник Алёша.

— Да, пускаете в квартиру всех, даже не спрашиваете «кто?», — проворчал кот Васька, продолжая разглядывать себя в зеркало. — И вот, пожалуйста, уж и не знаю, как он ухитрился, а только схватил мою улыбку и — в карман. Мало того, что я нарисованный, теперь и без улыбки остался!

— Не может быть! — воскликнул волшебник Алёша.

Он подхватил кота Ваську, оглядел его и посадил перед собой на край стола.

— Довольно глупостей, сейчас же улыbnись! — строго приказал он.

Кот Васька поднял на него несчастные, испуганные глаза.

— Не могу, — жалобно сказал он. — Не получается. Пропала моя улыбочка, как мышь в понедельник.

Глава 3

ДЖИНН В ГОЛУБОМ ТЕРМОСЕ.
И ГЛАВНОЕ:
ВОЛШЕБНИК АЛЁША
ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СКАЗКУ

Волшебник Алёша налил стакан крепкого чая, да так и забыл его выпить.

«Странно, можно даже сказать, невероятно, — рассуждал волшебник Алёша, припоминая визит таинственного незнакомца. — Для чего ему понадобился волшебный мел? И потом, отобрать улыбку у нарисованного кота? Зачем, спрашивается?..»

Кот Васька, свернувшись клубком, спал на диване. Его от всех огорчений клонило в сон.

— Посплю подольше, — в таких случаях говорил кот Васька. — Проснусь, а может быть, все неприятности разбежались. Или их, как собак, на цепь посадили.

В передней слышались голоса, топот ног.

— Входите! Кто там? — позвал волшебник Алёша.

В комнату вбежали Вася Вертушинкин и Катя. Оба запыхались.

— Дядя Алёша, — торопясь и волнуясь, начал Вася Вертушинкин и положил на стол перед волшебником Алёшей ри-

сунок, скатанный в трубочку. Бумага развернулась, чуть загибаясь по краям.— Я нарисовал... Может, вам некогда, вы чай пьёте... Здравствуйте! А то я не поздоровался... Вот смотрите!

Волшебник Алёша отхлебнул глоток чаю.

— Ну, грустный город, вижу,— сказал волшебник Алёша, разглядывая рисунок.— Что ж, очень неплохо, надо признаться. И по цвету красиво. Только не пойму, почему тебе пришло в голову нарисовать столько грустных людей? И всё вокруг такое грустное. Эти дома, башни, снежинки...

— Да они сами, честное слово!— закричал Вася Вертушинкин.— Я не хотел! Я их весёлыми нарисовал. А они сами взяли и загрузили.

— Не может быть!— изумился волшебник Алёша.

Катя наклонилась над рисунком, закусил зубами кончики косичек, чтоб не свисали вниз, не загораживали нарисованный город.

— У этой девочки что-то блестит вот тут,— сказала Катя и потрогала пальцем свою щеку.— Слеза?

— Странно, весьма странно.— Волшебник Алёша тоже наклонился над рисунком.— Может быть, тебе только показалось, что ты их весёлыми нарисовал? Думал о чём-нибудь печальном, вот они такими и получились?

— Да нет же. Правда, они сами, честное слово,— упрямо повторил Вася Вертушинкин.

— Тогда вот что.— Волшебник Алёша потёр лоб ладонью.— Я дам тебе краски. Попробуй-ка их немного развеселить.

Волшебник Алёша достал из ящика письменного стола кисточки и краски, и Вася Вертушинкин принялся снова старательно рисовать улыбки.

Он начал с большеглазой девочки.

Её лицо от улыбки сразу ожило, посветлело, на щеках засветился нежный румянец. Ветер раздул голубую юбку, похожую на цветок колокольчик.

Вот уже заулыбалась девушка с золотыми волосами, похожая на нищую принцессу. От её волос повеяло мягким теплом.

Вася Вертушинкин ещё рисовал улыбку женщине в пёстром платье... А большеглазая девочка уже перестала улыбаться, румянец её погас. Девушка и юноша разжали руки, будто между ними, разлучая их, встала печаль.

И снова толпа грустных людей стояла на площади грустного города и сверху на них падали крупные розы-снежинки.

— Эта девочка,— прошептала Катя,— до чего же она грустная. А глаза какие большущие... Мне почему-то кажется, её так и зовут: Глазастик.

— Невероятно! Ох!..— Волшебник Алёша выпрямился и потёр поясницу.— Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Они не могут улыбаться!

— И я не могу.— Кот Васька зашевелился на диване, сокрушённо вздохнул.— Нет у меня больше моей милой, обаятельной улыбки. Вот скажите, как я теперь во двор выйду? Мне не кто-нибудь, мне сама кошка Мурка говорила: «Что я в тебе ценю, кот Васька, так это чувство юмора». Кому я теперь без улыбки нужен?

Кот Васька прыгнул на стол, уселся прямо посередине рисунка, поднял кверху морду, чтобы все видели, какой он грустный и несчастный.

— Такая тоска на душе...— пожаловался он.— Думал, посплю, легче станет... Нет!.. Даже сливок не хочется.

Волшебник Алёша взял кота Ваську, посадил к себе на плечо.

— Всё это достаточно необычно, всё это надо хорошенько обдумать,— сказал волшебник Алёша, в рассеянности смахивая кошачью шерсть со своей уютной домашней куртки.— Если вы не возражаете, ребятки, рисунок я оставляю у себя. А вы пока идите, веселитесь. К тебе, наверно, уже собираются гости, Катя.

Катя ахнула и схватилась за щёки. Ну конечно же, как она могла забыть. И мама, наверно, волнуется...

Ребят словно ветром сдуло. А волшебник Алёша сел на стул и, глядя на странный рисунок, погрузился в глубокое раздумье.

Одно было очевидно: в какой-то сказке случилась беда. Но что это за сказка? Что там стряслось? Чем можно помочь

этим грустным людям? Их печальные, омрачённые лица словно зывали о помощи и участии.

«С джином, что ли, посоветоваться? — с сомнением подумал волшебник Алёша. — Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно... Но, может быть, это и есть как раз тот самый крайний случай?»

Прошу вас, не улыбайтесь, друзья мои! Да, да, это всё истинная правда: у волшебника Алёши был джинн. И, если вдуматься, это вполне естественно. Ну, что за волшебник без джинна?

Беда только, что медный кувшин, в котором прежде обитал джинн, от времени пришёл в полную негодность. Дно у него прохудилось, ручка отвалилась и где-то затерялась.

Пришлось подыскать для джинна новый волшебный сосуд. Это оказалось не так-то просто. Обидчивому и самолюбивому джинну все кувшины и вазы казались жалкими и недостойными.

Наконец, джинн облюбовал себе старый голубой термос. Ему понравилось, что термос внутри такой блестящий и гладкий.

Итак, волшебник Алёша достал с полки голубой термос. Он смахнул ладонью пыль с пластмассовой крышки и вытянул потемневшую пробку.

Послышался оглушительный грохот и свист.

Из горлышка термоса, рассыпая мерцающие искры, вырвалась тонкая струйка дыма. Разрастаясь, она поднялась до самого потолка, сгустилась, темнея, и превратилась в огромного джинна.

От его могучего дыхания качнулась люстра, звеня пыльными подвесками, взлетели к потолку шторы.

«Любит старик эффе́кты. Древнейший, можно сказать, джинн, а ведёт себя хуже мальчишки, — не без досады подумал волшебник Алёша. — Впрочем, может быть, я неправ, и в этом есть своя особая прелесть...»

— Послушай, как насчёт того, чтобы отправиться со мной в сказку? — спросил волшебник Алёша.

— В сказку, о мой благородный повелитель? — в восторге взревел джинн. — Мои ничтожные уши не ослышались? В сказку? О, как я счастлив! Сколько унылых тысячелетий я безнадежно мечтал об этом, обливаясь слезами!

— А ты не отвык от сказки? — немного засомневался волшебник Алёша. — Ты вот телевизор любишь смотреть, на такси кататься. А на той неделе, помнишь? Я велел тебе вытереть пыль с люстры, а ты что? Удрал из квартиры и два часа ездил на лифте вверх-вниз, вверх-вниз. Ох, боюсь, боюсь, забыл ты, что такое сказка. Королевские дворцы, стража и всякое прочее.

— Не сомневайся! — самодовольно усмехнулся джинн. — Сказка — мой дом родной. Я, можно сказать, воспитан в королевских дворцах, на коврах, среди мраморных колонн. Смело положишься на меня во всём, о повелитель!..

— Ты ещё учти, что моё волшебство там бессильно, — прервал его волшебник Алёша. — В сказке я просто гость. Обычный гость, не более того. Так что всякое может случиться.

— О повелитель! Клянусь чудесным термосом, это будет для тебя весёлой прогулкой! — взревел джинн. — Пикник на полянке. Отдых в выходной день. Я буду сдувать с тебя пылинки, ты не будешь знать в сказке никаких забот!

— Что ж, в таком случае отправимся в сказку, — с невольным вздохом сказал волшебник Алёша. — Остается только выбрать дверь, на которой нарисовать ключ волшебным мелом.

— А чем тебе не подходит этот милый книжный шкаф, о повелитель? — предложил джинн, стараясь сдержать раскаты могучего голоса. — Клянусь своей чалмой, в этом шкафу столько волшебных книг, что он просто насквозь пропитался волшебством. А как таинственно скрипят его дверцы!

— Подходит, — рассеянно кивнул волшебник Алёша. — Что ж, пожалуй, последую твоему совету.

— Неужели скоро я окажусь в сказке!.. — Джинн даже зажмурил глаза от удовольствия.

Затем деликатно, на цыпочках, чтоб не потревожить волшебника Алёшу, подошёл к термосу, начал сжиматься, таять

и, наконец, превратившись в тонкую струйку дыма, исчез в узком горлышке.

Волшебник Алёша плотно завинтил термос и поставил его на край стола. Шею закутал толстым вязаным шарфом. Совершенно неизвестно, какая погода ожидает его в сказке. Затем он принялся выдвигать один за другим ящики письменного стола.

Волшебный мел! Он должен быть где-то тут. Наконец волшебник Алёша отыскал его в старой железной коробочке из-под чая.

С трудом сдерживая волнение, волшебник Алёша нарисовал на дверце книжного шкафа большой ключ старинной формы, украшенный сложным узором.

Главное, ничего не забыть! Так, так. Носовой платок. В сказку без носового платка? Ни в коем случае. Термос с джином? Непременно. Ах да! Захватить ещё шляпу сегодняшнего таинственного гостя. Надо всё-таки вернуть её владельцу. Вдруг он повстречает его в сказке.

Волшебник Алёша снял с гвоздя шляпу с павлиньим пером. Ему показалось, что иссиня-зелёный глаз на конце пера странно подмигнул ему.

Теперь, кажется, всё. Кажется, ничего не забыл.

Осталось только остановить волшебные часы.

Волшебник Алёша подошёл к часам, придержал рукой маятник. Теперь время для него остановилось. Теперь он вернётся домой из сказки в тот самый миг, как остановился маятник.

Чуть громким от волнения голосом волшебник Алёша проговорил заклинание:

Сказка, близко иль далёко,
Сказка, низко иль высоко,
Где ты прячешься теперь?
Открывайся в сказку, дверь!

Протяжно заскрипели дверцы старого книжного шкафа и медленно растворились.

Волшебник Алёша невольно задержал в груди дыхание, зажмурился и шагнул прямо в книжный шкаф.

Ему показалось, что воздух как будто уплотнился. Верхняя полка книжного шкафа, которую он недавно вставил, пришлась как раз на уровне груди. Волшебник Алёша почувствовал лёгкий толчок, словно полка прошла сквозь него.

— Ты в сказку? И конечно, в ту самую! — вскричал кот Васька. — И я с тобой. Нет, я выцарапаю у него свою улыбку назад! Уж будьте спокойны!

Кот Васька одним махом слетел с дивана. Волшебник Алёша даже не заметил, как он проскочил у него между ног.

— Дядя Алёша, у вас дверь не заперта! — слышался запыхавшийся Катин голос.

Катя весело вбежала в комнату. Она держала тарелку, на которой лежал большой кусок домашнего торта.

— Мама сказала, чтобы я вас угостила! — закричала Катя. — Он вкусный-вкусный-превкусный! Это я сама пекла.

Катя вбежала как раз в тот момент, когда волшебник Алёша проходил сквозь книжный шкаф. Она ещё успела увидеть спину волшебника Алёши и перекинутый через плечо конец мохнатого полосатого шарфа.

— Дядя Алёша, вы куда? — воскликнула Катя. — А торт попробовать? Хоть кусочек. А то я обижусь...

И Катя просто влетела вслед за волшебником в распахнутый книжный шкаф.

Но волшебник Алёша уже не слышал Катиного голоса. В лицо ему ударил стремительный, слепящий порыв ветра. Очки сползли ему на нос.

Волшебник Алёша загородился локтем от острых снежинок, стараясь не уронить при этом термос да ещё удержать шляпу с извивающимся на ветру пером...

Волшебник Алёша поправил очки и огляделся.

Он стоял на площади сказочного города.

Был вечер. Смеркалось. В узких окнах, приседая, пугливо мигали язычки свечей. Тихо позванивая, падали небывало крупные розы-снежинки.

— ...Хоть кусочек! — крикнула Катя и налетела сзади на волшебника Алёшу. Она ахнула и уронила тарелку с тортом.

— Не могли предупредить, что тут зима, — проворчал кот Васька, прижимаясь к ноге волшебника Алёши. — Ух, какой ветрище! Того гляди, унесёт.

— П...постойте, друзья, вы-то как тут оказались? — заикаясь, спросил волшебник Алёша. — Вас только не хватало! Катя, ты зачем?..

Но Катя, казалось, не слышала вопроса. Широко открытыми глазами она смотрела на незнакомый город, на островерхие крыши, с которых местами сполз снег, открыв отсыревшую тёмную черепицу.

— Это... это у вас за шкафом? — еле слышно прошептала она.

— Ну, успокойся, Катя, ничего, ничего. Ты только... Ну не надо... — сбивчиво проговорил волшебник Алёша, стараясь успокоить бледную и перепуганную девочку. — Всё обойдётся, вот увидишь. Это только вначале так необычно. Приглядишься, и ничего... К тому же мы скоро назад.

Ах, волшебник Алёша, волшебник Алёша! Как же можно быть таким рассеянным? Ведь чтобы вернуться домой, нужно нарисовать на какой-нибудь двери ключ волшебным мелом.

А где же волшебный мел? Да он так и остался лежать на уголке письменного стола, где забыл его волшебник Алёша.

Волшебник Алёша уже давно собирался порыться в своих книгах и найти подходящее заклинание и навсегда разделаться со своей рассеянностью. Но всё по той же рассеянности он каждый раз забывал отыскать нужное заклинание, и вот к чему это привело.

КОРОЛЬ КРАПОДИН ПЕРВЫЙ.
И ГЛАВНОЕ:
ЗОЛОТЫЕ ПОЮЩИЕ
КОЛОКОЛЬЧИКИ

Ступени, кружась вокруг каменного столба, уходили вниз, в темноту.

Но вот откуда-то из глубины появился слабый, неровный свет — это был свет факела.

Король осторожно, боясь оступиться, спускался по ступеням. Снизу тянуло сыростью и гнилью. Мерно падали капли воды, как стеклянные, разбивались о каменные ступени, стекали в трещины, обведённые ржавым мхом.

Послышалось глухое бормотание:

— Растереть вместе сандал, камень гиацинт, красный коралл, белый коралл, мускус, хвост саламандры, соловьиные язычки, горсть пшеницы... три дня томить на малом огне в медном сосуде, перелить в глиняный сосуд, остудить...

«Старый, выживший из ума Мираклюс, — раздражённо подумал король. — Как мне это надоело. К тому же здесь такой леденящий холод. Не схватить бы насморк...»

Король остановился перед низкой дверью. Медная ручка двери позеленела от сырости.

Двое неподвижных стражников, казалось, сторожили собственные тени. Тени, как живые, зашевелились за их плечами, когда в распахнувшуюся дверь влетел сквозняк и распластал по стене пламя факела.

Посреди подземелья на столе чёрного дерева в беспорядке стояли всевозможные колбы, реторты, мраморные ступки, песочные часы. Валялись пожелтевшие свитки, древние книги с медными застёжками.

Человечек маленького роста, тщедушный и хрупкий, встав на цыпочки и чуть приоткрыв крышку котла, висящего на железных цепях над очагом, сынал туда тёмный порошок.

Серное облачко плясало над котлом.

Это был Мираклюс, магистр Мираклюс.

Его ярко-голубые глаза казались фарфоровыми. У него был взгляд безумца или человека, одержимого одной-единственной мыслью.

Когда-то он был музыкантом.

С трудолюбием муравья он выучился игре на всевозможных инструментах.

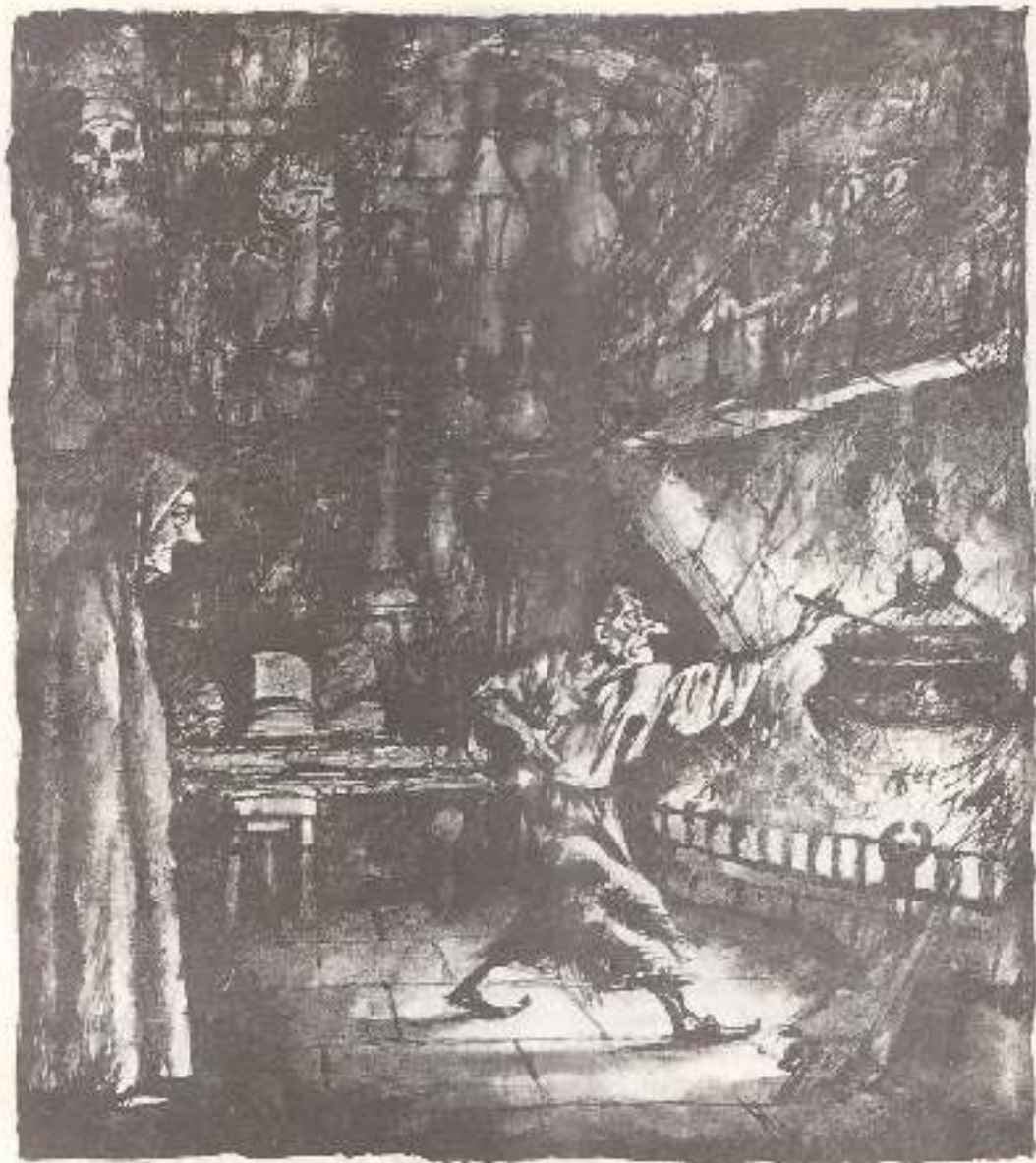
Он скупал старинные изящные скрипки и тёмные виолончели, в которых, казалось, поселились сумерки. В своём мрачном доме он жил как повелитель целого царства молчаливых и покорных слуг, готовых по его воле заговорить и запеть.

Но власть эта была призрачной. Музыка словно не хотела покориться ему.

Скрипка под его смычком не пела, а пронзительно взвизгивала и фальшивила. Флейта пищала, а звук виолончели напоминал голос бранчливой рыночной торговки.

«Всё дело в этих бездарных глупых инструментах,— утешал себя музыкант.— Я должен найти инструмент, достойный меня, достойный моего редкого таланта...»

Рядом, по соседству, под самой крышей маленького дома жила юная кружевница Миэль. Девушка частенько сидела возле узкого окна, подперев щёку кулачком, разглядывала летящие мимо снежинки. А потом ткала кружева, лёгкие и мерцающие, как падающий снег.

Однажды Мираклюс услышал звуки прекрасной незнакомой музыки. Чистая мелодия лилась, поднималась куда-то ввысь, улетала и вновь возвращалась. От неё веяло живым теплом, и она рассказывала о скорой весне.

Мираклюс выбежал на улицу. Перед домом Миэль стоял

высокий, немного сутулый юноша с чёрными волосами, тусклыми прядями, падавшими на плечи.

Он играл на скрипке, а кружевница Миэль сидела у окна и задумчиво слушала, по привычке подперев щёку маленьким кулачком.

— Скрипку! Продай мне свою скрипку! — взмолился Мираклюс. — Я заплачу за неё вдесятеро больше, чем она стоит!

Но музыкант только покачал головой:

— У меня нет ничего, кроме этой скрипки! Я её не продам.

Сколько ни упрашивал, ни уговаривал его Мираклюс, юноша упрямо твердил своё.

«Я не ошибся. Весь секрет в скрипке, — решил Мираклюс. — Не может этот жалкий мальчишка играть так прекрасно, так вдохновенно. Ах, хитрец, ах, проныра! Теперь понятно, почему он не захотел продать мне свою скрипку!»

В тоске бродил Мираклюс по пустынным комнатам своего дома, не прикасаясь больше ни к одному инструменту, а пыль и паутина натягивали на них серые чехлы.

Однажды на стук молочницы никто не открыл дверь.

Мираклюс исчез. Никто не знал, где он. Умер или ушёл бродить по свету.

На самом деле его пристанищем стало мрачное подземелье королевского дворца.

Со страстью принялся он изучать чёрную магию, пытаясь раскрыть её ускользающие тайны. Он надеялся с их помощью покорить стихию музыки.

«Я создам самый совершенный инструмент, которому нет подобных, — мечтал Мираклюс. — И тогда все поймут, что я величайший музыкант в мире. Все птицы беспечно поют и чирикают, но надо иметь золотое соловьиное горло».

Король, с трудом скрывая досаду, слушал его бессвязные речи, не мешал ему жить в стране путаных грёз и сновидений...

Король перешагнул порог и, как всегда, зябко поёжился, плотнее запахнул плащ у горла.

— Ну, чем ты нас порадуешь сегодня, Мираклюс? — мрачно спросил он.

— Взгляните сюда, ваше величество!— Мираклюс чуть приподнял крышку котла.

В котле кипела и бурлила густая, чёрная, как ночь, маслянистая жидкость.

На миг что-то золотое, разбрызгивая лучи, засветилось

из темноты, но Мираклюс тут же поспешно накрыл котёл крышкой.

— А вы послушайте, как они звенят! Мои чудесные золотые колокольчики!— иступлённо вскричал Мираклюс.

Нелепыми заячьими прыжками он подскочил к высокому подсвечнику и разом задул все свечи.

Подземелье погрузилось в крошечный мрак. Запахло чадом погасших свечей. Король вздохнул, подчиняясь неизбежному, ощупью нашёл кресло и сел.

В темноте слышался прерывающийся от волнения голос Мираклюса:

— Ваше величество! Я переплавил людские улыбки, лукавые, шаловливые, нежные, в золотые бубенцы и колокольчики! Пусть эти люди больше никогда не смогут улыбнуться, но наступит час, и они услышат музыку, очищающую душу. Вот крошечный колокольчик — это улыбка ребёнка! Вы только послушайте, как он звенит! Впитайте в себя его звон...

Подземелье наполнил негромкий ясный звон, свежий и прозрачный, как лесной ключ утром среди фиалок.

— А-а!— пронзительно закричал Мираклюс.— Теперь послушайте этот! О мой чудесный колокольчик! Это — улыбка матери!

Под нависшими сводами поплыл ласковый, убаюкивающий звон, глубокий и нежный.

— Дай мне их! Ну дай же мне их скорее!— протягивая руки в темноту, нетерпеливо проговорил король.— Вот они! Какие они тяжёлые! Тяжёленькие, и как их много...

Король с жадностью схватил золотые колокольчики. Он пересчитывал их в темноте, сбивался со счёта, начинал сначала.

— Проклятие! Неужели они до сих пор боятся света?— с тоской и бессильной яростью прошипел король.

— Увы!— простонал Мираклюс.

Король так и затрясся не то от озноба, не то от злости. Да, друзья мои, приготовьтесь узнать нечто невероятное!

В древних книгах и манускриптах разыскал магистр Мираклюс проклятый секрет, как отнимать у людей самое заветное их сокровище — улыбку.

С тех пор день и ночь бродили по городу королевские сборщики улыбок и отнимали улыбки у всех жителей, оставляя после себя мёртвую тишину и отчаяние. Они прислушивались, не звучит ли где тихий спрятанный смех, приглядывались, не утаил ли кто-нибудь свою улыбку.

Все эти улыбки магистр Мираклюс превращал в золотые поющие колокольчики на дне своего дьявольского котла.

Но золото это обладало одним поистине удивительным свойством. Стоило только упасть на золотой колокольчик случайному отблеску солнца, дрожащему лучу свечи, как колокольчик тут же вновь превращался в улыбку.

Колокольчик таял в воздухе, слышался еле слышный щекочущий смех, и улыбка вновь возвращалась к своему владельцу.

Конечно, королевские сборщики улыбок без труда находили беглянку. По особому блеску глаз, по дрожанию губ они обнаруживали улыбку и снова отбирали её.

Но что толку! Снова превращал улыбку в золотой колокольчик магистр Мираклюс. Однако капризное золото по-прежнему исчезало при первом луче света.

В полной темноте магистр Мираклюс часами играл с бесценными колокольчиками, наслаждался их мелодичным звуком. Но не долго длилось это счастье. Король спускался в подземелье и безжалостно отбирал у него все колокольчики, все до единого.

Где он их прятал, где хранил, не знал ни один человек во дворце...

«Только бы убить улыбки, убить это живое золото... — стараясь унять дрожь, подумал король. — Старик клянётся создать волшебный эликсир. Говорит, одной его капли достаточно, чтобы золотой колокольчик навсегда перестал бояться света. О, тогда я сейчас же прикажу перелить все колокольчики в монеты, в полновесные золотые монеты. Наконец-то я стану богат, несметно, неслыханно богат. Тогда прощай, жалкий фантазёр Мираклюс, прощай, моя невеста, капризная королева Ветреница...»

— О, только бы создать волшебный эликсир... — просто-напросто где-то у ног короля магистр Мираклюс. — Я сделаю из

золотых колокольчиков чудесный музыкальный инструмент. Ведь у каждого колокольчика свой дивный неповторимый голос. А когда они зазвучат все вместе — это будет поистине золотая музыка. Тогда слава, как служанка, покорно и униженно сама постучит в мою дверь...

Так оба этих человека в кромешном мраке мечтали каждый о своём.

— Мечтай, глупец! — с издёвкой неслышно прошептал король. — Что стоит дешевле, чем мечта глупца?

Король заботливо завернул золотые колокольчики в свой бархатный чёрный плащ.

— Зажги свечи! — нетерпеливо приказал он. — Какая, однако, здесь болотная сырость. Ах, я, кажется, сейчас чихну. Терпеть не могу чихать в темноте. Впрочем, при свечах — тоже.

Король отчаянно боялся простуды, и насморк казался ему величайшим несчастьем.

Магистр Мираклус дрожащими руками зажёл свечи в высоких подсвечниках. Язычки огня, распрямляясь, осветили сырые низкие своды.

— А это что? — Король указал на кучу чёрных уродливых камешков на столе магистра Мираклуса.

— Это?... — Мираклус на мгновение смущённо замаялся. — Не удивляйтесь, ваше величество. Все улыбки бедняков в вашем королевстве уже давно отобраны. Теперь сборщики улыбок приносят мне улыбки богачей: придворных, зажиточных лавочников и стражников. Но это уже не улыбки, а ухмылки — подбострастные, алчные, злорадные. В них подмешалось столько мрака, что они превращаются не в золотые колокольчики, а в чёрные камни.

— На что мне эти чёрные камни! Мне нужно золото, много золота! — раздражённо воскликнул король. Он нахмурился и пробормотал словно про себя: — Я раздобуду новые улыбки... Есть ещё на свете королевства, где доверчивые глупцы улыбаются на каждом углу. Я пошлю туда Главного Сборщика Улыбок и он...

Тут король снова повернулся к Мираклусу и подозрительно поглядел на него:

— Постой, постой, а моя улыбка? Я желаю знать, во что превратилась моя добрая, обаятельная улыбка? В золотой колокол, в алмазный? Говори же!

Магистр Мираклюс с виноватым видом отвёл глаза.

— Увы! — в замешательстве прошептал он и протянул королю маленький мрачный камушек жгуче-чёрного цвета.

Король со злобой оттолкнул руку Мираклюса.

— Но ты молчишь о главном, старик! — с угрозой проговорил король. — Когда же, когда, наконец, будет готов волшебный эликсир?

— Я день и ночь ищу разгадку этой тайны, — с тоской простонал магистр Мираклюс.

— Даю тебе три дня срока, не больше. — Угрюмый взгляд короля не предвещал ничего доброго. — Мне надоело ждать. И учти, из бездельников получаются отличные висельники!

Король так резко захлопнул за собой дверь, что порыв ветра сорвал с фитилей языки пламени и погрузил в крошечную тьму подземелье и магистра Мираклюса...

Король поднимался по крутым ступеням, торопясь оставить внизу сырость и темноту.

Чем выше он поднимался, тем громче становился голос ветра.

Там, снаружи, словно все ветры мира свились в кольцо вокруг королевского дворца.

Они пересвистывались, завывали на разные голоса. Косо летели голубые снежинки.

Прогредел лист железа, сорванный с какой-то крыши.

«Это она, моя невеста, королева Ветреница. Она летит, она уже близко...» — зябко поёжившись, подумал король.

На верхней площадке лестницы короля поджидали придворные и его любимец барон Нибумбум.

— Какая прелестная погода, ваше величество! — воскликнул барон Нибумбум. — Не понимаю только, почему сегодня все петухи в королевстве передрались и так громко хлопают крыльями?

Барон Нибумбум считался первым глупцом в королевстве. Он смотрел на всех наивными доверчивыми глазами и вечно молот всякую чепуху. Но король подозревал, что он из хит-

рости прикидывается таким дуралеем, и потому не слишком доверял ему.

— Её величество королева Ветреница ожидают вас, — с поклоном сказал барон Нибумбум.

Страна королевы Ветреницы находилась как раз по соседству с владениями короля Краподина Первого.

Население этой страны было на редкость шумным, беспокойным и непоседливым. Впрочем, чему тут удивляться, — ведь это были ветры.

Когда королева решала навестить своего жениха, она приказывала отпереть тяжёлые чугунные ворота. И тогда вслед за своей повелительницей в распахнутые ворота со свистом вылетала её прозрачная свита: ветры, вихри и сквозняки.

Стоило королеве появиться во дворце Краподина Первого, как все двери начинали хлопать, занавески взлетать к потолку.

Мелкие ветерки, пажи королевы, лукавые и любопытные, проникали во все щели и замочные скважины, заглядывали в кастрюли на кухне, гремели крышками, шалили с оборками и причёсками придворных дам. Борзые и гончие королевы, прозрачные, чуть видимые, с лаем носились по лестницам. Дуло и сквозило из всех углов. На разные голоса завывали каминные трубы, будто в каждом поселилось больное привидение.

«Нет, королева Ветреница вовсе не в моём вкусе, — думал Краподин Первый, переходя из зала в зал, а невидимые придворные королевы со свистом сгибались в поклонах. — Она вся сквозная, порывистая. Эти ускользающие глаза и быстрые пальчики... Бр-р!.. А характер? Непостоянный, капризный. Как говорится: ветер в голове! В любой момент может сдуть меня с трона. К тому же каждый день что-нибудь новенькое. Сегодня у неё северное настроение, завтра — южное. «Ах, как мне холодно! Согрейте меня!» И южные ветры согревают её, кутают в меха прозрачных соболей и лис. «Ах, мне жарко! Остудите меня!» И северные ветры пудрят её ледяной пылью. А мне каково? Непременно чихну или в ухе стрельнёт. Нет, мне нужна совсем другая жена: милая и нежная. И главное, каждый день одинаковая. Барон Ни-

бумбум недавно рассказывал мне что-то о девушке с золотыми волосами. Я люблю всё золотое... Однако пока королева мне необходима. Я должен ждать, ждать до тех пор... Но, те-с!.. Об этом даже думать опасно. Проклятый сквозняк так и свистит в ушах. Наверно, он хочет подслушать мои мысли...»

Король на мгновение остановился. Взглядом выделил из толпы придворных человека с холодными острыми глазами и мягкими вкрадчивыми движениями. На придворном был тускло-серый бархатный плащ, вышитый по краям узором из золотых снежинок, в руке шляпа с длинным павлиньим пером.

Это был Главный Сборщик Улыбок, самый опасный и влиятельный человек при дворе.

— Я недоволен, — нахмурившись, сказал ему король, — да, я недоволен тобой. Мне не нужны улыбки, которые превращаются в чёрные камни. Ты должен раздобыть мне улыбки задорные, счастливые, задумчивые. И побольше. Тебе придётся совершить не совсем обычное путешествие... Но об этом после, после, сейчас я тороплюсь... Моя невеста уже прибыла и ожидает меня.

Прошло совсем немного времени, и от придворного к придворному полетел еле слышный тревожный шепоток:

— Человек-ключ... Человек-ключ... Дверь-загадка... Король приказал...

Этих коротких слов было достаточно, чтоб на дворец опустилась гнетущая тишина. Дворец словно вымер. Слуги, бледнея, разбежались, придворные попрятались.

В конце пустой зеркальной галереи появились четыре стражника. Они вели стройного худощавого юношу со спутанными белокурыми волосами. Он шёл медленно, неуверенно ступая, закрыв бледное лицо руками, как будто дневной свет жёг ему глаза.

Угрюмые и молчаливые стражники остановились перед тяжёлой дверью из гладкого тёмного дуба, только по углам окованной медью. Странная это была дверь: без замочной скважины и дверной ручки.

Торопливо вошёл король. Одной рукой он бережно подерживал чуть слышно звенящие золотые колокольчики, завёрнутые в край бархатного плаща. В другой руке у него ничего не было. Нет, нет, вдруг что-то блеснуло у него на ладони! Что-то невидимое, совсем прозрачное, лишь на миг вспыхнувшее всеми цветами радуги, как капля росы на травинке.

— О, мои руки, такие нежные и зябкие! — простонал король. — Какой холод, я не выдержу... Я отморожу пальцы...

Король нетерпеливыми быстрыми шагами подошёл к юноше. Стражники отступили в сторону. Тёмные и безгласные замерли, как тени.

— Трот, замочных дел мастер! Помнишь ли ты свою невесту? — в глубокой тишине негромко, но внятно спросил король.

Юноша опустил руки. И вдруг словно слабый луч солнца прошёлся по его измождённому лицу, лишённому всех красок жизни.

Губы юноши дрогнули, и он улыбнулся.

И в тот же миг, в тот же самый миг, словно отвечая его улыбке, дверь-загадка медленно, со старческим скрипом отворилась сама собой.

Король поспешно шагнул через порог, и тяжёлая дверь со стуком тотчас захлопнулась за ним.

Стражники снова окружили юношу.

— Я не хочу снова туда, в темноту... — глухим, измученным голосом проговорил юноша. — В этом мраке меркнут, гаснут её золотые волосы. Я не могу удержать в памяти её глаза, её кроткое нежное лицо.

Юноша рванулся, пытаясь освободиться, но стражники окружили его, скрутили ему руки.

Они снова повели его притихшими, безлюдными залами. Куда-то вниз по лестницам всё ниже, глубже в темноту...

Да, немало тайн скрытно и молчаливо хранили мрачные подземелья дворца Краподина Первого!

И всё же, друзья мои, всё же кое-что проясняется в этой загадочной истории.

Теперь мы знаем, кто был тот странный незнакомец в сером плаще и шляпе с павлиньим пером, столь неожиданно появившийся на кухне волшебника Алёши.

Да, да! Совершенно верно. Это был слуга короля, Главный Сборщик Улыбок. Теперь становится понятным, зачем понадобился ему волшебный мел, при помощи которого можно проникнуть в любую сказку. Добавим ещё, какое счастье, что волшебник Алёша сразу заподозрил недоброе...

Но, однако, довольно. Нам пора, давно пора вернуться к нашим друзьям. Как вы, наверно, помните, волшебник Алёша с термосом под мышкой, Катя и кот Васька неожиданно очутились на заснеженной площади старинного сказочного города.

Итак, не будем медлить, поскорее отправимся туда и посмотрим, что же там происходит.

Глава 5

КОТ ВАСЬКА БОИТСЯ УЛЕТЕТЬ. И ГЛАВНОЕ: ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ГЛАЗАСТИК

— Начнём с того, что не будем волноваться, — сказал волшебник Алёша, глядя на своих приунывших друзей. — Ты, Катя, застегнись первым делом, в такой холод пара пустяков простудиться. То, что мы попали в сказку, — несомненно. Но это вовсе не причина вешать нос. Сказка может быть интересная, добрая, с хорошим концом. Поэтому огорчаться нет никаких оснований. Логично?

— Нечего котам подражать, — буркнул кот Васька. — Отлично знаешь, что это я люблю так сам себя спрашивать и сам себе отвечать: «Логично?» — «Логично!..» Ой, да держите меня!

Неожиданно по площади, позванивая ломкими снежинками, пронёсся порыв ветра, и кот Васька, часто перебирая лапами, взлетел в воздух.

— Держите меня, ловите! — взвыл кот Васька, отчаянно пытаясь за что-нибудь уцепиться когтями и делая круг над волшебником Алёшей. — Улетаю, улетаю! Что же вы смотрите?

Волшебник Алёша подпрыгнул и в последний момент успел схватить улетающего кота за лапу. Он притянул кота Ваську к себе, ласково стряхнул с его шерсти осколки снежинок.

— С чего это я вдруг стал такой летучий? — ещё тяжело дыша, проговорил кот Васька, прижимаясь к волшебнику Алёше. — Что же это, братики-котики? Я вам не птичка, чтобы летать.

— Погоди, погоди... — задумчиво сказал волшебник Алёша. — Попробуем разобраться. Ветер, конечно, сильный, но не настолько...

— Дядя Алёша... — Катя незаметно толкнула локтем волшебника Алёшу, указывая куда-то.

Из-за угла дома вышла девочка, закутанная с головой в грубый платок и от этого похожая на скворечник на двух тонких ножках.

— Девочка! — окликнул её волшебник Алёша.

Девочка сделала несколько неуверенных шагов и остановилась.

Её темные волосы какими-то грустными прядями лежали вдоль щёк. Серое платье, туго стянутое в талии пояском, падало до земли унылыми прямыми складками.

У девочки было худенькое и бледное лицо. А глаза такие громадные и глубокие, что в них было страшно смотреть.

— Вы вашего кота привяжите, — негромко сказала девочка. — Это ещё маленький ветерок, а вот если прилетят большие ветры, он... улетит, улетит...

Она так глубоко вздохнула, что у неё что-то зазвенело в груди.

Вдруг девочка выпустила углы платка и тот сполз на зем-

лю. Она стояла худенькая, в длинном сером платье, растопырив руки, тонкие, как соломинки.

Она глядела на снег позади волшебника Алёши с таким удивлением, что он тоже невольно оглянулся.

— Следы...— прошептала девочка.

— Ну и что?— не понял волшебник Алёша.

— Какие глубокие...— девочка подошла поближе, присела на корточки и сунула тонкий пальчик в ямку на снегу.

И только тут волшебник Алёша увидел, что девочка подошла к ним, не оставляя на снегу никаких следов. Снег, по которому она прошла, был свежий, непримятый, будто её ноги скользили по воздуху.

Волшебник Алёша от удивления выпустил кота Ваську, и тот взмыл кверху с негодующим воплем.

— Привяжите его скорее! Привяжите...— Девочка поспешно развязала свой пояс, протянула его волшебнику Алёше.

— Только не за шею. Я вам не собака, учтите!— возмутился кот Васька, плавно покачиваясь в воздухе.

Волшебник Алёша обвязал кота Ваську поперёк живота, стараясь, чтобы было и не туго и надёжно.

Тем временем Катя подошла к девочке. Девочка удивлённо следила за каждым шагом Кати, за каждым отпечатком её ноги на снегу.

— Меня Катя зовут. А тебя?— спросила Катя.

— Меня? Глазастик,— ответила девочка.

— Я почему-то так и думала.— Катя улыбнулась.

— Что это?— воскликнула Глазастик.

— Что?— переспросила Катя.— Ты о чём?

— У тебя на губах,— попробовала объяснить девочка,— как будто расцвёл цветок. На губах цветок... Я никогда не видела.

Девочка робко протянула руку, тронула холодным пальчиком Катины губы.

— Как это ты делаешь? Я так не могу.

Катя вопросительно оглянулась на волшебника Алёшу. Тот, чуть нахмурившись, прислушивался к разговору девочек.

— Это она про твою улыбку,— негромко сказал он.— Странно. Похоже на то, что эта девочка не умеет улыбаться. Неужели?.. Девочка без улыбки...

Между тем совсем стемнело. Крыши домов слились с небом, и, словно повисшие в бархатной пустоте, ярче засветились окрепшие огоньки свечей.

— Какое у вас тут всё чудное,— не выдержала Катя.— Ты в каком классе учишься?

— погоди, погоди, Катя,— мягко остановил её волшебник Алёша. Он к чему-то прислушивался.— Пока не надо лишних вопросов...

Послышались голоса. Где-то в конце площади мелькнул и закачался свет. Шли с фонарями.

— Это королевские сборщики улыбок,— поёжилась Глазастик. Она подняла со снега платок и вся закуталась в него.

— Как? Как ты сказала? Сборщики улыбок?— словно не веря своим ушам, переспросил волшебник Алёша. Он оглянулся по сторонам.— Пожалуй, разумнее было бы...

— Идёмте со мной. Идёмте...— быстро проговорила Глазастик.

Она заспешила через площадь, маня их за собой.

Глазастик ступала легко и неслышно. Маленький стоптанный башмак свалился с её ноги, и она нетерпеливо сунула в него ногу.

Они свернули в переулок. Здесь дома были пониже, огоньки в окнах домов попадались не так часто.

Мимо них прошёл бедно одетый человек с мешком за плечами. Он шёл, опустив голову, погружённый в мрачную задумчивость, и не заметил их.

— Это продавец грустных игрушек,— на ходу объяснила Глазастик.— Его куклы плачут. А зверушки так жалобно пищат. Такие игрушки никто не покупает, а других он делать не может... Других не может...

— Вот оно что...— пробормотал волшебник Алёша.

Они дошли до конца переулочка.

— Следы! Смотрите! Какие глубокие!— слышались издалека приглушённые голоса.

Среди голосов выделялся один резкий и повелительный:

— Немедленно разузнать, чьи это следы!

— Через забор... так мы быстрее, через забор... — лепетала Глазастик, убегая вперёд. На снегу чернел её безобразный платок.

Волшебник Алёша посадил Катю, помог ей перелезть через забор, утыканный сверху железными остриями.

Кот Васька плыл над ними ворчливым воздушным шариком.

— Занесло нас неведомо куда, — раздражённо ворчал кот Васька. — И с чего это я летаю, если я вовсе не хочу летать?

Снег пошёл ещё гуще. Снежинки, небывало крупные, слабо светились в темноте. С сухим шорохом устилали всё вокруг.

Они прошли ещё немного, и вот навстречу им из мрака теплом и уютом зажглись окна низкого дома.

Дверь распахнулась. На крыльцо выбежала женщина в пёстром платье с испуганным, расстроенным лицом.

— Ох! Совести у тебя нет, — набросилась она на Глазастика. — Я тут извелась совсем. На улице ветер, а ты гуляешь. Одна! Ниточка все глаза исплакала.

Тут женщина увидела Катю и волшебника Алёшу и умолкла, с удивлением глядя на них.

— Тётушка Ох! Я, правда, не виновата, — принялась оправдываться Глазастик. — Я их встретила на площади. Вы только посмотрите, они совсем проваливаются в снег. Не могла же я... Не могла...

Катя уже заметила, что Глазастик повторяет свои слова, как будто она своё собственное эхо. И звучало это как-то необычайно грустно.

— Ох!.. — сказала женщина и посторонилась, пропуская в дверь волшебника Алёшу и Катю.

Свет и тепло окутали вошедших.

Навстречу им торопливо поднялась со скамьи тоненькая девушка с нежным, кротким лицом.

Только тут Катя поняла, почему так светло в этой бедной комнате, освещённой одной-единственной свечой в медном подсвечнике, закапанном зелёным воском.

Волосы девушки сами излучали свет.

Они лились на плечи потоком чистого золота и падали вниз почти до земли, до грубых башмаков, похожих на ореховые скорлупки.

Девушка так крепко обняла Глазастика, что та застонала.

— Больше никогда... — проговорила девушка, отворачивая лицо.

— Ниточка, правда, я не хотела... — виновато сказала Глазастик. — Потом, на площади был Вихрик. И он сказал, что большие ветры улетели на море качать корабли... Качать корабли...

— Держись от них подальше, — не отпуская Глазастика, прошептала Ниточка. Её золотые волосы совсем закрыли девочку. — И нечего тебе болтать с Вихриком. Господи, ты стала такая лёгкая, легче пёрышка. Я боюсь...

— Ох! Что нам ждать хорошего, — пробормотала тётушка Ох.

Тётушка Ох поставила на стол глиняное блюдо с лепёшками. Потрогала Катины ледяные руки, посадила её поближе к печке.

— Ох, не иначе, как девчонка простудилась, помяните моё слово, — озабоченно покачала она головой.

Коту Ваське налили миску молока. Он неохотно подошёл к миске, понюхал молоко, повёл носом и отошёл прочь.

— Надо же! Совсем аппетит потерял, — пробормотал он.

Случайный сквозняк влетел в приоткрывшуюся дверь, и кот Васька с отчаянным мяуканьем взмыл вверх. Он сделал круг под потолком и пристроился поближе к тёплой печной трубе.

— Поспать, что ли, — меланхолично сказал кот Васька. — Может, проснусь, а я уже не летаю, а хожу по земле, как все порядочные коты.

Продолжая висеть в воздухе, кот Васька свернулся клубком, нос прикрыл кончиком хвоста, чтоб снились хорошие сны, вздохнул и задремал.

Глядя на него, Катя не выдержала и улыбнулась.

— Смотрите, да смотрите же! — пронзительно закричала Глазастик, указывая на Катю.

Она протянула руку и осторожно тронула Катины губы.

— Она улыбается, — тихо и недоуменно сказала Ниточка.

— Значит, вот что такое улыбка! — сказала Глазастик. — А то я всё слышу «улыбка», «улыбка», а никогда не видела. Я так не могу.

— Смешно! — удивилась Катя. — Как это не можешь? Возьми да улыбнись.

— Не могу. — Глазастик подняла на неё свои огромные глубокие глаза, в которые было страшно смотреть. — Я не могу улыбнуться. У меня нет улыбки... нет улыбки...

— Как это нет улыбки? — ещё больше удивилась Катя.

— Я тоже хотел бы знать, — нерешительно начал волшебник Алёша. — Как вы догадываетесь, мы прибыли сюда очень издалека. И, по правде говоря, я пока ровным счётом ничего не понимаю. Почему Глазастик не может улыбнуться? Кто такие королевские сборщики улыбок?

— Это они отобрали у нас улыбки! — вырвалось у Глазастика.

— Прикуси язык, болтушка, — строго одёрнула её тётушка Ох и вдруг добавила, глядя на Глазастика взглядом, полным нежности: — Девочка моя, ты была совсем крошка, когда у тебя отобрали улыбку. А Главный Сборщик Улыбок... — тут голос тётушки Ох упал до шёпота, — он... он умеет проникать повсюду. Он ходит ночами по городу и пробирается даже в наши сны. Он отнимает улыбки, которые нам снятся. И тогда...

Тётушка Ох с тревогой посмотрела на Глазастика и замолчала.

— Продолжайте, прошу вас, — попросил волшебник Алёша.

— Не знаю, зачем нужны наши улыбки королю, — вздохнула тётушка Ох, — но, видно, нужны зачем-то. Вот они и рыщут повсюду, эти сборщики улыбок. Это вовсе не больно. Только лёгкий укол в сердце, и ты больше уже не можешь улыбнуться. Беда только, что люди без улыбок уже не те, совсем не те. Ох, так меняются, что и не узнать! Ничего больше не хотят, ни о чём не мечтают. Они худеют, бледнеют, словно превращаются в собственную тень. От грусти они становятся такие лёгкие... А уж если отобрали улыбку во сне и она даже не может присниться...

— Замолчи, замолчи. — Ниточка снова прижала к себе Глазастика. — Не говори об этом.

— А мне уже всё равно... Всё... — Глазастик почти равно-

душно опустила голову. Тени от длинных ресниц словно потекли по её щекам, делая её ещё бледнее, ещё печальней.

Где-то далеко на городской башне сонно и гулко отбили полночь часы.

Катя до того устала, что слова до неё доходили словно сквозь шум волн. Глаза слепили золотые волосы Ниточки, которые отражали и множили свет догорающей свечи.

Катя сама не заметила, как, уткнувшись лицом в рукав волшебника Алёши, она задремала.

— Что ж, утро вечера мудренее, утро вечера мудренее, как говорится в одной сказке, — сказал волшебник Алёша. — Всё это надо хорошенько обдумать. Как вы считаете? О, несомненно!..

Глава 6

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ. И ГЛАВНОЕ: ВОЛШЕБНИК АЛЁША ОТПРАВЛЯЕТСЯ ВО ДВОРЕЦ

Катю разбудил чей-то пристальный взгляд.

Катя открыла глаза. Над ней наклонилась Глазастик. При свете дня её лицо казалось голубоватым, как тающая льдинка.

— Ты всё спишь и спишь, — тихо сказала она. — А мне так хочется с тобой поговорить. Поговорить...

Катя села, спустила ноги на пол. Видно, она вчера так и уснула на лавке, а кто-то сунул ей под голову подушку, укрыл тёплым плащом.

— Вот вроде бы и всё... — негромко сказала тётушка Ох и вздохнула.

Она и волшебник Алёша сидели рядышком за столом и разговаривали.

— Так, так, — задумчиво проговорил волшебник Алёша. — Люди без улыбок... Как это раньше не приходило мне в голову? От грусти они становятся лёгкими. Оно и понятно — без улыбки нарушается сказочное притяжение. Но позвольте, позвольте, уважаемая тётушка Ох, как же в таком случае придворные? Ведь они тоже остались без улыбок, насколько я понимаю.

Тётушка Ох пожала плечами.

— Ох! Да ведь они и прежде были угрюмые, не улыбкающие. По-настоящему, по-хорошему никогда и не улыбались. Отобрали у них улыбки, они и не заметили даже. Им что есть улыбка, что нет — всё равно. Разве станут они грустить из-за такой малости? Верно, поэтому они и не улетают.

Тётушка Ох печально и строго посмотрела на волшебника Алёшу:

— Это у нас, у бедных людей, всего-то и было радости: посмеяться от души.

— Пожалуй, вы правы, да, да... — Волшебник Алёша с сочувствием кивнул головой.

— Мало нам этих бед, — вздохнула тётушка Ох, — а тут ещё печаль: пропал Трот, жених Ниточки. Что за парень был! А уж и искусник, второго такого не сыщешь. Но вот уже больше года мы ничего о нём не знаем.

Ниточка порывисто отвернулась к окну, пряча лицо. Золотые волосы окутали её всю, и она стала похожа на маленький стожок золотого сена.

— Мур-мяу! — подал голос кот Васька. Он потянулся, зевнул и открыл пронзительные зелёные глаза. — Впрочем, никакого мур, одно только мяу. И домой очень хочется, соскучился по родной крыше. Скоро мы домой, пушистый Алёша?

— Скоро, скоро, — рассеянно ответил ему волшебник Алёша, погружённый в свои мысли.

Глазастик встала на цыпочки, дотянулась до кота Васьки, осторожно потянула его вниз. Посадила на лавку, ласково погладила своей тонкой рукой, еле касаясь спинки.

— Может, молочка попьёшь? — спросила она. Но кот Васька только сокрушённо вздохнул.

— Дорогая, уважаемая тётушка Ох! Должен вам сообщить, что я прибыл сюда не с пустыми руками, — бодрым голосом начал волшебник Алёша и не без торжественности поставил на стол свой старый голубой термос. Заметив недоверчивый взгляд тётушки Ох, он добавил: — Не удивляйтесь. В этом сосуде у меня сидит кое-кто. Не будем пока уточнять, кто именно. Важно другое. Этот «кто» поможет нам справиться со всеми бедами, раздобудет отобранные улыбки. Я ничуть в этом не сомневаюсь. Более того. Это даже не составит для него особого труда!

Волшебник Алёша поднял глаза, прикидывая расстояние от пола до потолка. Да, потолок низковат. Как бы джинн не стукнулся головой.

Волшебник Алёша встал, положил руку на крышку термоса.

— Катя и вы все! — сказал он. — Только, пожалуйста, не пугайтесь. Это вовсе не опасно. Воспринимайте это, ну, что ли, как игру воображения, фантазию, наконец. Словом, тут у меня — джинн!

Волшебник Алёша отвинтил пластмассовую крышку. Ниточка обняла Глазастика, прижала её к себе. Тётушка Ох нахмурилась и скрестила руки на груди.

Волшебник Алёша вытянул пробку и поспешно проговорил:

— Джинн, осторожно, не стукнись головой! Эй!

В тот же миг послышался громкий стук, треск, вопль боли и возмущения. Джинн, как и опасался волшебник Алёша, нетерпеливо вырвавшись из термоса, с размаху ударился головой о потолочную балку. Полосатая чалма свалилась на пол. Крепкая доска с трудом выдержала удар, откуда-то с крыши со звоном посыпались остроконечные голубые снежинки.

— Какой нехороший...— прошептала Глазастик, раздвигая пряди опутавших её сверкающих волос.

— О-о!..— жалобно простонал джинн, согнувшись и схватившись руками за голову.— О, я несчастный и невезучий. Горе мне, горе! Я вдребезги разбил свою древнюю, многострадальную голову!

— Ну ладно, ладно! Так уж сразу многострадальную и несчастную,— добродушно сказал волшебник Алёша.— Вечно ты всё преувеличиваешь. Потри немножко, и пройдет. Можно холодненького приложить. На вот, чалму надень.

Джинн надел чалму на свою кудлатую голову.

Он медленно оглянулся и замер, словно не веря своим глазам. Сначала на лице его появилось выражение недоумения, которое быстро сменилось растерянностью и, наконец, откровенным страхом.

— О повелитель!— проговорил джинн дрожащим голосом.— Скажи, куда ты меня принёс? Что это? Ящик, коробка, старый сундук? Мне здесь тесно. Я не могу здесь даже разогнуться.

— Хоть поздоровайся!— сконфузился волшебник Алёша.— Ну можно ли быть таким бестактным, даже если ты джинн?

— Нам здесь будет плохо!— Джинн обежал глазами бедную комнату, деревянные лавки, простой струганый стол.— О повелитель, где мы? Здесь нет ни лифта, ни водопровода. Даже нет электричества. Как же мы тут?

— А ещё просился со мной,— огорчённо сказал волшебник Алёша.— Ещё говорил: «Сколько тысячелетий я мечтал об этом. Тосковал и так далее...»

Глазастик выпуталась из золотых сетей, села рядом с Катей на лавку, тесно прижалась к ней. И Катя почувствовала её острый худой локоть, тонкий, как рыба косточка. В её хрупкости было что-то пугающее.

Джинн тем временем попятился в темноту, в угол, прижался к стене, исподлобья оглядывая всех вспыхивающими, как угли, глазами. От его частого, взволнованного дыхания кот Васька сорвался с лавки и плавно поплыл к потолку, перебирая в воздухе лапами и руля хвостом.

— А я всё летаю и летаю! — печально сообщил кот Васька, делая круг над джином.

Джинн с нескрываемым ужасом проводил взглядом летящего кота Ваську.

— Мне тут не нравится, — слабым голосом проговорил джинн. — Тут летают... О повелитель, прикажи ему опуститься. Не дело это, котам летать по воздуху.

— Ну хватит, — решительно сказал волшебник Алёша. — Мне надоело твоё нытьё. Мы сюда не в гости пришли. У нас здесь полно важных дел.

— Важных дел?! — дрожащим голосом повторил джинн. — Опомнись, о повелитель! По-моему, у нас только одно важное дело: поскорее вернуться домой, назад!

— Ну нет! — Волшебник Алёша с трудом сдержал раздражение. — Об этом не может быть и речи. Возьми себя в руки. Нельзя так распускаться, быть таким малодушным. Ты говорил, что тебе здесь тесно, негде разогнуться? Ну так я тебя пошлю в королевский дворец!

— Куда?! — обмирая от ужаса, прошептал джинн. — В королевский дворец?..

— Ну да, — стараясь казаться спокойным и уверенным, продолжал волшебник Алёша. — Ты же сам говорил, что королевский дворец для тебя, как дом родной. Что ты, можно сказать, вырос на коврах, среди мраморных колонн. Твои же слова, разве не так?

Джинн втянул голову в плечи и закрыл лицо корявыми ладонями.

— Итак, о джинн, слушай и повинуйся! — повелительно проговорил волшебник Алёша. — Отправляйся в королевский дворец! Ты должен сначала узнать, а потом раздобыть...

Но волшебник Алёша не успел договорить. Лицо джинна исказилось от страха, из груди вырвался стон отчаяния, и джинн неуклюже рухнул на пол перед волшебником Алёшей. Волосатыми ручищами он обхватил колени волшебника Алёши, так что тот пошатнулся и ухватился за стол.

— О повелитель! — с мольбой простонал джинн. Он весь дрожал, и от этой дрожи звенело стекло в низком окне. — Не посылай на верную гибель своего ничтожного слугу!

Я хочу домой! Я хочу проехаться на такси, хочу снова услышать, как хлопнула дверь любимого лифта. Я ошибся, я всё забыл. Здесь, в сказке, мне всё чужое. Я... я ничего тут не понимаю. Почему они не улыбаются? Почему у неё светятся волосы? Так не бывает! Я здесь пропаду. Здесь каждый может меня обидеть, прихлопнуть, как жалкую муху. Я боюсь, мне страшно!

— С таким настроением, конечно... Полный провал обеспечен.— Волшебник Алёша безнадежно махнул рукой.— Ступай в термос, глаза бы мои на тебя не глядели. Нет, к помощи джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!..

Джинн торопливо отвесил низкий поклон волшебнику Алёше.

Он сложил руки над головой, очертания его огромного тела начали таять, становиться зыбкими, прозрачными. И скоро тонкой, чуть заметной струйкой он исчез в узком горлышке термоса.

Волшебник Алёша устало опустился на лавку. Не будем скрывать, он был огорчен. Да что там говорить, он был совершенно растерян. Он так надеялся на помощь джинна. Было столько обещаний и какое разочарование! Что же теперь делать? Во всяком случае, надо поскорее убрать термос с джином подальше, чтоб он не попался никому чужому на глаза...

— Значит, придётся мне самому...— потирая лоб, пробормотал волшебник Алёша.— Да, да, самому пробраться во дворец. По правде говоря, я рассчитывал... Хотя, к сожалению, теперь совершенно безразлично, на что я рассчитывал. Впрочем, сожалеть о чём-либо теперь тоже совершенно бесполезно. Если бы я ещё не оставлял таких глубоких следов на снегу...

— Ох! Если ты об этом, то я могу тебе помочь.— Тётушка Ох прервала поток его бессвязных мыслей. Она вытащила из-за печки крепкую метлу на длинной палке.— Попробуем обойтись без этого твоего... уж не знаю, как его и звать. Я пойду сзади и буду заметать твои следы на снегу. Никто ничего не заметит. Если только я правильно тебя поняла.

— Уважаемая тётушка Ох, в высшей степени правильно,— обрадовался волшебник Алёша.— Я именно это имел в виду или что-нибудь подобное, в этом роде.

Тётушка Ох с сомнением оглядела волшебника Алёшу, неодобрительно покачала головой.

— Девочка моя, быстренько какой-нибудь плащ ему,— сказала она Ниточке. И добавила с гордостью:— Она у нас лучшая швея в городе. Такая искусница. Случается, даже придворные заказывают ей плащи с золотым шитьём. А ей достаточно один свой волос вшить по краю, плащ так и блестит.

Ниточка порылась в сундуке и достала тускло-серый бархатный плащ с тонко вышитой каймой из золотых снежинок по краю.

— Посмотрите, а у меня как раз подходящая шляпа! К тому же с павлиньим пером,— сказал волшебник Алёша.— А на кончике пера, вы только присмотритесь, как будто глаз. Можно даже подумать, что этот глаз всё время следит за нами. Вот и сейчас он глядит на термос с джином!

Волшебник Алёша накинул на плечи бархатный плащ, надел на голову чёрную шляпу с пером.

— Что ж, по-моему, не плохо. Как вы считаете? О, несомненно!— Волшебник Алёша, нагнувшись, глянул в маленькое тусклое зеркальце, висевшее на стене.— Катя, слышишь, никуда не уходи, жди меня здесь. И приглядывай за этим беднягой.— Он указал на кота Ваську.— Главное, чтобы он не крутился возле двери. А то какой-нибудь сквозняк его...

— Ну, в добрый час!— озабоченно сказала тётушка Ох.

Катя прижалась носом к стеклу, глядя на уходящего волшебника Алёшу.

Тётушка Ох шла за ним по пятам и, круто взмахивая метлой, замечала его следы.

Они дошли до конца переулка и скрылись из глаз.

Глава 7

НАОБОРОТ ПЕРВЫЙ
И НАОБОРОТ ВТОРОЙ,
И ГЛАВНОЕ:
ГОЛУБОЙ ТЕРМОС

В доме стало тихо. Ниточка вдела в иглу свой золотой волос, принялась за шитьё.

Глазастик, притихнув, стояла у окна, в сером платье, туго стянутом в талии, худенькая, как шахматная фигурка.

Пальцы её крепко ухватились за край подоконника. Катя уже заметила: Глазастик всё время за что-то держится, наверно, по печальной привычке.

«Она боится... она боится улететь», — с замиранием сердца подумала Катя.

— О чём ты думаешь? — робко спросила она Глазастика. — У тебя такое странное лицо сейчас. Будто ты видишь то, что никто не видит.

— Я думаю, что скоро меня здесь не будет. Не будет... — тихо сказала Глазастик и подняла на Катю свои печальные глаза, глубокие, как озёрная вода в тени.

— А ты об этом не думай, — в тоске попросила Катя. — Так только хуже.

— Я стараюсь,— покачала головой Глазастик.— Но бывают такие мысли. Их гонишь, а они сами думаются. Иногда я уже больше ничего не хочу, ничего не боюсь, только бы скорее...

Ниточка бессильно уронила руки на колени. Тяжёлый алый плащ, который она вышивала, сполз на пол. Она с отчаянием посмотрела на Глазастика:

— Так нельзя, родная моя. Даже я надеюсь... что Трот вернётся.

— А я уж ни на что не надеюсь. Не надеюсь... — прошептала Глазастик.

Послышалось пение и скрип полозьев. К дому подкатили нарядные сани. Сытые лошади гнули крутые шеи, под копытами их сахарно хрустели крупные розы-снежинки.

С саней соскочили двое мужчин в дорогих плащах, в шляпах с перьями. Остановились, разглядывая по окна ушедшие в сугробы домики, словно сомневаясь, туда ли они попали.

— Ой, они идут к нам! — с испугом воскликнула Глазастик. — А зачем?

— Ты только тише, тише, ни словечка, — успела шепнуть Ниточка Кате.

Вошли два человека, удивительно похожие друг на друга. Это были королевские сборщики улыбок Наоборот Первый и Наоборот Второй.

Они были близнецами. Похожие друг на друга как две капли воды, они отличались удивительной несхожестью характеров. Наоборот Первый был слащав и сентиментален. Наоборот Второй — желчно-сварлив.

— Отвратительная дыра, — проворчал Наоборот Второй и, казалось, даже пожелтел от раздражения. — Может ли здесь быть та, ради которой мы сюда приехали? Сомневаюсь!

— Наоборот! — воскликнул Наоборот Первый. — Взгляни на эту девушку с золотыми волосами! Она трогательна и прелестна. Этот скромный дом только оттеняет её простодушие и красоту.

— Какие замызганные девчонки! — Наоборот Второй брезгливо покосился на Катю и Глазастика. — Наверно, её сёстры. Слишком много родни. Слишком много родни...

— Наоборот, очень милые сестрички, — возразил Наоборот Первый. — Надеюсь, король их осчастливит и возьмёт в судомойки.

— Впрочем, вот эта, пожалуй, скоро улетит, — с жестоким равнодушием заметил Наоборот Второй, указывая на Глазастика.

— Наоборот! — нежно и ласково сказал Наоборот Первый. — Я уверен, что от счастья она станет чуть веселее, то есть чуть тяжелее, и не вздумает огорчать нас всякими капризами и глупостями... Собирайся, прелестное дитя, — обратился он к Ниточке. — Ты едешь с нами во дворец. Тебя пожелал увидеть сам король.

— А можно мне не ехать? — робко спросила Ниточка. — Мне что-то не хочется сегодня.

— Ах, как она ещё наивна! — Наоборот Первый в притворном восторге поднял глаза к потолку.

— Наоборот, хитра и увёртлива, — проворчал Наоборот Второй.

Ниточка дрожащими руками развязала передник, уронила его на пол, оправила косынку на плечах.

— Никуда не выходите. Окна и двери держите на запоре, — шепнула она девочкам.

Наоборот Первый тем временем, присвистывая, оглядел убогую комнату, грубые лавки, простой струганый стол.

Вдруг взгляд его упал на голубой термос. На старенький голубой термос, который волшебник Алёша, по своей всегдашней рассеянности, так и забыл убрать куда-нибудь подальше.

— Однако какой странный, необычный сосуд! — удивлённо воскликнул Наоборот Первый.

— Наоборот, не нахожу в нём ничего необычного! — проворчал Наоборот Второй.

«Только бы они не вздумали его открыть», — с испугом подумала Катя. Она быстро протянула руку, схватила термос и прижала к груди, невольно выдав себя этим движением.

— Однако... — обескураженно протянул Наоборот Первый.

— Не иначе, как... — подозрительно добавил Наоборот Второй.

— Если она его так крепко держит, значит, она не хочет его отдать, — предположил Наоборот Первый.

— А если она не хочет его отдать, значит, необходимо его отнять, — закончил его мысль Наоборот Второй.

Тут Наоборот Первый и Наоборот Второй со злобой покосились друг на друга. Они терпеть не могли думать о чём-нибудь одинаково.

— Поехали, раз уж нельзя не ехать! — мужественно сказала Ниточка, выступая вперёд и загораживая собой Катю.

Но было поздно. Наоборот Второй, беззвучно и мягко ступая, подошёл к Кате и вдруг резко вырвал из её рук голубой термос.

Наоборот Первый тем временем с любезным поклоном распахнул дверь, пропуская Ниточку вперёд.

Ниточка бросила взгляд, полный тревоги, на девочек и вышла.

Девочки подбежали к окну.

Коня легко взяли с места. Запели дорожную песенку полозя сенок.

Ветер поднял и развернул в воздухе длинные волосы Ниточки. Голубая роза-снежинка, сверкая, запуталась в золотых волнах волос.

МЫШЬ В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ.
И ГЛАВНОЕ:
ДВЕРЬ-ЗАГАДКА

Волшебник Алёша и тётушка Ох подошли к тяжёлым воротам из кованого чугуна. Завитки наверху поддерживали королевский герб: золочёную корону и ключ.

— Вот незадача,— прошептала тётушка Ох и толкнула волшебника Алёшу к тёмной отсыревшей стене.— Как назло: ворота сторожит сегодня Рыжий Нос. Самый что ни на есть противный. Такой въедливый...

— Эй, тётушка Ох!— подозрительно окликнул её высокий стражник с алебардой в руке.— Не сойти мне с этого места, ты всегда приходишь попозже, куда позже, чтобы взбить королевские подушки и перины. С чего это ты так рано сегодня?

Стражник, широко расставив ноги, встал в воротах. У него был тупой взгляд и грубое лицо. Из ноздрей торчали рыжие волосы, похожие на пучки осенней сухой травы. Поэтому его так и прозвали Рыжий Нос.

— Всё-то ты замечаешь, голубчик,— мягко согласилась тётушка Ох.— Только вчера увидела я, что седьмая перина

сверху на постели его величества, того гляди, прохудится. Не приведи бог, полетит из неё пух...

— Провалиться мне сквозь землю! Не иначе, как её мыши прогрызли! — Рыжий Нос даже пристукнул о землю древком алебарды. — Как раз вчера говорю я своей невесте: «Милая Турнепс, говорю, в королевском дворце мышей развелось видимо-невидимо».

— Всё-то ты знаешь, голубчик, — ласково кивнула головой тётушка Ох.

— А как же, — самодовольно подтвердил Рыжий Нос. — Ты только послушай. Иду я на кухню. Точно, точно, я как раз шёл к моей милой Турнепс. Она в тот день пекла мои любимые пироги с грибами. Вдруг смотрю, зола в камине зашевелилась и вылезла из неё мышь. А на голове у неё, чтоб мне шагу не ступить, — золотая корона!

— Всё-то ты видишь, — снова одобрительно сказала тётушка Ох.

— Видишь, видишь... — засомневался Рыжий Нос. — Вот это-то мне и не даёт покоя. Как бы мне достоверно узнать: взаправду я видел мышь в золотой короне или она мне только померещилась?

— Ох, голубчик, — с сочувствием покачала головой тётушка Ох. — Не простое это дело достоверно узнать, видел ты мышь в золотой короне или она тебе только померещилась. Знавала я таких, что и полжизни были готовы отдать за эту тайну.

— Полжизни? — вздрогнул Рыжий Нос. — Провалиться мне на этом месте, полжизни... А ты знаешь эту тайну, тётушка Ох?

— И за что я только тебя так люблю, голубчик, — вздохнула тётушка Ох.

— Значит, знаешь! — нетерпеливо воскликнул Рыжий Нос. — Так открой, открой мне эту тайну!

— Разве уж и вправду сказать... — словно в нерешительности проговорила тётушка Ох. — Но уж ты, голубчик, смотри, никому ни словечка.

— Никому, никому, — часто закивал головой Рыжий Нос.

— Тогда слушай... — таинственным голосом начала тётушка Ох.

тушка Ох. — Значит, так. Если ты увидел мышь в золотой короне, самое главное тут поскорее зажмуриться. Да не как-нибудь, а покрепче зажмуриться, чтоб ничегошеньки не видеть. Потом, через минутку, две, можешь открыть глаза. И если ты опять увидишь мышь в золотой короне, значит, можешь не

сомневаться: ты и вправду видишь мышь в золотой короне. Но совсем другое дело, если ты увидишь мышь в золотой короне и зажмуришься чуть-чуть только. Так, немножечко, сощуришь глаза, и всё. Тут уж не взыщи, сам виноват. Откроешь глаза, увидишь мышь в золотой короне, и уже никто тебе достоверно не скажет: вправду ты видишь мышь в золотой короне или мышь в золотой короне тебе только мерещится. Понял, голубчик?

Рыжий Нос даже пошатнулся. Видно было, что тётушка Ох его вконец запутала.

— Понял, — неуверенно протянул он. — Только пропади всё пропадом, как же я узнаю: правильно я зажмурился или нет?

— Уж так и быть, научу тебя, голубчик, — вздохнула тётушка Ох. — Ну-ка, зажмурься для пробы, а я посмотрю.

Рыжий Нос старательно зажмурился.

— Нет, это никуда не годится, — решительно сказала тётушка Ох. — Уж постарайся, голубчик, зажмурься покрепче.

— Ну, а так? — жалобно спросил Рыжий Нос. От усилия лицо его сморщилось, как грецкий орех.

— Получше, так уже получше, — снисходительно похвалила его тётушка Ох. — Ещё немножко, и будет в самый раз.

Рыжий Нос зажмурился изо всех сил. Он даже присел на корточки и заткнул глаза кулаками, как пробками.

— Вот это уж ты зажмурился по всем правилам. Ах ты умница, золотая головка! — сказала тётушка Ох, приоткрывая тем временем полукруглую дверь в дворцовой стене и делая знак волшебнику Алёше. Тот на цыпочках, неслышно проскользнул мимо стражника и исчез за дверью.

— Ох! Теперь можешь открыть глаза, голубчик, — с облегчением проговорила тётушка Ох. — Сказать по чести, славно ты зажмурился на этот раз. Уж теперь, если ты увидишь мышь в золотой короне, ни за что не ошибёшься: видишь ты мышь в золотой короне или тебе только мерещится мышь в золотой короне. Ну да прощай, дружок. Ещё бы с тобой поговорила, да недосуг мне...

Тётушка Ох закрыла за собой дверь.

Она повела волшебника Алёшу куда-то в темноту. Камен-

ные своды нависали здесь так низко, что волшебнику Алёше то и дело приходилось нагибаться и придерживать шляпу.

Вдруг из-под неровных плит пола, приглушённо, словно сквозь толщу воды со дна реки, до них донёсся стон такой унылый и безнадежный, что у волшебника Алёши кровь заледенела в жилах.

— Кто это так ужасно стонет, тётушка Ох? — Волшебник Алёша остановился и схватил тётушку Ох за руку.

— Тс-с! — испуганно оглянувшись по сторонам тётушка Ох. — Одни зовут его Человек-улыбка, другие Человек-ключ... Толком никто ничего о нём не знает. Да и говорить об этом запрещено под страхом смерти.

Они поднимались и опускались по узким лестницам, шли крытыми галереями.

Послышался чей-то негромкий надтреснутый голос.

Навстречу им, опустив голову, ничего не замечая вокруг, шёл старый человек с лицом, измятым временем, словно бумага, скомканная в кулаке.

На голове старика был нелепый пёстрый колпак, на плечах плащ из разноцветных лоскутьев.

— Это старый актёр. Когда-то он... — прошептала тётушка Ох.

— Можно ли быть несчастней? — безжизненным голосом бормотал старик. — Актёр... Нет, я не актёр, я только жалкий фигляр. Я могу играть лишь мрак и безумие. Что я могу дать людям? Ни света, ни надежды. Ветер, бездушный и безжалостный, закружи, унеси мою ненужную жизнь...

Старый актёр прошёл мимо.

Вдруг стены дворца сотрясла внезапная дрожь. Там, снаружи, гремя, пронёсся порыв ветра.

Звук этот безжалостно нарастал, становясь оглушительным. Собачий лай смешался с воем, звоном и визгом.

Тётушка Ох согнулась, заткнув уши.

— Ох, не иначе, как это сама королева Ветреница! — простонала тётушка Ох.

Волшебник Алёша бросился к окну.

В воздухе беспорядочно кружились взвихрённые снежинки. Пролетел сорванный с чьей-то крыши железный флюгер-петушок. Ветер швырнул его о камень башни, расплющил, и петушок, скрежеща крыльями, скользнул вниз.

Волшебник Алёша увидел что-то сквозное, словно дым, летящее между снежинок. Он разглядел длинные прозрачные волосы, лицо, надменно запрокинутое вверх, чуть свещающуюся корону.

На миг королеву заслонила свора прозрачных гончих. Собаки мчались, устало высунув языки, видно, им было нелегко поспевать за королевой.

Но вот они отстали, и волшебник Алёша снова увидел королеву Ветреницу. Она летела, опершись локтем о голову косматого ветра, капризно и быстро перебирая облачные кружева на груди. Маленькие паж-вихри несли её невесомый шлейф. Туфелька соскочила с её ноги и летела рядом. Не останавливая своего полёта, маленький паж нагнулся, подхватил туфельку и надел её на ногу своей госпожи.

Всё это длилось одно мгновение. Стих безумный вой и лай собак. Королева исчезла.

— Девочка, моя маленькая... Бедная, бедная... — с горьким отчаянием прошептала тётушка Ох.

Волшебник Алёша догадался, что в этот миг она подумала о Глазастике.

— Дорогая тётушка Ох, — сказал волшебник Алёша. — Я вам очень признателен. Я во дворце, и это самое главное. А вам надо поспешить домой, к Глазастiku. Нельзя оставлять девочку так долго одну в такой ветреный день.

Тётушка Ох с сомнением посмотрела на волшебника Алёшу.

— Вы можете совершенно обо мне не волноваться, — поспешил успокоить её волшебник Алёша. — Уверяю вас, всё будет просто прекрасно, поверьте. Я тут огляжусь не спеша. У меня целая тысяча планов.

Это всё была чистейшая ложь. На самом деле волшебник Алёша совершенно не знал, что ему делать, мысли его разбегались.

— Ох, голубчик, боязно мне оставлять тебя тут одного,

да ведь и за Глазастика вся душа изболелась. — Тётушка Ох озабоченно покачала головой. — Главное запомни хорошенько. Как дойдёшь до конца этой галереи — сверни налево. Боже тебя упаси свернуть направо: попадёшь в зеркальный зал. Там стены, потолок — всё зеркальное. Ни за что не выбратся тебе оттуда. Без привычки никто не найдёт там дверей.

— Хорошо, хорошо, тётушка Ох. — Волшебник Алёша ободряюще похлопал её по руке. — Уж не такой я бестолковый. Я отлично запомнил: надо дойти до конца галереи и повернуть налево. Верно?

Тётушка Ох глубоко вздохнула. Видно было, что на душе у неё беспокойно. Она махнула рукой и начала спускаться по лестнице, придерживая юбки и глубоко вздыхая.

Волшебник Алёша остался один.

«Будем надеяться, что всё постепенно разъяснится, — сам себе сказал волшебник Алёша. — Хотя надеяться пока что особенно не на что, и ясности тоже никакой нет. Однако обдумаем положение вещей. Я во дворце — это бесспорно. И скорее всего, именно где-то здесь король прячет отобранные улыбки. Значит, я должен узнать, где он их прячет. Ах, если бы только это! Где вообще можно спрятать улыбку и как? Да и что такое «улыбка»? Звук, движение, знак?..»

Рассуждая таким образом, волшебник Алёша дошёл до конца галереи и, совсем забыв, о чём ему только что говорила тётушка Ох, свернул направо.

С мелодичным звоном захлопнулась за ним дверь, блеск зеркал ослепил его. Волшебник Алёша очутился в зеркальном зале.

«Опять моя злосчастная рассеянность, — в смятении оглядываясь по сторонам, подумал волшебник Алёша. — Я, конечно, свернул не туда, куда надо было. Попасться таким глупым образом! Беда в том, что здесь совершенно негде спрятаться!»

Волшебник Алёша увидел дверь в противоположном конце зала. Он поспешил туда, но с разочарованием убедился, что дверь эта была лишь только отражением двери.

«Надо вернуться назад», — решил волшебник Алёша.

Он поспешил назад и снова наткнулся на гладкое прохладное зеркало.

Всюду отражались двери, бесчисленное количество дверей, но определить, какая из них настоящая, было совершенно невозможно.

Из всех зеркал на волшебника Алёшу смотрел человек с растерянным лицом в сером плаще и шляпе с длинным павлиньим пером.

Где-то пропела и захлопнулась дверь.

Волшебник Алёша увидел в зеркалах, что человек в сером плаще и чёрной шляпе вдруг пошатнулся и схватился руками за голову.

«Невероятно!— подумал волшебник Алёша.— Неужели это я? Неужели зеркала так исказили моё лицо? Но если это я, то почему я схватился за голову? Я и не думал этого делать. Ах, это вовсе не я! Как странно! Кажется, это тот самый незнакомец, который столь загадочным образом появился у меня на кухне вчера утром. Но, пожалуй, сейчас совсем не подходящий момент, чтобы вернуть его шляпу...»

Два одинаково одетых человека беспорядочно кружили по залу. Таинственный незнакомец из всех сил старался настичь волшебника Алёшу, в то время как волшебник Алёша всячески старался ускользнуть от него.

«Сейчас он кликнет стражу, и всё пропало!— пронеслось в голове у волшебника Алёши.— Если бы я только мог найти дверь...»

В этот момент волшебник Алёша почувствовал, как кончик павлиньего пера легко, чуть ощутимо коснулся его щеки. Волшебник Алёша увидел, что сине-зелёный глаз на кончике пера пристально глядит на узкую дверь в зеркальной стене.

Волшебник Алёша, замирая, протянул руку. Какое счастье, эта дверь не была отражением!

Волшебник Алёша распахнул дверь и выбежал из зеркального зала. В последний момент он увидел в сверкающих зеркалах, как человек в сером бархатном плаще и шляпе с павлиньим пером в отчаянии протянул ему вслед руки.

Волшебник Алёша почти бегом миновал ещё несколько комнат, слыша за собой тихие плывущие шаги. Он скользнул за тяжёлую занавеску и там затаился.

Человек в сером бархатном плаще, нервно оглядываясь, быстро прошёл мимо.

Волшебник Алёша, стараясь утихомирить бьющееся сердце, выглянул из-за портьеры.

Он был один в пустом зале. Прямо против него была дверь из тёмного дуба, по углам окованная медью.

«Странная дверь! Интересно, что за этой дверью? — подумал волшебник Алёша, подходя поближе. — Нет дверной ручки — в таком случае, как же она открывается? Однако нет и замочной скважины — тогда, как же она запирается, хотел бы я знать? Похоже, что в этом дворце столько же тайн, сколько муравьёв в муравейнике...»

Волшебник Алёша приналёг на дверь плечом — дверь не поддавалась.

Послышался писк, еле слышные голоса, не громче шелеста бумаги, когда листаешь страницы книги. Волшебник Алёша замер, прижавшись к двери.

Из угла выбежали две мышки. Суетливо заторопились куда-то, держась поближе к стене.

— Её величество сегодня опять встали не с той лапки! — озабоченно пропищала одна мышка.

— Королева жалуется, что ей смертельно скучно сидеть в норке. «Ах, говорит, никакого разнообразия!» — пропищала вторая.

— Что же делать? — взволнованно пискнула первая мышка. — Королева больше не желает кататься в карете из яичной скорлупки!

— Она больше не хочет танцевать при свете чудесных вкусных сальных свечек! — добавила вторая.

Мышки скрылись в незаметной норке.

«Подумать только, мышинная королева умирает со скуки, — подумал волшебник Алёша. — Забавно!»

И волшебник Алёша невольно улыбнулся.

Что это? Загадочная дверь негромко заскрипела и сама собой медленно отворилась.

Волшебник Алёша застыл на месте потрясённый, боясь поверить своим догадкам. Это было слишком невероятно. Он улыбнулся, и дверь отворилась. Улыбка — ключ! Значит, эта дверь открывается улыбкой!

«Какая, однако, дьявольская хитрость! Да, король может быть спокоен: никто из придворных не в силах открыть эту дверь. Но как же, в таком случае, её открывает сам король? «Человек-ключ... Ещё его называют Человек-улыбка...» — припомнились волшебнику Алёше слова тётушки Ох. — Неужели этот страдалец, брошенный в подземелье...»

Как бы во сне, почти не отдавая себе отчёта в том, что он делает, волшебник Алёша шагнул в полутёмную комнату, и тяжёлая дубовая дверь тотчас за ним затворилась.

Глава II

СТАРЫЙ ПЕГАШ.

И ГЛАВНОЕ:

МАЛЕНЬКИЙ ВИХРИК

— Что же теперь будет с джинном? — Катя от огорчения чуть не плакала. — Вдруг они откроют термос? Ведь пропадёт, пропадёт джинн! Да он просто умрёт со страху, очутившись во дворце.

— Может, они вовсе и не откроют термос. Зачем он им? —

пробовала утешить её Глазастик. Но голос её звучал не очень уверенно. — Ну, улыбнись. Мне так нравится, когда ты улыбаешься. Улыбаешься...

Но Катя не могла улыбнуться.

— И Ниточку они увезли, — печально сказала Глазастик. — Вдруг король захочет жениться на Ниточке? Она такая красивая. Но ведь она любит Трота.

— Кто это... Трот? — спросила Катя.

— Жених Ниточки. Он очень хороший. Он замочных дел мастер.

— Как это замочных дел мастер?

— О!.. — Глазастик посмотрела через голову Кати в окно. — Трот... Ты не знаешь! Трот придумывал такие замки, которые никто не мог открыть. А какие он мастерил ключи! Один раз он сделал ключ из стекла, другой раз ключ из воды. Правда, правда! А потом Трот придумал замок из воздуха и запер им мои сны. Он сделал много-много таких замков, и Главный Сборщик Улыбок уже не мог по ночам пробираться в наши сны и отнимать улыбки, которые нам снятся. Но король приказал сломать все замки для снов. Сломать... После этого прошло немного времени, и Трот пропал. С тех пор мы ничего о нём не знаем. И если у Ниточки утром волосы не так сияют, я знаю, ночью она плакала. Плакала...

Откуда-то издалека прилетели печальные звуки скрипки.

— Слышишь? — Глазастик чутко повернула голову на тонкой шейке. — Это грустный скрипач. Он стал такой лёгкий, что давно уже летает над городом.

За окном послышался тревожный, предупреждающий свист.

Кто-то прозрачный, еле различимый, на мгновение прилик к окну. Катя успела разглядеть волосы, взметнувшиеся, как бесцветные языки пламени, круглые глаза, вздёрнутый нос. Над носом плавали веснушки, словно горсть бисера.

— Это Вихрик! — Глазастик беспомощно оглянулась на Катю. — Неужели прилетел большой ветер? Уже? Скорее, скорее запереть дверь. Запереть дверь..

Но было уже поздно. Дверь широко распахнулась, гулко стукнув о стену, будто вошёл кто-то наглый и властный.

— Это он... ветер!— Глазастик скорчилась на полу, обхватив обеими руками ножку стола.

Ветер вмиг выдул из дома всё тепло. Косяком влетели снежинки, покатались по полу.

Катя, задыхаясь от ветра, обняла Глазастика. Сзади в спину Кате всеми когтями вцепился кот Васька.

Ветер неумолимо потащил Глазастика к порогу. Глазастик застонала. Катя увидела её закрытые глаза, бледное запрокинутое лицо.

И вдруг всё стихло. За окном зазвенели, рассыпаясь, ледяные хрупкие столбы.

— Я ещё... тут? Ещё тут?— Глазастик приоткрыла глаза.

«Нет, нельзя вот так просто сидеть и ждать,— в отчаянии подумала Катя.— Надо дядю Алёшу найти, сказать, чтоб он поскорее...»

— Если бы я ещё следов не оставляла...— Катя закусила губу.

Глазастик посмотрела на неё:

— А не побоишься?

— Да пойми ты, мы с дядей Алёшей вдвоём... Всё-таки вдвоём легче.

— Не вдвоём, а втроём,— возмущённо воскликнул кот Васька.— И я с тобой. Я тут не останусь ни за какие сливки!

Глазастик стояла посреди комнаты, бессильно опустив руки. Лицо её стало совсем бледным, почти голубым. А плечи такие узенькие...

— Если ты уйдёшь, я, наверно, улечу,— негромко проговорила Глазастик, глядя куда-то в сторону.— А может быть, это и лучше. Пусть уж скорее... Ведь всё равно...

— Нет, не всё равно.— Катя стиснула кулаки.— Глупая, плохая, как ты могла такое подумать? Неужели я тебя тут брошу одну! Нам бы только дядю Алёшу разыскать. Но я проваливаюсь в снег.

Глазастик всплеснула тонкими руками.

— Пегаш! Наша старая грустная лошадь. Он не оставляет следов. Мы доедем на нём до дворца.

— Видишь, как ты всё хорошо придумала,— стараясь казаться весёлой, сказала Катя.— А он это... не лягается?

— Ой, что ты!

Пегаш оказался старым конём, с гривой цвета осенней палой листвы. Он понуро и равнодушно ждал, пока Катя немело вскарабкается на седло. Глазастик уселась позади неё. Катя почувствовала на своей щеке её слабое и частое дыхание.

Катя одной рукой держала поводья, другой прижимала к себе кота Ваську.

Пегаш неспешно трусил по улице.

— Видела бы моя Мурка, как я славно езжу верхом, — подбадривал себя кот Васька. — Настоящий кот-ковбой! А чем это пахнет так непривычно? Хотя, извините, чем может пахнуть от лошади, если не лошадьё. Логично? Логично! Просто до сих пор я видел только нарисованных лошадей. А нарисованные лошади лошадьё не пахнут.

Голова у Кати слегка кружилась. Она глядела прямо вперёд на дорогу. Раз только она оглянулась и увидела: Пегаш бежал по улице, не оставляя следов.

— Слышишь? — прохладно шепнула ей на ухо Глазастик.

Печальная и мягкая, как лунный свет, мелодия плыла над городом. И крупные розы-снежинки, казалось, позванивали в такт, подхватив эту мелодию, как бесконечный голубой оркестр.

Мимолётная тень прошла по лицу Кати. Она подняла голову.

Над улицей летел человек и играл на скрипке. И даже если его смычок касался воздуха — воздух пел под его смычком.

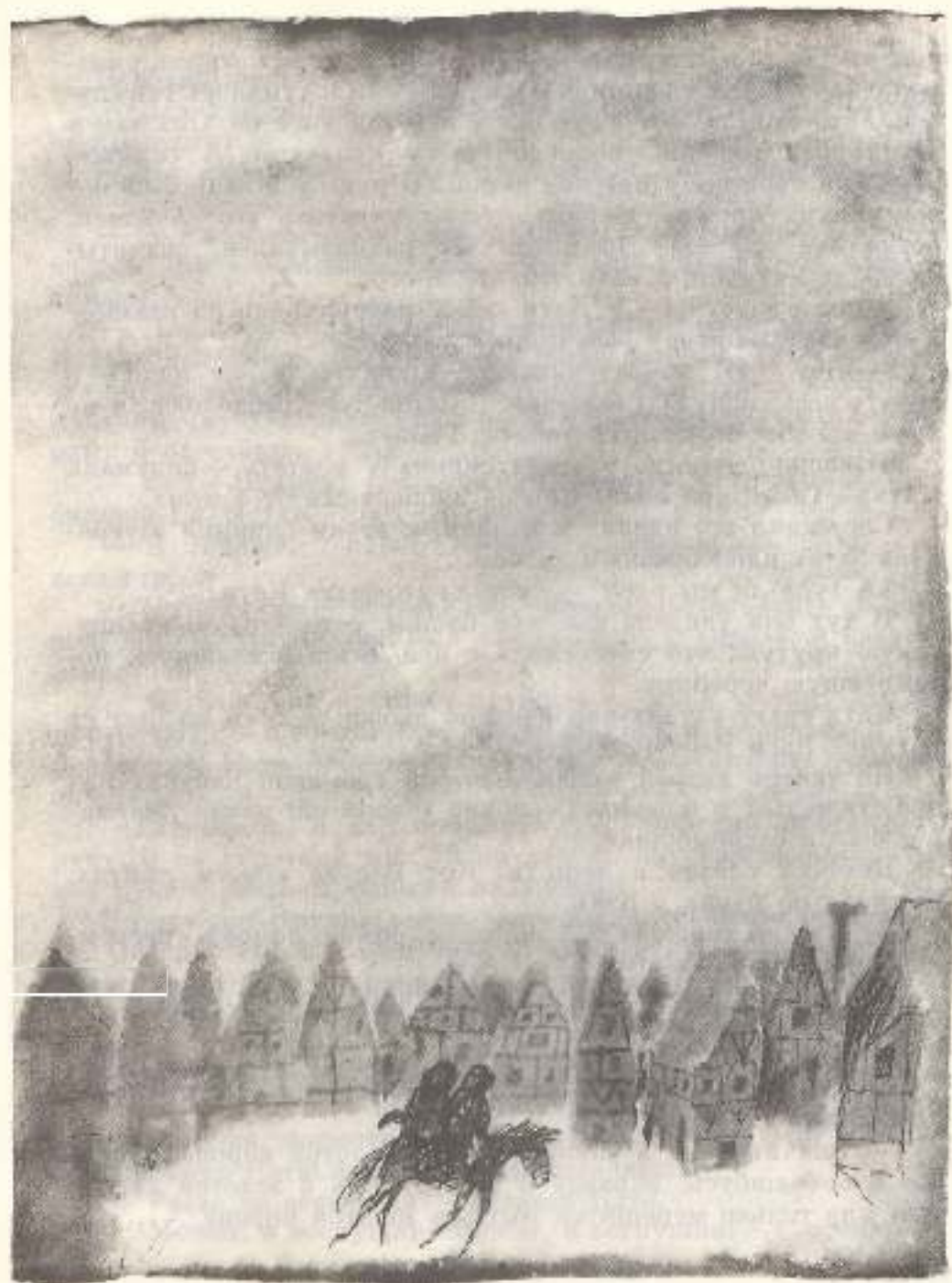
Скрипач был ещё совсем молодой, а волосы, как серебряный дождь.

Скрипач смотрел куда-то далеко, поверх острых крыш, страдальчески хмурия брови.

Длинный кусок тончайшего кружева, привязанный к его руке, мерцая, летел за ним и исчезал в путанице падающих снежинок.

— Видишь кружево? — спросила Глазастик. — Кружевница Миэль... Мне тётушка Ох рассказывала, Миэль часто

сидела у окна и, подперев щеку кулачком, всё смотрела, смотрела, как падают снежинки. Однажды она задумалась так глубоко, что забыла затворить окно, и ветер унёс её. Она так и летела над городом, подперев щеку кулачком. А скрипач играл на скрипке у неё под окном. В руке у Миэль был моток тонких кружев. Скрипач успел ухватить его за конец, когда она улетаала. Но моток всё разматывался, разматывался, и, наконец, Миэль отпустила его...

— Как грустно! — У Кати слёзы навернулись на глаза. — Тут у вас и вправду разучишься улыбаться.

— Нет, нет, не разучивайся! Пожалуйста, не надо! — в испуге воскликнула Глазастик. — Когда ты улыбаешься, я не знаю, но мне становится теплее. Теплее...

«Наверно, музыка не даёт скрипачу улететь, — подумала Катя. — Такая красивая! Она не пускает его от земли».

Снежинки всё падали и падали, и звуки скрипки затерялись за их однообразным звоном.

«А туда ли мы едем?» — хотела спросить Катя.

И тут она увидела высокие башни, островерхую крышу, такую крутую, что снег сполз с неё, открыв влажную, потемневшую черепицу.

Катя сразу узнала королевский дворец. Таким он был на рисунке Васи Вертушинкина.

Но теперь дворец мрачной сырой громадой нависал над ней, тяжёлый и недобрый, словно говоря ей, какая она маленькая и беспомощная.

Девочки слезли с лошади. Кот Васька совсем притих, примолк на руках у Кати.

— Пегаш, хорошая моя лошадка, домой, домой, — негромко приказала Глазастик.

Девочки пошли вдоль витой чугунной ограды. Вдруг Катя схватила Глазастика за руку.

У ворот они увидели рыжего стражника с алебардой. Стражник стоял, вяло привалившись к воротам, и что-то тихо бормотал себе под нос:

— Значит, если я увижу мышь в золотой короне, теперь уж я не ошибусь: вправду я вижу мышь в золотой короне или мне только мерещится мышь в золотой короне...

Девочки попятились за угол, присели на корточки.

— Злющий, сразу видно,— хмуро сказала Катя.— Такой не пропустит.

— Не пропустит,— упавшим голосом повторила Глазастик.— Всё равно...

— А ты уже сразу своё любимое «всё равно»,— огорчилась Катя.— Может быть, мы ещё что-нибудь придумаем!

— Придумаем! Придумаем!— послышался озорной голос. И быстрый вихрь закружился вокруг девочек. Стоило ему чуть-чуть замедлить движение, и Катя разглядела круглую мальчишескую физиономию, руки с растопыренными пальцами и блестящие глаза.

— Это — Вихрик! Он хороший, тёплый. Познакомься!— сказала Глазастик.

— Я тёплый, тёплый, тёплый!— послышалось сразу со всех сторон.

— Здравствуй!— неуверенно сказала Катя, вертя головой, потому что Вихрик был как-то сразу и справа, и слева, и над ней.

— Я знаю, она не хочет дружить со мной, потому что я прозрачный!— с обидой просвистел Вихрик и остановился на мгновение. Катя успела увидеть, как углы его рта горько опустились.

— Неправда. Я с тобой дружу.— Глазастик протянула руку, и на короткий миг ей на ладонь опустилась прозрачная рука с растопыренными пальцами.

Но тут же Вихрик снова закружился, свившись в кольцо. Он сдул со лба Кати чёлку, сунул руку за воротник её пальтишка. Рука Вихрика была неуловимо быстрой, пальцы шевелились, щекоча её. Но Катя не была уверена, что у него только две руки.

Мелькнуло его лицо всё в веснушках. Эти веснушки словно плясали у него на носу и на щеках.

— А ну-ка, посмотри получше, что это? Что это?— Вихрик потянул Катю за шарф.— Не отгадаешь!

— Разве не веснушки?— сказала Катя.

— Может, и веснушки! Может, и веснушки!— просвистел

Вихрик. — А может, просто горсть песка. Просто горсть песка, которую я кручу-верчу у себя на носу, чтобы больше походить на мальчишку! — И добавил застенчиво: — Это я, чтобы понравиться Глазастик, чтобы она со мной дружила, дружила, дружила!

— А я и вправду с тобой дружу, — серьёзно сказала Глазастик.

Вихрик радостно взмыл кверху и тут же снова вернулся.

— Вы что-то говорили, а я забыл, забыл, забыл! — просвистел Вихрик, и голос его вдруг зазвенел печалью. — Я всё так быстро забываю. Всё вылетает у меня из головы!

— Мы не знаем, как нам пройти мимо стражника. Может, ты нам поможешь, Вихрик? — попросила Катя.

— Пусть Глазастик скажет: «Вихрик, помоги, помоги, помоги!» — с этими словами Вихрик кольцом завертелся вокруг Глазастика. Дунул ей в лицо.

— Помоги, пожалуйста, — кашляя, сказала Глазастик. — Ну какой ты! Зачем в лицо дуешь?

— Я умею, умею, умею, — слышалось сразу со всех сторон. — Я умею говорить на разные голоса, на всякие голоса!

Вихрик рванулся с места и вмиг очутился возле ворот.

— Рыжий Нос, Рыжий Нос! — слышался неизвестно откуда визгливый женский голос.

— Турнепс, милая, это ты? — вскинул голову Рыжий Нос, оглядываясь по сторонам.

— Это я, я, я, твоя Турнепс, — продолжал всё тот же визгливый голос. — Я принесла твои любимые пирожки с грибами, с грибами, с грибами!

— Мои любимые пирожки, — растроганно повторил Рыжий Нос. — А где мои пирожки? То есть, я хочу сказать, где ты, моя милая Турнепс?

— Я тут, тут, тут. — Теперь визгливый голос и вправду доносился откуда-то издалека. — Я жду тебя за углом, за углом, за углом. Пирожки ещё тёпленькие, тёпленькие!

— Тёпленькие!.. — умилился Рыжий Нос. Прислонив к воротам алебарду, он заспешил вдоль дворцовой стены и скрылся за углом.

Оттуда послышался свист, похожий на смех, и разочарованный голос Рыжего Носа:

— Турнепс, милая, где же ты?

Девочки не стали медлить. Схватившись за руки, они проскользнули в ворота.

— Спасибо! — шепнула Глазастик.

— Спасибо, спасибо, спасибо! Глазастик сказала мне «спасибо»! — ликуя, прозвенели взлетевшие кверху снежинки. Катя ещё успела заметить, как их подбрасывают сквозные, прозрачные руки Вихрика.

Глава 10

ИСТОРИЯ ОДНОГО «НЕТ!», И ГЛАВНОЕ: СНОВА ТЕРМОС ВОЛШЕБНИКА АЛЕШИ

Голубой свет падал в узкие окна дворца и рисовал на навощённом паркете голубые окна, только ещё более вытянутые.

Король от нетерпения не мог усидеть на троне. Он вздрагивал, кутался в горностаевую мантию и нервно щипал кружева на манжетах.

— Сделано ли всё, как я приказал? — в который раз спросил король.

— Щели замазаны, замочные скважины заткнуты, — изгибаясь и кланяясь, сказал Главный Королевский Обхитритель. Он был такой длинный и гибкий, что, когда он кланялся, казалось, он завязывается узлом. — Во дворце ни одного ветра, ветерка или даже невинного сквозняка. Проникнуть во дворец нельзя, подслушать невозможно. На всякий случай у каждой двери поставлены хитроумные капканы и ловушки для ветра. Если какой-нибудь ветер и проберётся — угодит в капкан.

— Давно пора вить из ветра верёвки и канаты, — заметил барон Нибумбум, наивно мигая голубыми глазами. — А из тех ветров, что покрепче, — ковать якорные цепи.

— Она здесь! Она прибыла! Она поднимается по лестнице! — зашелестели придворные.

— Не слишком ли тихо она ступает? Я что-то не слышу её шагов, — взволнованно проговорил король. — Я не хотел бы, чтобы она оказалась слишком лёгкой. Королева должна кое-что весить. Ах нет! Вот её прелестные шаги: топ-топ-топ!

Двери распахнулись. Придворные вытянули шеи, придворные дамы привстали на цыпочки.

Наоборот Первый и Наоборот Второй ввели в зал слегка упирающуюся Ниточку.

Ниточка вошла и остановилась посреди зала.

Не будем скрывать, она слегка приоткрыла рот и растопырила руки, что придавало ей несколько глуповатый вид.

Но её золотые волосы! Померк голубой свет, падавший в окна. Всё озарилось тёплым блеском, словно в зал внесли сразу множество зажжённых свечей.

— Она несомненно!.. — воскликнул король и умолк, разглядывая Ниточку.

Придворные в растерянности переглянулись. Что имел в виду их повелитель? Это нищее платье, пальчики, исколотые иглой. Грубые башмаки, похожие на ореховые скорлупки...

Но с другой стороны, милое испуганное лицо и золотые волосы!

Молчание тяжело повисло в воздухе. Все головы невольно повернулись к Главному Сборщику Улыбок. Обычно он рань-

ше всех догадывался, что, собственно, имел в виду его величество король.

Но на этот раз Главный Сборщик Улыбок витал мыслями где-то далеко.

И не удивительно. Дело в том, что, проходя через зеркальный зал, Главный Сборщик Улыбок увидел не кого-нибудь... а самого себя. Что это был он сам и никто другой, сомневаться не приходилось.

Сборщик Улыбок узнал свою шляпу с павлиньим пером и свой плащ, вышитый по краю узором из золотых снежинок.

Главный Сборщик Улыбок хотел было окликнуть, но... позвольте, кого, кого окликнуть? Самого себя? К тому же, как это сделать? Крикнуть самому себе вдогонку: «Мой дорогой Я, погоди! Я догоню тебя, вернее, себя!»

Всё это была какая-то бессмыслица. Главный Сборщик Улыбок терялся в догадках.

— Ну! — нетерпеливо проговорил король.

Наоборот Первый решился, наконец, прервать мучительное молчание.

— Ваше величество, я предполагаю, что в ней несомненно есть то, что вы в ней находите, — осторожно заметил Наоборот Первый.

— Наоборот! — с возмущением возразил Наоборот Второй. — Его величество предполагает найти в ней именно то, что в ней несомненно есть!

Тут оба они обескураженно умолкли, сообразив, что говорят одно и то же и оба вместе совершеннейшую чепуху.

— Мила! — растроганно сказал король, рассеяв этим все сомнения.

— Очаровательна! — воскликнул Подтыкатель Королевского Одеяла. Это был очень влиятельный человек при дворе. Никто лучше его не умел подтыкать одеяло со всех сторон, чтобы ниоткуда не дуло.

— Прелестна!

— Бесподобна!

— Эта гибкость белочки!

— Хрупкость снежинки!

— А глаза!

— А золотые волосы!

Король с видом собственника обошёл вокруг Ниточки.

— Я научу её природному изяществу и врождённой изысканности,— самодовольно заявил король.— И тогда она станет само совершенство!

Вокруг Ниточки тут же поднялась какая-то невообразимая суматоха.

Кто-то обмерил её талию, шепча: «Сто метров тончайших кружев на оборки, не меньше...» Кто-то просил её вытянуть ножку, чтобы снять мерку: «Какая крошечная ножка... Туфельки из белого атласа...»

Ниточка с ужасом увидела здоровенную дыру у себя на пятке. А ведь вчера только штопала чулок.

На палец словно само собой скользнуло кольцо с тяжёлым сверкающим камнем.

У бедной Ниточки закружилась голова.

— Скажите его величеству, что вы счастливы! Что вы благодарны, что вы вне себя от восторга,— шептал ей на ухо чей-то вкрадчивый голос.— Но пока это всё должно храниться в глубочайшей тайне. Пока королева Ветреница наша невеста. Ну, поклонитесь же, прелестное дитя. Король делает вам предложение руки и сердца. Хотя пока в тайне, в тайне, в тайне...

Слова отдавались звоном в ушах Ниточки.

«Только бы не хлопнуться в обморок,— подумала она.— Так вот он каков, наш король. Востренький нос, и весь закутан, как будто озяб. А говорят, он жесток и коварен».

Все отступили от неё.

Она стояла, как маленькое чудо, одна посреди зала. Она была похожа на лодочку под золотым парусом, плывущую по зеркальной воде.

Все молча глядели на неё, ожидая чего-то.

Сердце повернулось у Ниточки в груди. Ниточка вдохнула побольше воздуха.

— Нет!— громко сказала Ниточка.

— Нет! Нет! Нет!— кругло запрыгало по паркету, затихая.

— Не хочу потому что. Лучше улететь, — шёпотом добавила Ниточка и зажмурилась.

Молчание нависло над ней и вдруг рухнуло, разбившись на множество злобных голосов:

— Скверная девчонка!

— Какая невоспитанность!

— Замарашка!

— Маленькая дрянь!

— Надо запереть её, пусть одумается!

— Раскается!

— Поймёт, какая честь оказана ей!

— Запереть её!

Ниточку куда-то повели. Она так и шла, не открывая глаз. На пороге она споткнулась, чуть не упала.

«Вот я и сказала единственное, что я могла сказать, — подумала Ниточка. — Страшно было, а потом уже ничего. Что я могла сказать другое? Правда, Трот?»

В одной из галерей Ниточку увидел стражник Рыжий Нос. Он шёл, прищёлкивая языком от удовольствия. Он только что побывал на кухне, где его невеста, королевская повариха Турнепс, угостила его пирожками. Рыжий Нос съел целое блюдо пирожков с грибами и пришёл в отличнейшее настроение. Он даже забыл странное происшествие у дворцовых ворот.

Рыжий Нос проводил взглядом тоненькую фигурку в облаке золотых волос.

— Эта скоро улетит, — самодовольно решил Рыжий Нос. — Такие как раз и улетают. То ли дело моя милая Турнепс. Она такая крепкая и тяжёлая. Ходят слухи, что королю нравятся её пирожки с грибами. Значит, когда мы поженимся, я буду есть королевские пирожки. Ведь королевские пирожки будет печь моя жена. Или, вернее, король будет есть мои пирожки. Ведь моя жена будет печь королевские пирожки. Так или иначе, провалиться мне сквозь землю, если при помощи пирожков с грибами я не породнюсь с самим королём.

«Я должен был непременно догнать самого себя, — рассуждал между тем Главный Сборщик Улыбок. — Пригласить

себя попросту, без церемоний, дружески отобедать у меня. Впрочем, пригласить самого себя к себе на обед, возможно ли это?»

Он даже не услышал, что Ниточка сказала королю «Нет!».

Как только Ниточку вывели из зала, золотой свет в зеркалах померк, резные рамы картин словно покрылись морщинами, всё потускнело. Серые сумерки вышли из углов.

Король зябко поёжился. Достаточно было этого слабого движения плечами, как к королю подскочил Подтыкатель Королевского Одеяла.

— Не пора ли в постельку, ваше величество? Пригреться под одеялом? Преуютненько свернуться калачиком? — сладчайшим голосом предложил Подтыкатель Одеяла.

Но король с досадой отмахнулся от него.

— Ужасный день! — простонал король. — Меня совсем расстроила эта глупая девчонка с золотыми волосами. Отказать королю! Как она посмела... Ну, что ты скажешь? — слезливым голосом обратился он к Главному Сборщику Улыбок.

Главный Сборщик Улыбок вздрогнул, потёр лоб, словно отгоняя путанные мысли.

— Ничего не понимаю, ваше величество... — невнятно пробормотал он.

Придворные в растерянности переминались с ноги на ногу, перешёптывались, не зная, чем развлечь своего повелителя.

— Ваше величество, соизвольте взглянуть, какой забавный сосуд! Это я его разыскал, — сладким голосом проворковал Наоборот Первый и выхватил из рук Наоборот Второго голубой термос волшебника Алёши.

— Наоборот! Это я первый обратил внимание на этот необыкновенный сосуд! — злобно возразил Наоборот Второй, отнимая голубой термос у Наоборот Первого.

— Ах! Что вы пристаёте ко мне с какими-то пустяками. Меня это совсем не интересует. — Король вяло махнул рукой. — Какой ужасный день! Золотые волосы... К тому же я уверен, что в этом сосуде ничего нет. В такой день, ничуть не

сомневаюсь, он, конечно, окажется пустым. О, как я разочарован!

— Уверяю вас, он пуст, потому что в нём ничего нет! — подобострастно подхватил Наоборот Первый.

— Наоборот! В нём ничего нет, потому что он пуст! — тут же откликнулся Наоборот Второй.

Тут оба незадачливых братца, сообразив, что опять говорят одно и то же, зашипели друг на друга, как два драчливых кота.

— Его надо просто выкинуть! — заключили они оба вместе.

Главный Сборщик Улыбок немного пришёл в себя. Страхнув рассеянность, он взглянул на голубой термос. Нахмурился, взял термос в руки, оглядел его со всех сторон:

— Что-то знакомое... Мне кажется, я его уже видел однажды, но где? А-а! Припоминаю, припоминаю! Комната, книги, улыбка волшебника, которую я не смог отнять... Так вот он откуда! Нет, совершенно необходимо открыть этот сосуд и выяснить, что в нём!

Главный Сборщик Улыбок не сразу догадался, как отвинтить круглую крышку. Зато вытянуть пробку не составило никакого труда.

И тут... нет слов, чтобы описать, что произошло в следующее мгновение.

Задрожали стены. Клубы дыма, разрастаясь, достигли потолка. С сухим треском посыпались горячие искры. Они ударялись о прохладные мраморные колонны и с шипением гасли. Эхо подхватило грохот и гул.

И, выпрямившись во весь свой гигантский рост, посреди зала возник джинн.

Король издал губами жалобный скрип и забрался на трон с ногами.

Придворные сбились в кучу. Главный Сборщик Улыбок побледнел как смерть, с трудом удерживая термос в трясущихся руках.

Но и джинн, казалось, был испуган не меньше. Блуждающим диким взглядом он оглядел всё вокруг. Лицо его позеленело от страха, колени застучали друг о друга, издавая при

этом медный звон. И с отчаянным воплем джинн рухнул на мраморные ступени перед тронном.

Все словно окаменели. Джинн боялся поднять голову, придворные не решались пошевелиться.

Беспечная муха, наискосок перелетев зал, покружилась вокруг короля и бесцеремонно уселась ему на нос.

Главный Сборщик Улыбок проследил взглядом за этим будничным полётом и немного пришёл в себя.

— Этот огромный... Он... он боится...— с трудом собравшись с силами, прошептал Главный Сборщик Улыбок на ухо королю.

Но король ничего не слышал и не понимал.

— Ваше величество, да он вас боится, вы только взгляните,— снова повторил Главный Сборщик Улыбок.

— А?— выдохнул король и одним глазом посмотрел на джинна.

Увидев раболепную позу, дрожь, сотрясающую могучие плечи, король чуть приободрился. В этом было что-то привычное.

— Кто ты и откуда?— прыгающим голосом спросил король.

— Твой ничтожный раб, о мой повелитель!— заголосил джинн.— Позволь мне служить тебе, исполнять малейшие твои желания. Не приказывай своим слугам ввергнуть меня в такую бездну, откуда и джинну нет возврата!

И джинн, всем видом изъясняя полную покорность, прижался щекой к ножке трона.

— Как ты проник в моё королевство?— спросил король. Голос его немного окреп.

— Это всё он, он!— жалобно простонал джинн.— Я не виноват! Я не хотел! Я его умолял, заклинал: «Не надо, говорю, туда. В гости нас не звали, не приглашали. Даже как-то совестно...» Клянусь любимым термосом, я попал сюда по ошибке, я из другой сказки. Это всё он, он!

Джинн по-собачьи потёрся щекой о ножку трона.

«Кто этот загадочный «он»?— пронеслось в голове у Главного Сборщика Улыбок.— Неужели мой. плащ и моя шляпа?»

— Кто «он»? Я желаю знать!— Король уже с важностью выпрямился на троне.

Глаза джинна беспокойно забегали по сторонам. Видно было, что он колеблется, его терзают сомнения. Ему не хотелось говорить, и он не осмеливался молчать.

— Ну!— топнул ногой король.

— Волшебник Алёша...— убитым голосом еле слышно проговорил джинн. Он виновато опустил голову, закрыл лицо руками и застыл на полу.

Глава 11

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР.

И ГЛАВНОЕ:

ТАИНСТВЕННЫЙ СУНДУК

Как вы помните, друзья мои, волшебник Алёша улыбнулся, и тяжёлая дубовая дверь сама собой отворилась.

Волшебник Алёша очутился в небольшой комнате.

Голубоватый свет падал в узкое окно. Слабо светился круглый циферблат высоких старинных часов. Кроме этих старинных часов да ещё большого сундука с чеканным узором на крышке, в комнате ничего не было.

Этот сундук сразу привлёк внимание волшебника Алёши.

Он с удивлением увидел, что сундук прикован к стене двумя массивными цепями.

— Забавный, забавный сундучок, — пробормотал волшебник Алёша. — Вот замочная скважина. А если существует замочная скважина, то где-то наверняка имеется и ключ. Это становится интересным. Как вы считаете? О, несомненно!

А что, если?.. Сердце волшебника Алёши часто застучало. Что, если в этом сундуке разгадка всего?

Во-первых, таинственная дверь, которую никто из придворных не может открыть. Во-вторых, этот загадочный сундук, прикованный к стене цепями. Это не может быть простой случайностью. Неужели... неужели улыбки? Но, полно, как можно спрятать улыбки в сундуке?

Волшебник Алёша попробовал приподнять тяжёлую крышку, приналеёг посильнее, но, как он и предполагал, сундук был заперт.

И тут новая странность! Стоило только волшебнику Алёше чуть сдвинуть сундук с места, как послышался многоголосый мелодичный звон, словно сотни колоколов и колокольчиков негромко переговаривались друг с другом.

«Невероятно! — волнуясь, подумал волшебник Алёша. — Если это улыбки, то почему они звенят? Какой, однако, приятный звон! Если бы улыбки могли звенеть, мне кажется, они звенели бы именно так. Ключ! Необходимо раздобыть ключ! Как это мучительно — приблизиться к разгадке тайны и чувствовать своё бессилие. К тому же сюда в любой момент могут войти...»

И, словно подтверждая эту мысль, важно и гулко пробили старинные часы.

С первым же ударом резная дверца над циферблатом распахнулась, оттуда выглянула Кукушка, качая головой, старательно и механически прокуковала двенадцать раз и скрылась. Захлопнулась маленькая дверца.

— Часы изумительной работы. — Волшебник Алёша рассеянно взглянул на часы. — Но, к сожалению, разгадка тайны не в них...

В тот же миг Кукушка выглянула снова. Она наклонила круглую серую головку, внимательно оглядела волшебника

Алёшу. Её блестящие круглые глазки были полны жизни и любопытства:

— Ку-ку! — лукаво сказала она.

— Ку-ку, милая птишка! — поспешно отозвался волшебник Алёша.

Оказывается, это вовсе не обычные часы. А Кукушка, неужели она живая?

— Не ку-ку! — капризно повела крылышком Кукушка и резко захлопнула дверцу своего домика.

— Однако разговор пока не клеится, — пробормотал волшебник Алёша. — А как было бы важно заставить её разговариваться.

Волшебник Алёша подошёл к часам, деликатно, одним пальцем, постучал по резной дверце.

Снова выглянула Кукушка.

— Может, поговорим? Потолкуем-покукуем, а? — ласково предложил волшебник Алёша.

— Ку-ку! Не ку-ку! — словно дразня его, насмешливо прокуковала Кукушка и скрылась.

Волшебник Алёша с досадой закусил губу. Как вам это нравится? Тон, манера, точь-в-точь как у избалованного ребёнка. Нет, к этой Кукушке надо найти какой-то особый подход. Может, сыграть на её самолюбии или на доброте и отзывчивости?

Волшебник Алёша сел на пол, прислонившись спиной к сундуку, вытянул усталые ноги.

— Да, немало я повидал на своём веку часов с кукушками. Но такой Кукушки, как эта, я, признаться, не встречал ни разу, — не спеша, словно рассуждая сам с собой, начал он. Краем глаза заметил, что резная дверца чуть приоткрылась. Хитрая птица явно прислушивалась к его словам. — Грустно только, что никто и слыхом не слыхал об этой чудной Кукушке, — продолжает волшебник Алёша. — Прозябает тут в полной неизвестности. Вот если бы мы подружились, я бы всем рассказал о ней. О мудрой Кукушке. О Кукушке, знающей тайны. О Кукушке благородной и доброй.

— Ку-ку! — разнеженным голосом отозвалась Кукушка и приоткрыла дверцу.

«Кажется, я нашёл верный тон,— обрадовался волшебник Алёша.— Видимо, она стосковалась по тёплому слову. Никто, наверно, не говорит с ней просто, по-человечески...»

— Хочешь помочь мне, славная милая Кукушка?— уже прямо обратился к ней волшебник Алёша.

— Ку-ку!— кивнула Кукушка.

— Тогда... в таком случае...— Волшебник Алёша с трудом справился с волнением.— Я хотел бы знать... Для меня это очень-очень важно. Хотя я отлично понимаю, как это невероятно и невозможно. Кукушка, дорогая, скажи мне: улыбки спрятаны в этом сундуке?

— Ку-ку!— утвердительно кивнула Кукушка.

— А ключ... ключ от сундука у короля?

— Не ку-ку!

— Не у короля. Так, так. Значит, у кого-то из придворных?

— Не ку-ку!

— Значит, нет и у придворных. Но всё-таки ключ есть?

— Не ку-ку!— покачала головой Кукушка.

— Ты сказала «не ку-ку»? Значит, ключа нет. Его вообще не существует. Это ты хотела сказать?

— Не ку-ку!— опять покачала головой Кукушка.

— Как? Снова «не ку-ку»? Значит, ключ всё-таки есть! Я так и думал!

— Ку-ку! Не ку-ку!— последовал ответ Кукушки.

— Что?! Ты хочешь сказать, что ключ есть и одновременно ключа нет? Так я тебя понял?

— Ку-ку!— серьёзно кивнула Кукушка. Она словно бы хотела сказать: ну наконец-то сообразил.

— Вот оно что! Ключ есть и вместе с тем ключа нет! Волшебник Алёша потёр лоб. Ещё одна загадка. Будет ли им конец?

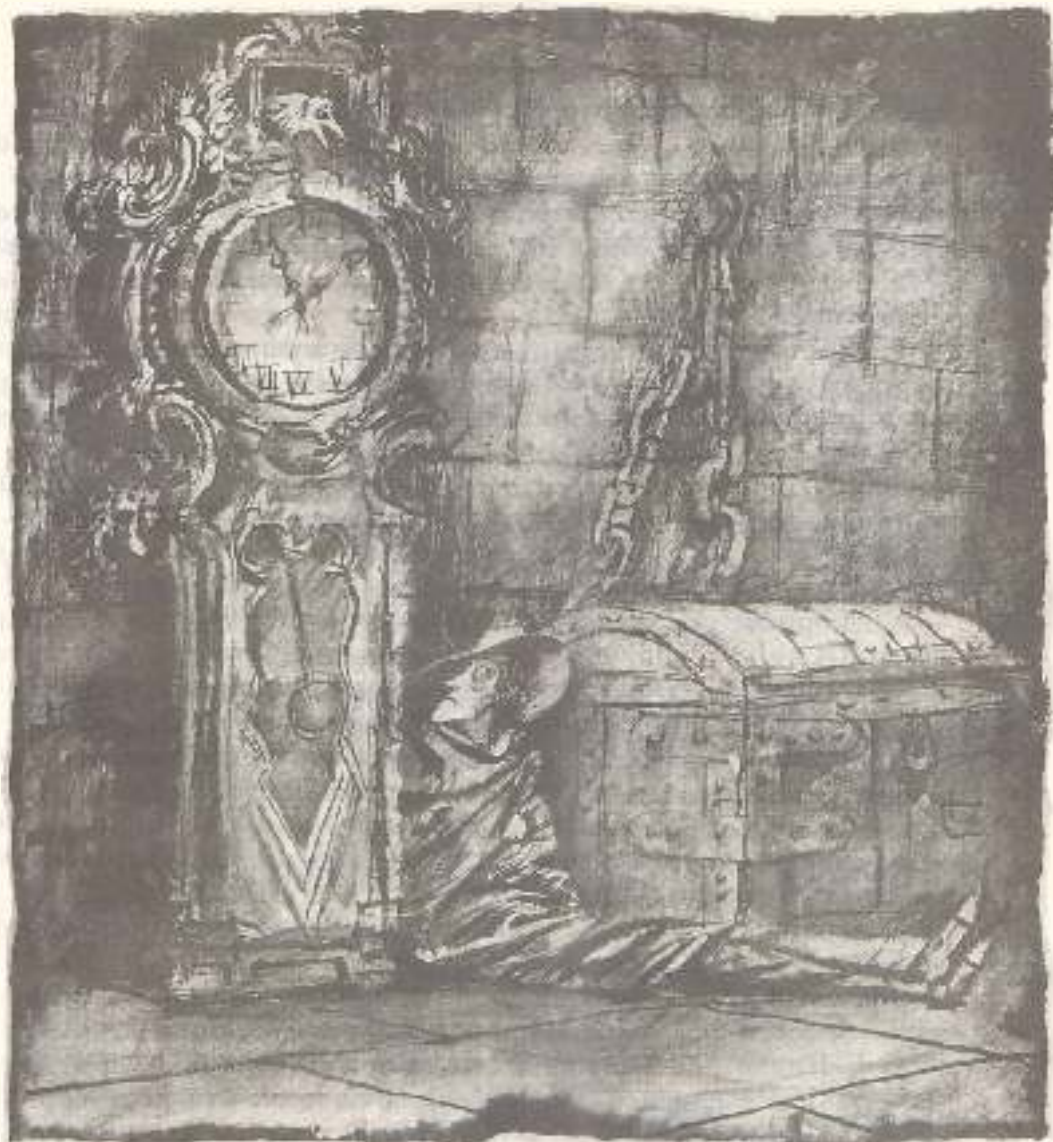
— А ты когда-нибудь видела этот ключ?

— Не ку-ку!— поникла Кукушка.

— Постой, постой. Сейчас мы во всём разберёмся. Главное, не торопиться. Давай с самого начала: сундук здесь?

— Ку-ку!— старательно кивнула Кукушка.

— Король открывает его?

- Ку-ку!
- Ты видела ключ?
- Не ку-ку! — печально покачала головой Кукушка.
- Не видела? Постой, постой. Значит, этот ключ нельзя увидеть! Неужели... неужели... это ключ-невидимка?

— Ку-ку! Ку-ку! — несколько раз обрадованно кивнула Кукушка.

«Невероятно! — подумал волшебник Алёша. — Или эта птица меня бессовестно морочит, или всё гораздо сложнее, чем я предполагал. Мало того, что этот ключ одновременно и существует и не существует. Ко всему прочему это ещё ключ-невидимка!»

— Постой, моя умная, бесценная Кукушка, уж не замешана ли тут королева Ветреница? — сам удивляясь невероятности этой мысли, спросил волшебник Алёша.

— Ку-ку! — будто радуясь его догадливости, кивнула Кукушка.

— Значит, королева Ветреница приносит с собой ключ-невидимку?

— Ку-ку! — ликующим голосом отозвалась Кукушка.

— А потом уносит его?

— Не ку-ку! — опечалилась Кукушка.

— Значит, ключ... значит, ключ-невидимка... — начал волшебник Алёша, но он не успел договорить.

Произошло нечто невероятное. Словно сгустившись из пустоты, перед волшебником Алёшей возник джинн, огромный, могучий, в полосатой чалме.

Кукушка мигом исчезла в своём домике. Слышно было, как она изнутри задвинула засов.

— Джинн, дружище, живой и здоровый! — вне себя от радости воскликнул волшебник Алёша.

Как всё сразу упростилось! С помощью джинна он в два счёта без всякого ключа-невидимки откроет таинственный сундук. Видно, не выдержал джинн, заговорила в нём совесть. Или он пожалел Глазастика. Всё-таки, что ни говори-те, свой джинн, можно сказать, родной, столько лет вместе...

— Вот что, джинн, славный мой, слушай и повинуйся! Быстренько открой этот сундук. В нём спрятано самое главное, как раз именно то, ради чего мы сюда явились! — сказал волшебник Алёша с радостным облегчением. Ему даже захотелось впервые в жизни обнять джинна, расцеловать его.

Но вместо того чтобы исполнить приказание волшебника Алёши, джинн уныло покачал головой.

— Ты что? Слушай и повинуйся! — прикрикнул на него волшебник Алёша.

— Не сердись... — смущённо вздохнул джинн, рассматривая загнутые кверху носки своих туфель. — Теперь ты уже мой бывший повелитель. Я больше не повинуюсь тебе. Поверь, я опечален, но так уж случилось. У меня теперь новый повелитель! Он владеет чудесным термосом. Он хранит его у себя в спальне. Мой новый повелитель могуч и всемогущ, добр и милосерден к своим рабам. Отныне я повинуюсь только ему!

— Бессовестный!.. — возопил волшебник Алёша, но крик остановился у него в груди.

В тот же миг могучая, словно каменная рука джинна схватила его и подняла вверх, как пушинку.

Всё закружилось перед его глазами. Волшебнику Алёше показалось, что он растворяется в воздухе, исчезает, превращается в ничто...

И вдруг всё стихло. Безумное вращение остановилось.

Волшебника Алёшу окружали тёмные сырые камни, словно он очутился на дне глубокого колодца.

Одинокая свечка-сиротка от его дыхания робко клонила набок плоский язычок пламени. Ни одного окна, только запертая дверь и давящая тишина.

МЫШЬ С ЗОЛОТОЙ КОРОНОЙ,
И ГЛАВНОЕ:
НЕОБЫДАННАЯ ПОМОЩЬ

Катя, поминутно оглядываясь, шла по залам дворца. Сердце её замирало и падало.

Она вела за руку Глазастика, но ей казалось, что Глазастик не идёт, а беззвучно скользит по натёртому паркету, почти летит по воздуху.

Кот Васька, мрачный, недовольный, цеплялся за Катино плечо.

— Какие потолки... ух! — ворчал он, прижимаясь к Катиной шее. — Держи меня покрепче! А то потянет сквозняком, я и улечу под самый потолок. Как меня оттуда достанешь?

«Куда я с ними? — подумала Катя. — Одна я бы скорее нашла дядю Алёшу. Но Глазастик боялась остаться без меня дома. Не могла же я её бросить?»

Девочки вошли в просторный холодный зал.

Катя ахнула, попятилась, закрывая собой Глазастика.

У дверей, не шевелясь, стояли два рыцаря, с ног до головы закованные в тяжёлые, блестящие доспехи.

— Пустые железки, только и всего! — буркнул кот Вась-

ка. — Ох уж эти мне люди! Даже нарисованный кот сразу скажет, что они пустые, как консервная банка из-под сгущёнки, если её вылизать до донышка.

Послышались чьи-то голоса. Катя дёрнула Глазастика за руку, девочки спрятались за тяжёлую занавеску.

Вместе с голосами и шагами влетел ветер, и Катя испугалась, что занавеска, натянувшись вокруг них, выдаст их присутствие.

Но, к счастью, их никто не заметил. Голоса стихли.

— Всё равно... — тихо и безвольно прошептала Глазастик.

Катю охватило отчаяние. Нет, так нельзя. Спрятать надо Глазастика. Спрятать надёжно. Чтоб её не нашли, да ещё чтобы не улетела к тому же. А что, если спрятать её в пустые доспехи? Она такая худенькая. Ведь туда никто не догадается заглянуть.

Катя постучала пальцем по стальной груди.

— Видишь, пусто! Если снять шлем — туда совсем нетрудно забраться, — сказала Катя.

Глазастик боязливо заглянула в чёрную пустоту внутри доспехов.

— Ой! А темно как! Там кто-то шевелится. Кто-то маленький. Шевелится и шуршит.

— Теперь мне всё равно... — вздохнул кот Васька. — Но когда-то я в этом здорово разбирался. Ну-ка, дайте я всё-таки посмотрю, что там такое!

Кот Васька нырнул в остроносый металлический башмак. Послышался тонкий писк, словно иголкой провели по блю-дечку.

Появился хвост кота Васьки, а затем и весь он. В лапах у него замерла, как неживая, серенькая мышь.

Холёная шкурка мышки отливала жемчужным блеском. Лапки, сложенные на животе, были розовые, нежные, словно она ходила всю жизнь только по коврам.

Но не это так удивило Катю. На голове у мышки сияла крошечная золотая корона тончайшей работы.

— Это королева мышей! Мне рассказывала тётушка Ох... — прошептала Глазастик. Она ухватила пальчиками юбку с двух сторон и почтительно присела.

Мышка томно приоткрыла глаза, но, увидев так близко от себя острые усы кота Васьки, снова зажмурилась.

— А я в титулах не разбираюсь. По мне что графиня, что судомойка — вкус один, — проворчал кот Васька. — Просто подумал: если я её съем, так стану немножко потяжелее. Особенно если проглотить её вместе с короной.

— Проглотить королеву? — ахнула Глазастик.

— Что ты, Васька, честное слово, — укоризненно сказала Катя. — Вот уж не ожидала от тебя такого! И не совестно тебе?

— Да пожалуйста, зачем столько разговоров, — равнодушно проговорил кот Васька и выпустил мышку.

Королева мышей, очутившись на полу, с достоинством отряхнулась и встала на задние лапки. Внимательным, долгим взглядом посмотрела на кота Ваську.

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезна? — милостиво, как и подобает королеве, спросила мышка. — Всё-таки здесь, во дворце, я дома.

— Спрятаться! — вырвалось у Кати. — Вот Глазастика спрятать!

Королева мышей повелительным жестом протянула узкую розовую лапку, указывая на огромный мраморный камин.

— Зола ещё тёплая и очень приятная. Места хватит всем, — сказала она. — А вы, любезный кавалер? — обратилась она к коту Ваське.

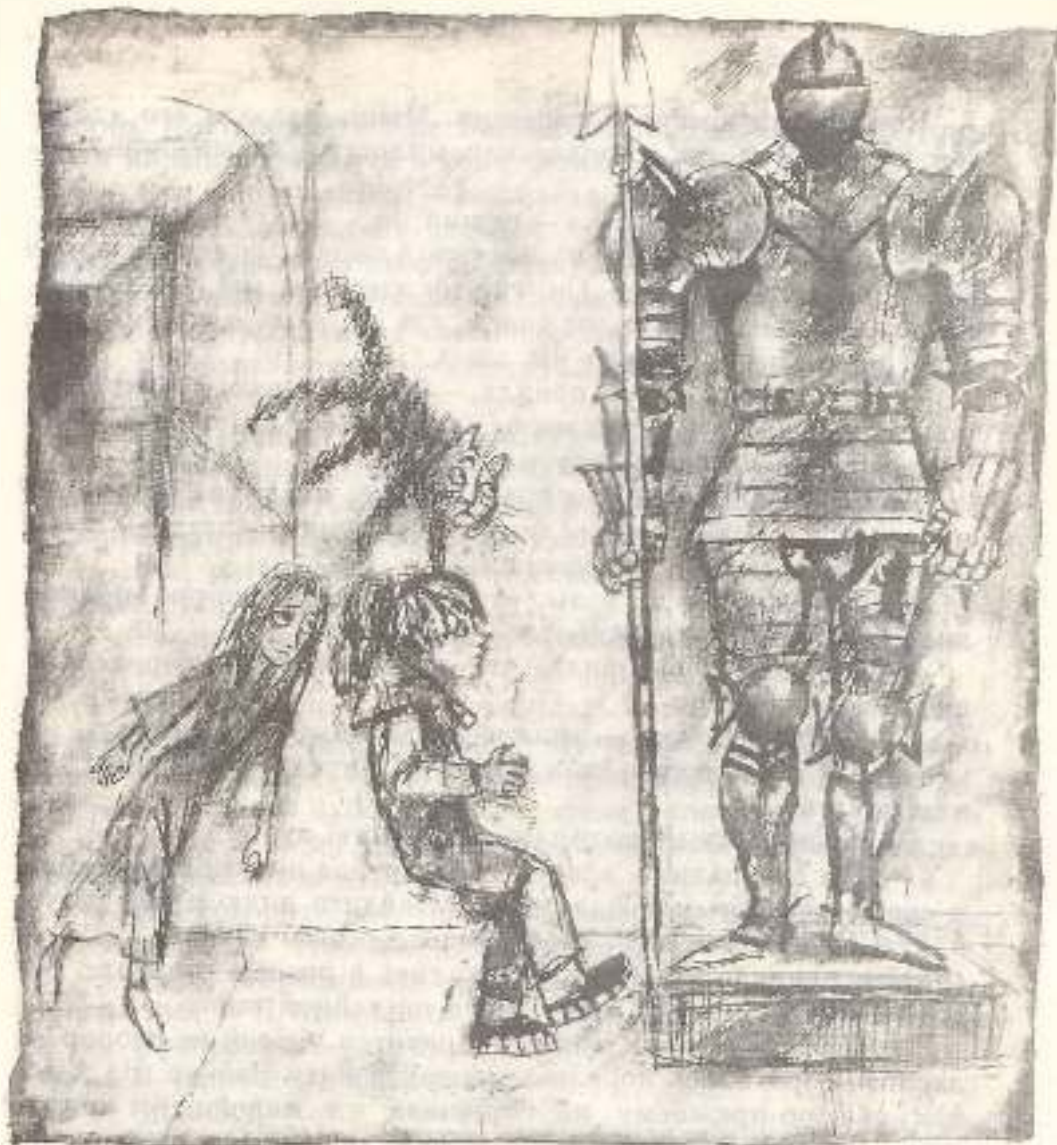
Кот Васька прыгнул в камин, с безразличным видом понюхал золу, улёгся, вытянув лапы.

— Как он не похож на других, обычных котов, — словно про себя прошептала королева мышей.

Катя и Глазастик перелезли через каминную решётку, присели на корточки. Над их головами нависал кирпичный прокопчённый свод. Вверх уходила чёрная труба. Но из зала заметить их было невозможно.

— Позвольте узнать, что вас привело ко мне во дворец? — участливо спросила королева мышей, усевшись на обгорелую головешку.

— Нам нужно найти одного человека... дядю Алёшу, —

сказала Катя. — Он во дворце. Но как его найти, мы не знаем. Дворец такой большой!..

— Ничего не понимаю, — капризно перебила её королева. Она повернулась к коту Ваське: — Дорогой друг, может быть, вы объясните?

Кот Васька несколько опешил. Мышь назвала его «дорогой друг»! Что это, королевская милость или мышиное нахальство?

«А, не всё ли равно?..» — решил он.

— Дядя Алёша — это пушистый Алёша, — снисходительно объяснил кот Васька. — Он где-то здесь, а мы где-то тут. Но мы, хоть мы и здесь, не знаем, где он. А он, хоть он и тут, даже не подозревает, что мы здесь.

— Вот теперь я всё поняла, — благосклонно кивнула королева мышей. — Я немедленно прикажу всё разузнать. У меня во дворце повсюду свои мыши.

Королева негромко, но повелительно пискнула. В тот же миг зола в камине зашевелилась и оттуда показалось сразу несколько мышиных мордочек.

Мыши вылезли из золы, отряхнулись и покорно склонились перед своей королевой.

— Я же тебе говорила, что она настоящая королева, — шепнула Глазастик.

— Найдите дядю... — величественно начала королева.

— Алёшу! — подсказала Катя. — И пусть он скажет, что нам делать.

Королева мышей подняла крошечную лапку.

— Вы слышали? — властно произнесла она, повернувшись к своим хвостатым подданным. — Найдите дядю и всё разузнайте! Следите за ним, не спускайте с него глаз.

Мгновение — и мыши разбежались в разные стороны. Видимо, в каждом углу у них было по тайной норке.

— Любезный друг, как вам нравится у меня во дворце? — ласково обратилась королева мышей к коту Ваське. На девочек она по-прежнему не обращала ни малейшего внимания. — Пожалуй, дворец несколько великоват, вы не находите? Мог бы быть поменьше, а норок в нём побольше. Впрочем, есть такие норки, где вы можете пройти не опуская головы. А в моём тронном зале вы можете даже встать на задние лапы. Я решила устроить бал в вашу честь. Не в моём характере хвастаться, но это будет незабываемо. Мышиные танцы, угощение, и всё прочее...

— Мышиные танцы?.. Когда-то я нашёл бы, что это пре-

лестно. Но теперь... — Кот Васька уныло вздохнул. — К тому же я не могу покинуть в беде своих друзей.

— Это ваши друзья? — Королева мышей бросила пренебрежительный взгляд на девочек. — Что ж, хорошо. В таком случае я обещаю им своё покровительство!

В этот миг зола в камине словно ожила, и сразу восемь мышек предстали перед своей королевой.

— Ваше величество! — пискнула одна из них. — Мы нашли дядю.

— Дядя заперт! — пискнула вторая.

— Дядя в подzemелье! — подхватили остальные мыши.

— Ой! Дядя Алёша! — горестно воскликнула Катя, но королева мышей даже не посмотрела на неё.

— Вы расспросили дядю, как я приказала? — сурово спросила королева.

— Расспросили! Всё поняли! Запомнили! — запищали мыши.

— Какое мучение! — поморщилась королева мышей и снова повернулась к коту Ваське: — Право, как они бестолковы! Порой так трудно быть королевой... особенно без короля.

— Только мы запомнили по одному словечку! — смущённо пискнула одна из мышек. — Всё бежали, бежали, и каждая твердила своё словечко.

— Ну говорите же, наконец, — строго прикрикнула на них королева. — Что он велел передать?

— Надо! — пропищала самая толстая мышь с золотой ниткой на шее. — Я отлично помню, дядя сказал: «Надо!»

— Пробраться! — пискнула вторая.

— В термос! — добавила третья.

— Спальню!

— И! — пропищала совсем крошечная мышка, почти мышонок. Видимо, ей доверили самое короткое слово.

— Украсть!

— Короля! — закончила последняя мышь.

— Если сложить все слова вместе, — Катя совсем растерялась, — то получится: «Надо пробраться в термос спальню и украсть короля». Что такое термос спальня? И как я могу украсть короля?

Глазастик устало склонила голову Кате на плечо. Кот Васька разочарованно отвернулся.

Королева мышей беспокойно глянула на него и тут же напустилась на своих придворных:

— Что вы мелете! Вечно вы всё путаете! Поменяйтесь местами, может быть, тогда получится что-нибудь путное.

Мыши засуетились, меняясь местами, и снова построились цепочкой.

— Ну! — топнула ланкой королева.

Мыши одна за другой торопливо пропищали:

— Надо!

— Украсть!

— Спальню!

— И!

— Пробраться!

— В короля!

— Термос!

— «Надо украсть спальню и пробраться в короля термос», — прошептала Катя. — Как я украду спальню? И разве можно пробраться в короля?..

Кот Васька слегка подпрыгнул и тут же очутился у Кати на руках. Он уткнулся носом в тёплое местечко между плечом и шеей и затих. Он даже не поглядел на королеву.

— Дрянные мыши! Клянусь последней сухой коркой на этом свете, вы раскаетесь! Не в моём характере бросать слова на ветер! — гневно крикнула королева.

Насмерть перепуганные мыши торопливо перестроились и вытянулись перед своей повелительницей, как солдатики в серых мундирах.

Они старательно запищали тонкими острыми голосами:

— Надо!

— Пробраться!

— В спальню!

— Короля!

— И!

— Украсть!

— Термос!

— «Надо пробраться в спальню короля и украсть термос!» — повторила Катя. — Вот оно что! Теперь я поняла.

В каминной трубе засвистел ветер. Кот Васька слетел с Катиного плеча и повис перед ней в воздухе, перебирая лапами.

— Он ещё летает! — Королева мышей в восторге закатила глаза. — Сколько в нём обаяния!

— Спроси королеву, вдруг её слуги могут узнать, где Ниточка? — шепнула Глазастик на ухо Кате. Её дыхание было как вздох. Сама спросить об этом у королевы она, видимо, не решалась.

Кот Васька небрежно повёл в воздухе хвостом.

— Всё разузнаем, — самоуверенно заявил он. — Узнать, где Ниточка? Это нам пара пустяков.

— «Нам»... — мечтательно повторила королева мышей. — Он сказал «нам»...

Теперь Катя знала, что ей делать. Она резко вскочила и стукнулась головой о низкий кирпичный свод камина.

— Глазастик! Спрячься в железном рыцаре и никуда не вылезай. Ладно? Там тебе никакой ветер не опасен. А я... Но здесь столько комнат, как мне найти спальню короля?

— Я, пожалуй, тоже останусь тут, — лениво заметил кот Васька, опускаясь вниз. — Надеюсь, я не вылечу в трубу.

— Мои подданные вас удержат, не беспокойтесь, — с нежностью глядя на кота Ваську, сказала королева. — А маркиз Свечной Огарок тем временем отведёт девчонку в спальню короля.

Из толпы мышей вышла толстая мышь с золотой ниткой на шее и низко склонилась перед своей повелительницей.

— Отведёшь девчонку в королевскую спальню! — приказала королева мышей.

— А Ниточка? — напомнила Глазастик и тихонько ткнула кота Ваську пальцем в бок.

— Да, вот ещё Ниточка... — сонно отозвался кот Васька. Он свернулся клубком и закрыл глаза. — Она такая худень-

кая, и у неё золотая шерсть, то есть я хочу сказать — золотые волосы... Я желаю знать, где она и что с ней.

— Ваше желание для меня закон! — торопливо воскликнула королева мышей. — Спокойно почивайте и не извольте ни о чём беспокоиться. Я сама всё разузнаю и разведаю.

Глава 13

РЫЖИЙ НОС СНОВА ВИДИТ МЫШЬ
В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ.
И ГЛАВНОЕ:
ЗОЛОТОЙ ЛОКОН

Ниточка сидела на куче соломы, обхватив колени руками. Ниточка скинула грубые башмаки, они натирали её маленькие ноги. Внутри деревянных башмаков, казалось, клубком свернулась темнота.

В медном подсвечнике догорала свеча. Наконец свеча догорела и погасла, захлебнувшись в лужице растаявшего воска.

Теперь светили только волосы Ниточки. Стоило ей повернуть голову, как ломкий летучий свет перебежал со стены на стену.

Ниточку томило странное беспокойство. Ей всё время чудилось, что на неё кто-то неотрывно смотрит, чьи-то глаза

следят за ней. Не то из угла, не то в щель между камнями, не поймёшь откуда.

Ниточка встала, босиком обошла всё подземелье, ведя пальцем по сырым каменным стенам.

«Да что это я, право,— подумала она.— Никого нет. А тихо как!..»

Стоило ей только это подумать, как глухой полувздых-полустон нарушил тишину. В нём было столько отчаяния, столько тоски, что Ниточке стало страшно.

И опять ей померещился чей-то взгляд.

— Ай!— вскрикнула Ниточка.

Потому что вдруг темнота в одном из башмаков зашевелилась, сверкнули круглые глаза-бусинки, и из башмака не спеша вылезла мышка с удивительно гладкой жемчужной шкуркой. Между ушей у неё сверкала золотая корона, такая крошечная, что Ниточка могла бы надеть её как кольцо на мизинец.

Мышка надменно оглядела Ниточку.

— Только и всего?— небрежно проговорила она.— А я-то думала... Стоило ли беспокоиться из-за неё. Конечно, золотые волосы, но и только.

— Ты умеешь разговаривать?— ахнула Ниточка.

— С таким же успехом я могла спросить тебя то же самое,— строго одёрнула её мышка.— К тому же изволь, обращаясь ко мне, говорить «ваше величество».

Опять послышался стон, безнадёжный и заунывный, как ненастный ветер тёмным осенним вечером.

— Что это?— не выдержала Ниточка.— Ты не знаешь, кто так ужасно стонет?

— Ваше величество,— подсказала мышка.

— Стонет, ваше величество!— послушно повторила Ниточка.— Сердце рвётся на части. Вы слышите? Вот опять!

— Ах, мне-то что за дело!— равнодушно сказала королева мышей.— Это стонет кто-то в самом глубоком подземелье. Там внизу так темно, что не видно ни меня, ни моей короны, ни благородного выражения моего лица. Этот человек утверждает всё время одно и то же: «В этом мраке гаснут её

волосы... Я забываю её лицо, её кроткие глаза... Малая искорка света, и я открыл бы этот проклятый замок...» И опять всё снова в таком же духе.

— Это Трот!— задохнулась Ниточка.

Она упала на колени, опустила голову так низко, что уперлась подбородком в пол, заглянула мышке в глаза.

— Мышка, милая,— с мольбой проговорила она.

— А где «ваше величество»?— Мышка недовольно сморщила мордочку.

— Милое ваше величество,— дрожащим голосом сказала Ниточка.— Это Трот, мой жених. Умоляю вас, пожалуйста, отнесите ему вот это.

Ниточка проворно вскочила на ноги, схватила ножницы, всегда висевшие на шнурке у её пояса. Ножницы лязгнули, и золотой светящийся локон упал на пол. Он лежал на полу, как свернувшийся кольцом язычок пламени.

Ниточка приложила ладонь к каменным плитам пола. Теперь, когда она знала, что там под ними томится Трот, ей показалось, что сами камни стали теплее.

— Если бы не этот удивительный, обаятельный кот...— словно про себя прошептала королева мышей.— Я это сделаю только для него!

Королева мышей схватила золотой локон и исчезла в незаметной норке между камнями. Мгновение золотой локон, дрожа, светил где-то в тёмной глубине, затем превратился в золотую искру и погас.

Королева мышей без труда пробиралась извилистой норкой. Ничего удивительного. Ведь она знала во дворце все ходы и выходы. Норка круто вела вниз. Иногда светящийся волосок, отделившийся от локона, падал на пол, и, оглянувшись, королева мышей видела позади себя разбросанные обрывки золотой паутины.

Потянуло холодом и сыростью, и королева мышей очутилась в тёмной и мрачной камере.

В углу, зябко завернувшись в потёртый плащ, сидел юноша. Спутанные волосы падали ему на лоб. Ясный свет золотого локона отразился в его широко открытых, неподвижных, немигающих глазах.

— Что это?.. — Голос его дрогнул.

Юноша взял в ладони светящийся локон так бережно, так благоговейно, как будто боялся погасить его свет своим дыханием.

— Не в моём характере говорить о пустяках! — с раздражением пропищала мышка. — Гораздо важнее заметить, что я не кто-нибудь, а королева мышей. Всего-навсего прядь золотых волос, а сколько глупой суеты! Впрочем, всё это я делаю только ради него, ради кота Васьки. Он такой обаятельный!

— Я думал, что ослеп в этом мраке, но нет — я вижу! — воскликнул Трот. — Но то, что я вижу, так странно, так необычно. Этот светящийся локон, мышь в золотой короне... Может ли это быть? Уж не сплю ли я?.. Нет, нет! Вот медное колечко на моём пальце! Его подарила мне Ниточка. Вот знакомая заплатка на колене. Это не сон. Спасибо тебе, милая мышка!

— Королева, — надменно поправила его мышка.

— Маленькая прядь волос, ты вернула мне жизнь! — Трот прижал золотой локон к щеке, словно греясь его теплом. — Это волосы Ниточки! Дорогая королева, вы её видели? Где? Когда?

— Если бы ты мог пролезть в эту норку, ты бы её тоже увидел, — недовольно проворчала королева. — Только не возьму в толк, к чему столько волнений.

— Её держат в подземелье! — Трот вскочил на ноги. — Ниточку, такую тихую и хрупкую. Но теперь я могу выйти отсюда.

Трот шагнул к двери. Держа на ладони золотой локон, осветил им замочную скважину.

— Запереть меня таким замком! Не смешно ли?

Одного движения руки было достаточно, замок послушно, даже как-то радостно щёлкнул — дверь приоткрылась.

— В щель под дверью я видела тень стражника, значит, и сам стражник там же, — предупредила Трота королева мышей.

Неожиданно из тёмного угла мягким шариком выкатилось нечто серое. Шарик развернулся и превратился в крошечную мышку.

— Там за дверью стражник Рыжий Нос! Такой сердитый и страшный просто — И! — тонким сверлящим голоском пропищала она. Видимо, это была та самая мышка, которая запомнила букву «И».

— Сама погляжу, — решила королева.

Через минуту королева мышей вернулась, с недоумением передёрнула узкими плечиками:

— Не в моём характере чему-либо удивляться, но скажу вам, странное дело! Рыжий Нос увидел меня и вдруг зажмурился. Потом принялся бормотать невесть что: «Мышь в золотой короне. Мышь в золотой короне... Для того чтобы достоверно узнать, вижу я мышь в золотой короне или мышь в золотой короне мне только мерещится...» Попробуем незаметно скрыться, пока у него не прошла охота стоять зажмурившись и молоть всякую чепуху.

Королева мышей и Трот успели уже завернуть за угол, когда позади них раздался вздох, полный разочарования.

— Нет, уж теперь я достоверно знаю: на этот раз мышь в золотой короне мне только померещилась...

Трот и королева мышей поднялись по узкой лестнице. Королева с трудом карабкалась со ступени на ступень, и Трот вынужден был каждый раз подставлять ей свою ладонь.

Открыть дверь Ниточки для Трота не составило никакого труда.

Ниточка бросилась к нему и вдруг остановилась.

— Какой ты... — с состраданием проговорила она.

Трот провёл рукой по её волосам:

— Ты не улетела, какое счастье! Только ты стала совсем прозрачная, словно светишься насквозь. Или меня ослепляют твои волосы. Но ты не улетела!

— Потому что я... я надеялась! — Ниточка прямо и ясно посмотрела ему в глаза. Вдруг слёзы потекли по её щекам, и каждая была, как капля жидкого золота. — Улыбнуться... Сейчас я так хотела бы, мне так надо улыбнуться. Сердце не в силах выдержать. Но я не могу...

Трот улыбнулся ей в ответ, но улыбка его была полна скорби и печали.

— Ты улыбаешься? — Ниточка, словно не веря, пальцем обвела его губы. — Да, улыбка! Настоящая. Но как же сборщики улыбок не отобрали её у тебя?

— Я попался на крючок своей же выдумки, — с горечью сказал Трот. — Я изобрёл замок, пожалуй, самый удивительный на свете. Замок, который открывался улыбкой. И тогда король решил, чтоб я сам стал ключом к этой двери. Поэтому мне оставили улыбку. Человек-ключ — вот кем я стал! Они заперли меня в темноте. Простой расчёт: в темноте невозможно разглядеть, как устроен замок. Они знали, что я смогу открыть его. И если бы эта мышка не принесла мне твой золотой светящийся локон...

— Не мышка, а королева! — послышался возмущённый тонкий голосок. — Не в моих привычках повторять одно и то же, но скажу вам: остаётся только удивляться на глупость людей: столько переживаний из-за пустяков! Замки, улыбки — кого это может интересовать? И не отдавайте мне лапку! Вы топчетесь без толку на этой соломе и такую подняли пыль!

Мышь тоненько чихнула, будто звякнула маленькая ложечка в чашке.

Ниточка наклонилась, из золотого облачка пыли подняла мышку, посадила к себе на ладонь.

— Ваше величество, чем мы можем вас отблагодарить? — почтительно сказал Трот.

— Держи ладонь лодочкой, чтоб мне было удобно! — капризно пропищала королева и добавила, высокомерно оглядев Ниточку и Трота: — Отблагодарить меня? Кто? Вы? Впрочем, вы можете подарить мне вот это! — Узкой лапкой она указала на золотой локон. — Мне, возможно, надо будет принарядиться. Из этих волос можно сплести премилый наряд. Дело в том, что я ожидаю некоторых перемен в своей жизни.

— О, конечно! — воскликнула Ниточка. — Но скажи мне, милая мышь... Ой, ой, простите! Соболаговолите сказать мне, ваше величество, откуда вы узнали обо мне? Кто вам сказал?

— Мне сказал о тебе самый обаятельный, самый прекрас-

ный кот на свете. К тому же он умеет летать!— с нежностью сказала королева мышей.— Не помню, кажется, там была ещё какая-то девчонка. Вернее, два чересчур больших глаза, и больше ничего.

— Это Глазастик!— ахнула Ниточка.

— Вроде бы с ней была ещё девчонка потолще,— небрежно добавила королева мышей.— Впрочем, не в моих привычках обращать внимание на девчонок и прочие пустяки.

Мышка соскользнула на пол, повелительно пискнула. Тотчас из всех углов выбежало сразу с десятков мышей. Они подхватили золотой локон и разом исчезли, словно провалились сквозь каменные плиты.

— Надо найти Глазастика!— Ниточка схватила Трота за руку.— Мне страшно! Зачем она пришла сюда? В любой миг может прилететь королева Ветреница, и Глазастик...

Ниточка не договорила и, побледнев, умолкла.

— В этом замке есть потайной ход,— задумчиво сказал Трот.— Это узкая винтовая лестница, надёжно скрытая в каменной кладке стен. Она поднимается снизу до самого верха и соединяет все залы дворца. Может быть, нам повезёт...

Трот обошёл подземелье, пристально вглядываясь в каждую щель между камнями.

— Вот она, тайная дверь!— Трот обрадованно оглянулся на Ниточку.— Смотри! Да как ловко упрятана.

По камню бежала еле приметная трещина. Маленькая замочная скважина смотрелась чёрным сердечком.

— И ты сможешь открыть этот замок?— с надеждой спросила Ниточка.

— Этот замок открыть не просто, но секрет его мне известен. Не удивляйся, моя дорогая. Этот замок открывается... взглядом.

— Открывается взглядом?— недоверчиво и изумлённо повторила Ниточка.

— Да, я сам придумал этот удивительный замок. Но сейчас, Ниточка, не отвлекай меня, погоди.

Ниточка замерла на месте. Трот пристально посмотрел на замочную скважину. Казалось, он все силы сосредоточил

в этом взгляде. Взгляд его становился всё острее, напряжённей. Ниточке даже показалось, что камень сейчас сдвинется с места. И действительно, в замке что-то негромко щёлкнуло. В стене приоткрылась незаметная дверца. За ней виднелись тёмные ступени.

— Трот, милый!.. — шепнула Ниточка и скользнула в дверь.

Они поднимались по узкой винтовой лестнице, задевая за стены плечами.

Ниточка шла первой. Она шла босиком, неся в руках свои деревянные башмаки. Волосы она перекинула за спину, чтобы они освещали ступени Троту.

Иногда узкий луч проникал сквозь маленькое овальное отверстие. Это была тайная замочная скважина, и Ниточка, наклонившись, могла сквозь неё увидеть зал и придворных.

Вдруг Ниточка отшатнулась, чуть не уронила башмаки.

— Король!.. — прошептала она.

Ниточка заглядывала по очереди во все замочные скважины. Один зал сменял другой, мелькали придворные. Пробежал сероглазый паж с пустым подносом в руках. У него были длинные волосы, как у девочки, и тесная нарядная куртка, которая жала ему под мышками.

Юная придворная дама, поставив ножку на стул, поправляла розу-пряжку на туфле.

Но нигде, нигде не было Глазастика.

Ниточка в отчаянии села на ступеньку. Она закрыла лицо руками, волосы её потускнели, словно потеряли свой волшебный дар сиять.

ДЖИНН И ЕГО НОВЫЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ.
И ГЛАВНОЕ:
ВОЛШЕВНИК АЛЕША
ЧУТЬ БЫЛО НЕ ОСТАЁТСЯ
БЕЗ УЛЫБКИ

Король ходил по залу и недовольно поглядывал на скорчившегося за тронем огромного джинна. Джинн тяжко, со скрипом дышал, по его измученному лицу стекали громадные капли пота.

Король совсем загонял беднягу джинна.

Глупый, наивный джинн! Он простодушно похвастался, что за одну ночь может воздвигнуть новый дворец. А уж если очень постарается, то, пожалуй, и побыстрее.

Король тут же приказал джинну взяться за работу, не теряя ни минуты. И уже часа через полтора с восхищением рассматривал невиданное доселе сооружение из голубого мрамора с остроконечными серебряными башенками.

Но тут же короля начал точить червь сомнения.

«Два дворца! Не слишком ли я доверчив? Допустим, я буду править в новом дворце, а вдруг кто-нибудь захватит мой старый дворец и объявит себя королём? Уж нет ли тут коварного умысла? Нет, нет, главное в жизни — покой и безмятежная уверенность».

Король с сожалением приказал джинну разрушить новый дворец.

Но стоило джинну превратить в пыль и прах последнюю мраморную колонну, как короля вновь одолели сомнения.

«Что и говорить, новый дворец был куда красивее старого, — терзаясь, подумал король. — Зря я поторопился. Может быть, лучше разрушить старый, а новый дворец оставить себе? Во всяком случае, надо ещё раз это обдумать...»

И король вновь приказал джинну воздвигнуть дворец.

«Но ведь в новом дворце нет тайного хода, — холодея, сообразил король. — А если я прикажу джинну его создать, то тайный ход уже не будет тайным, потому что джинн будет знать о нём. И тогда прощай навеки уют и тихие тёплые сны...»

Король опять повелел джинну сровнять дворец с землёй.

И так без конца. Построй — разрушь. Построй — разрушь.

В глазах измученного джинна завертелись бесконечные колонны, ступени, башенки, и, почти теряя сознание, он рухнул на пол за троном.

Джинн лежал неподвижно, и от усталости искры не вылетали у него изо рта, а с тихим шипением гасли на языке.

Джинн с тоской вспомнил длинные, молчаливые вечера у волшебника Алёши. Тёплый круг света от настольной лампы. Доброе лицо волшебника Алёши, склонившегося над старинной книгой. А как уютно было сидеть, прижавшись спиной к тёплым батареям, да ещё можно было тихонько поворочать, что дует в шею из форточки.

Джинн тихонько застонал, глянул на хмурое, недовольное лицо короля и закрыл глаза.

«О я несчастный, невезучий джинн, — с отчаянием подумал он. — Мне совсем не нравится мой новый повелитель. Но я не смею его ослушаться, ведь он владеет волшебным сосудом. Отныне я должен повиноваться ему вечно. А вечность — это так долго!»

Между тем король, с беспокойством поглядывая на джинна, тоже размышлял, как ему быть.

«Такие ручищи, такие ножищи, кошмар какой-то! А вдруг он перестанет мне повиноваться, что тогда? Пожалуй, лучше всего было бы приказать ему посадить самого себя на цепь. Да ещё такую крепкую, чтоб он сам не мог её порвать. Как только глупый Мираклюс создаст волшебный эликсир и королева Ветреница в последний раз принесёт... Но тс-с! Об этом опасно даже думать. Как только королева Ветреница принесёт в последний раз... Тогда я посажу джинна у ворот, сквозь которые влетают ветры в моё королевство, и прикажу ему сторожить ворота день и ночь, чтоб не пролетел даже маленький ветерок».

— Решено! Я сделаю тебя привратником! — после некоторого раздумья сказал король.

— Привратником? — вздрогнул джинн. — Прости своего бестолкового слугу, о новый повелитель! Я не знаю, кто такой привратник. Что я должен привирать и кому?

— Не привратником, а привратником, — рассердился король.

— Вот я и говорю, привратником.

— Какой ещё привратник! — затопал ногами король. — Ты будешь привратником. Будешь стоять у ворот и никого не пускать. Понял?

— Это я ещё могу, о новый повелитель! — уныло кивнул головой джинн.

«И посажу тебя на цепь», — подумал король.

Джинн с испугом и укором посмотрел на него.

«Ещё мысли читает...» — поёжился король.

«А какие мысли были у волшебника Алёши, — с тоской и сожалением припомнил джинн. — Добрые, душевные. Так подумает иногда: «С джином лучше не связываться». Но ведь он был прав, тысячу раз прав! Лучше бы он меня не знал, не встретил на своём коротком, скорбном пути...»

— Я желаю поговорить с твоим бывшим повелителем, — прервал его мысли король. Он подозвал слугу. — Привести ко мне этого... как его... волшебника Алёшу!

— Позволь, о, позволь превратиться мне в комочек пыли и закатиться под трон! — с мольбой взвыл джинн.

— Не позволяю.— Король уже понял, что с джинном можно не церемониться.

Зал наполнился свистом и шелестом шёлка, тихим говором. Придворные жались к стенам. Они издали с опаской и любопытством разглядывали огромного джинна.

Где-то в самом конце зала мелькнул потрёпанный пёстрый плащ старого актёра.

Двое стражников ввели волшебника Алёшу.

Джинн так и съёжился под его взглядом, втянул голову в плечи, замер на полу.

К волшебнику Алёше скользящей походкой подошёл Главный Сборщик Улыбок в плаще с каймой из золотых снежинок по краю.

— Как я счастлив вас видеть! Наконец-то мы встретились!— с трудом скрывая мстительное торжество, проговорил он.— Согласитесь, теперь обстоятельства несколько изменились. И отнюдь не в вашу пользу. Когда я проник к вам сквозь стену, там, в вашем мире, я был бессилен. Там я не мог отобрать вашу улыбку, но теперь... Не упрямитесь! Это один миг и, уверяю вас, совсем не больно. Ну улыбнитесь же!

Главный Сборщик Улыбок протянул к волшебнику Алёше свою страшную руку с мягко изгибающимися пальцами.

— Улыбнитесь, его величество ждёт!— повторил он.

Но волшебник Алёша только плотней запахнул плащ с точно такой же каймой из золотых снежинок по краю и отступил назад.

— Зачем вам улыбка?— вкрадчиво проговорил Главный Сборщик Улыбок. Слова его плыли словно масляные пятна по воде.— От улыбки только ненужная лёгкость на губах и шарики смеха во рту. Вы посмотрите,— он широко повёл рукой,— сколько достойных людей, и никто из них не может улыбнуться. Ну, станьте таким, как мы, и наш милостивый повелитель дарует вам свободу.

— Я не отдам вам свою улыбку. И вовсе не желаю стать таким, как вы,— сказал волшебник Алёша, отстраняясь от вялых, усыпляющих движений его руки.— Извините, но я не улыбнусь.

— Так рассмешите же его! — нетерпеливо приказал король.

Тотчас из толпы вприпрыжку выбежал старый актёр.

Он принялся вперевалку ходить вокруг волшебника Алёши, взмахивая руками, как крыльями.

— Я курочка, курочка! Жирная, откормленная курочка, — кричал он. — Ку-дах-тах-тах! Ой, до чего смешно! Животики надорвёшь!

«Бедняга», — с сочувствием подумал волшебник Алёша.

— Кошка с собакой подрались. Кошка тьякает! Собака мяукает! — надрывался старый актёр. — Ой, братцы, лопну от смеха! Хи-хи-хи! Хо-хо!

Но это был не смех, а лишь нескладное, мёртвое его подобие. Звуки, лишённые смысла и жизни.

Актёр прошёлся на руках. Волшебник Алёша увидел его старые башмаки, сверху заплатанные, а подошвы совсем не сношенные.

«Несчастный, он совсем лёгкий. Скоро улетит...» — Сердце у волшебника Алёши сжалось.

Старый актёр сбоку подскочил к волшебнику Алёше, сделал вид, что хочет его пощекотать, а сам незаметно шепнул:

— Если ты не улыбнёшься, добрый господин, меня повесят. — Актёр посмотрел на волшебника Алёшу красноватыми слезящимися глазами.

«Старый шут! Ты поймал меня, — в смятении подумал волшебник Алёша. — Видно, придётся улыбнуться, хотя чертовски жаль. К тому же не знаю, смогу ли я при всём желании сейчас улыбнуться?»

Главный Сборщик Улыбок заметил растерянность на его лице.

— Собственно, зачем вам улыбка? Мелочь, безделушка, признак слабоумия и младенчества. — Главный Сборщик Улыбок протянул свою отвратительную руку. Пальцы его шевелились, как щупальцы. — Я жду! Ну, будьте же благо-разумны!

В этот миг дверь в зал распахнулась. Вбежал запыхавшийся придворный. Все невольно повернули к нему головы.

— Ф-фу! Триста тридцать три ступеньки! Преодолею без остановки,— задыхаясь, проговорил он и, собрав все силы, воскликнул:— Ваше величество, невероятное, удивительное происшествие! Магистр Мираклюс сошёл с ума!

— Что ты мелешь, бездельник,— нахмурился король.

— Ваше величество!— Придворный развёл руками.— Магистр разбил все колбы и тигли. Стол опрокинул. Визжит и скачет. Без сомнения, он потерял рассудок!

— Проклятый Мираклюс! Нет новых улыбок, видно, поэтому он и бесится,— злобно прошипел король.— Я найду способ его успокоить. А этого упряма увести. Пусть себе улыбается в подземелье.

— Ваше величество,— хмурясь, заметил Главный Сборщик Улыбок.— Это небезопасно — оставлять улыбку в королевстве.

— Когда он уснёт, ты проберёшься в его сон,— шепнул ему король,— отнимешь улыбку, которая ему снится. Остальное будет уже проще...

Стражники окружили волшебника Алёшу. Джинн подтянул колени к подбородку, чтоб не видеть своего бывшего повелителя, закрыл лицо руками.

— Предатель!— не выдержав, сказал волшебник Алёша.

Огромное тело джинна всколыхнулось.

— Я не предатель!— всхлипнул джинн и вытер нос кулаком.— Он стал расспрашивать о тебе, кто ты да откуда? В его руках был волшебный термос. Я не мог, не мог не сказать. Но я не обмолвился и лишним словечком! Я не выдал девочку Катю, не выдал кота Ваську!

— Замолчи!— в ужасе крикнул волшебник Алёша.

Но было уже поздно.

Король ткнул лежащего джинна носком башмака под рёбра:

— Ах, да ты посмел что-то скрыть от меня? Что ещё за девочка? Немедленно доставить её сюда! А потом и кота, о котором ты говорил. Слушай и повинуйся!

— Не смей этого делать! Не смей!— в отчаянии воскликнул волшебник Алёша.

Джинн бросил на волшебника Алёшу умоляющий, униженный взгляд. И в тот же миг очертания его огромного тела начали таять. Джинн превратился в сгусток тумана, вихрь движения закружил его, и джинн исчез из глаз.

«Какое несчастье, что я взял джинна с собой, — в отчаянии подумал волшебник Алёша. — Конечно, джинн не человек. Я отлично знал это. Но такого предательства я не ждал. Не мог ждать! Что же теперь будет? Что будет?»

Глава 15

ПОБЕГУШКА, И ГЛАВНОЕ: БЕЗДОМНЫЙ ДЖИНН

Тем временем Катя торопливо шла по залам. Впереди неё проворно, несмотря на свою толщину, бежала круглая мышка с золотой ниткой на шее.

Катя приложила руку к сердцу.

— Не бейся так, — прошептала она. Но сердце подпрыгивало при малейшем шорохе и стуке. — Где это спальня короля? Далеко ещё? Сколько комнат? — спросила Катя.

— Не знаю, — с важностью ответила мышка. — Мы не умеем считать.

На Катю налетел сероглазый паж с пустым подносом в руках. Ахнул и замер как вкопанный, глядя на Катю. У него были длинные, как у девочки, волосы, нарядная куртка, которая была ему мала и жала под мышками.

Толстая мышь с золотой ниткой на шее испуганно метнулась под кресло и исчезла.

— Ты кто?— удивлённо спросил мальчик.— Я не видал таких... Как тебя зовут?

— Тс-с!— Катя оглянулась, прижала палец к губам.

— Тс-с!— повторил мальчик.— Какое чудесное имя, Тс-с! А меня зовут Побегушка. Я всё время бегаю. То одно велют принести, то другое. Но я надеюсь, что когда-нибудь они оставят меня в покое хоть на минуту. И тогда я смогу немного отдохнуть и посидеть. Просто посидеть и никуда не бежать. На полу, а если повезёт, даже на стуле. Не помню, кажется, я никогда не сидел на стуле. Я весь день бегаю, бегаю, а когда вечером я прихожу к маме, она погладит меня по голове, и я сразу засыпаю.

— Бедный Побегушка,— с жалостью сказала Катя.

— А что ты здесь делаешь, Тс-с?— спросил мальчик.

— Мне надо пробраться в спальню короля,— призналась Катя. Она сразу почувствовала, что Побегушке можно довериться.— Только чтоб никто-никто не видел.

— Тогда вот что, Тс-с,— предложил Побегушка.— Хочешь, я побегу впереди тебя, и, если я кого-нибудь увижу, я уроню поднос. Тогда ты сразу прячься.

Побегушка беззвучно и быстро скрылся за дверью.

— Побегушка! Где ты, бездельник?— слышались издали чьи-то голоса.

Где-то на лестнице загремел поднос.

Катя спряталась за колонну. Мимо Кати прошла придворная дама с юным, хорошеньким и злым лицом.

— Несносный Побегушка, уронил поднос и напугал меня. Я его хорошенько оттренировала за вихры!— Придворная дама подула на свои растопыренные пальчики.— Ф-фу! Даже волос прилип!

Катя проводила её глазами.

Всё платье придворной дамы было обшито тончайшим кружевом. Кружево серебрилось и мерцало.

«Это кружево ткала Миэль! Она улетела...— почему-то подумала Катя.— А скоро улетят скрипач и Глазастик. Нет, я должна сделать всё, как велел дядя Алёша».

Снова слышался звон и грохот упавшего подноса.

Катя едва успела присесть за спинкой дивана, как в зал вошёл барон Нибумбум.

— Дрянной мальчишка! — проворчал он. — Уронил поднос, и я тут же забыл глупость, которую я только что придумал. Какая досада! Такая чудесная, очаровательная глупость! Такую не скоро придумаешь: вся естественная и наивная. Неужели у меня не хватит ума придумать ещё что-нибудь столь же глупое?

Барон Нибумбум, ворча, удалился.

Чья-то рука удержала Катю в дверях. Это был Побегушка.

— Ну, я побежал! — часто дыша, проговорил он. — Вот спальня короля. Прощай, Тс-с! Я никогда не говорю до свидания. Только прощай... Потому что не знаю, встретимся ли мы ещё раз. Я бы хотел с тобой подружиться. Но моих шагов уже почти не слышно и...

Лицо мальчика омрачилось, и он убежал.

Катя огляделась. С потолка на неё смотрели золочённые купидоны, поддерживающие тяжёлый полог над кроватью. Пышные перины и одеяла поднимали подушки чуть не до потолка. Но Катю интересовало совсем другое. Голубой термос. Да вот же он! Голубой термос стоял на золочёном столике возле кровати. Такой знакомый и такой домашний, с полустёртыми чёрными знаками с одного бока.

«Ну вот. Я сделала всё, как велел дядя Алёша, — подумала Катя. — А дальше что? Наверно, спрятать термос где-нибудь, а потом...»

Катя хотела взять термос, но вдруг почувствовала, что не может даже пошевелиться. Какая-то невидимая сила сковала все её движения. Ноги её оторвались от пола, и она медленно поднялась в воздух.

Что-то держало её. Постепенно проступили контуры громадной волосатой руки, могучее плечо, напоминающее холм, косматая голова, и Катя увидела джинна.

— О Катя! — густым голосом пророкотал джинн. — Мой новый повелитель — король пожелал увидеть тебя. Я сам удручён этим, поверь мне, но что поделаешь? Джинн не смеет ослушаться своего господина!

— Что ты! Что ты! Меня к королю? — взмолилась Катя. — Не надо!..

Катя попробовала освободиться, но куда там! Рука джинна держала её, как цыплёнка.

«Всегда я так, — пронеслось в голове у Кати. — Надо

было скорее схватить термос. А я стояла, думала... Копуша!..»

— Погоди, погоди, — заторопилась Катя. — Как же так, к королю? Я не могу так сразу.

— К королю... — уныло подтвердил джинн. — Может быть, тебя казнят, но что поделаешь. Мне очень жаль, но я должен повиноваться. Джинн покорен обладателю волшебного термоса.

— Я... не могу к королю, — Катя лихорадочно соображала, что ей придумать. Но не так-то просто что-нибудь придумать, когда ты висишь под потолком и ноги болтаются в воздухе. — Я тут забыла... уронила одну вещь. А без неё никак нельзя к королю... Невежливо.

— Ты уронила вежливость, о Катя? — удивился джинн. — Я не знал, что вежливость можно уронить.

— Кажется, она закатилась вот сюда. — Катя указала на стол, где стоял термос. — Вежливость... она такая круглая. И завернута в серебряную бумажку от конфеты.

— Тогда найди поскорей свою вежливость, о Катя! — с беспокойством воскликнул джинн. — А то ты наговоришь грубостей королю. И мой повелитель может разгневаться на меня, своего верного слугу.

Джинн опустил Катю на пол. Катя опрометью бросилась к золочённому столику. В мгновение ока она схватила термос и крепко прижала его к груди.

— Что ты делаешь, о Катя! — Джинн застыл на месте, безумным взглядом глядя на голубой термос в руках Кати.

— Вот! Теперь я твоя повелитель... повелительница! — Голос у Кати звенел и срывался. Она почему-то заплакала. — Ты — плохой! Ты — нехороший! Ты предал дядю Алёшу!

Джинн попятился, вздрагивая от каждого её слова.

— Чем я заслужил твою немилость, о повелительница громов и молний? — простонал он.

Катя двумя руками подняла термос над головой:

— Ты струсил! Не захотел помочь. Вот я сейчас тебя!..

Но Катя не успела договорить. Насмерть перепуганный джинн с мольбой сложил руки, ноги его подкосились, и он с сотрясающим грохотом рухнул на колени перед Катей.

Казалось, весь дворец содрогнулся, задребезжали стёкла.

Катя вскрикнула и выронила термос. Произошло непоправимое: голубой термос со звоном и хрустом упал на пол. Из него посыпались блестящие осколки, похожие на серебряные скорлупки.

И Катя и джинн оба замерли, в каком-то оцепенении глядя на разбитый термос.

— Так тебе и надо... — неуверенно сказала Катя. — А что ж теперь делать?

Но джинн не слушал её. Одинокая слеза скатилась по его огрубелой, словно истёртой временем щеке. Своей огромной ручищей он легко и тихо, словно прощаясь, прикоснулся к разбитому термосу.

— Всё погибло, — прошептал он. — Прощай, мой любимый термос, где я мечтал провести столько уютных тысячелетий! Тебя больше нет! О я несчастный, бездомный джинн, затерянный в чужой неведомой сказке. Да и джинн ли я отныне? Ибо что такое джинн, лишённый волшебного сосуда?

СНОВА МЫШЬ В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ
И ГЛАВНОЕ:
ВОЛШЕБНИК АЛЁША
НЕ МОЖЕТ УЛЫБНУТЬСЯ

Двое стражников, крепко держа волшебника Алёшу за руки, вели его по дворцовым залам.

Один из них был Рыжий Нос. Он шёл неровным шагом, шатаясь, задевая за дверные косяки, и заунывно бормотал какую-то несуразную чушь.

Волшебник Алёша искоса поглядывал по сторонам, ища способа обмануть свою стражу и незаметно скрыться.

Скажу вам прямо, друзья мои, никогда ещё волшебник Алёша не чувствовал себя таким несчастным. Нет, он думал не о себе, не до того ему было.

«Катя, девочка... Как только я увидел, что ты забежала вслед за мной в сказку, я должен был немедленно вернуться. Я просто не имел права подвергать тебя такому риску. Нет, этому нет извинения».

Послышался шорох, приглушённый писк множества тонких голосов. Из угла появилась удивительная процессия.

Впереди вертяво семенил маленький мышонок. За ним

четыре мышки торжественно несли что-то золотое, лёгкое и пушистое, похожее на моток золотой пряжи. По бокам бежали несколько мышей, бережно подбирая с полу упавшие золотые нити. Последней с важностью выступала мышка с шерстью жемчужного оттенка, с маленькой золотой короной на голове.

Невозможно описать словами, что произошло с Рыжим Носом, когда он увидел мышь в золотой короне.

Он весь затрясся, зажмурился изо всех сил и выпустил руку волшебника Алёши.

— Опять! — в тоске простонал он. — Провалиться мне на этом месте! Опять мышь в золотой короне. Я больше не желаю мышей, не хочу, не могу! Мне уже всё равно: вижу я мышь в золотой короне или я не вижу мышь в золотой короне. На самом деле она есть — мышь в золотой короне, или мышь в золотой короне мне только мерещится. Я устал, я измучился, я сойду с ума...

Мыши давно скрылись, а Рыжий Нос продолжал что-то бессвязно бормотать.

Второй стражник, глядя на него, просто остолбенел от изумления и тоже выпустил руку волшебника Алёши.

Тот, воспользовавшись моментом, отступил на шаг, соединил руки стражников, а сам, пятясь, на цыпочках, вышел из зала.

Когда стражники немного пришли в себя, они увидели, что опасный преступник таинственным образом скрылся, а они неизвестно почему крепко держат за руки друг друга, словно пара испуганных малышей.

Между тем волшебник Алёша торопливо шёл, почти бежал, пересекая один зал за другим.

«Мы совсем одного роста, я и Главный Сборщик Улыбок, — прикинул он. — Одеты мы одинаково. Ну, выручай меня, чужая шляпа и плащ, вышитый Ниточкой».

Волшебник Алёша отлично помнил, с каким нескрываемым ужасом, как заворожённые смотрели придворные на шевелящиеся пальцы Главного Сборщика Улыбок.

Он надвинул шляпу на самые брови, выпростал из-под плаща руку и принялся шевелить пальцами, словно собира-

ясь схватить что-то невидимое, порхающее перед ним в воздухе.

Первый же придворный, попавшийся ему навстречу, ша-рахнулся в сторону.

Юная придворная дама с хорошеньким злым личиком почтительно присела перед ним в низком реверансе. Кружева на её платье всколыхнулись, вспыхнули и погасли. Её взгляд, округлившийся от страха, был прикован к руке волшебника Алёши.

Откуда-то сбоку выскочил маленький паж с подносом в руках, в узкой нарядной курточке.

Зазвенели, падая с подноса, тонкие бокалы, похожие на золотистые мыльные пузыри на тонких ножках. Паж случайно глянул в лицо волшебнику Алёше...

— Ах! — вскрикнул маленький паж и беззвучно исчез.

«Будем надеяться, что он меня не выдаст, — подумал волшебник Алёша. — Мальчишка симпатяга, сразу видно. Однако надо торопиться».

Ещё несколько залов, и вот она, наконец, дверь-загадка из тяжёлого тёмного дерева. Волшебник Алёша с облегчением перевёл дух.

Вдруг позади себя волшебник Алёша услышал лёгкий стук и шорох, словно кто-то стучал ногтем по яичной скорлупе. Оглянувшись, волшебник Алёша увидел толстую мышь с золотой ниткой на шее. Она перебежала зал и спряталась под креслом.

— Сейчас я улыбнусь, и дверь-загадка откроется, — пробормотал волшебник Алёша. Ему показалось, что мышь с золотой ниткой на шее выглядывает из-за ножки кресла и словно бы прислушивается к его словам. Сверкнули внимательные глазки-бусинки. — Хорошо, допустим, я открою дверь-загадку. А дальше? Сундук, прикованный к стене цепями, где заперты улыбки. Как я смогу его открыть? Ведь для этого необходим ключ-невидимка. Боже мой, ключ-невидимка! Я понятия не имею, что это такое и где его раздобыть. Но будем действовать последовательно. Сначала я улыбнусь и открою дверь-загадку. К тому же я должен торопиться: ведь Катя...

Стоило ему только подумать о Кате, как тоска и тревога сжали ему сердце.

— Улыбнись сейчас же!— сам себе приказал волшебник Алёша.— Ну же!

Но сколько он ни старался улыбнуться, ничего не полу-

чалось. Он растягивал губы на все лады, но всё напрасно. Улыбка, едва зародившись в уголках губ, тут же исчезала.

Дверь-загадка оставалась наглухо запертой и неприступной.

— Всё погибло... — в отчаянии прошептал волшебник Алёша.

Глава 17

КОРОЛЬ УЗНАЕТ МНОЖЕСТВО
ПЕЧАЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ.
И ГЛАВНОЕ:
ВОЛШЕБНЫЙ ЭЛИКСИР

Король сидел на троне и зябко кутался в горностаевую мантию. Всюду ему мерещились сквозняки и тайные завихрения воздуха. Ему казалось, что кончики пальцев у него просто ледяные. Боясь чихнуть, на всякий случай он держал в каждой руке по носовому платку.

«Не слишком ли много впечатлений и переживаний? — рассуждал он. — Я не спал днём. К тому же меня томит какое-то беспокойство. Где-то пищат мыши, кто-то роняет подносы. Во дворце что-то происходит, и это меня нервнрует. И этот бездельник джинн как сквозь землю провалился. Надо как можно скорее прийти в приятное расположение духа,

иначе это может иметь самые скверные последствия для моего здоровья...»

— Привести сюда эту упрямицу с золотыми волосами, — приказал король. — Уверен, она давно уже одумалась, образумилась и раскаялась.

По толпе придворных пробежал шепоток беспокойства и замешательства.

К королю приблизился барон Нибумбум. Вид у него был на редкость простодушный и наивный.

— Ваше величество, скорее всего, она отправилась в лес собирать ножи и вилки и рвать пуговицы. Они как раз созрели. Или забралась на крышу и ловит в трубе рыбок. — Барон Нибумбум доверчиво поморгал глазами, словно сам себе удивляясь, но вдруг так и осел под гневным взглядом короля. — Её нет. Она... она исчезла!

— Убежала?! — воскликнул король. — Немедленно найти её, разыскать, вернуть назад! Я желаю, чтоб она была здесь, во дворце. Чтоб она плакала, всхлипывала и вытирала слёзы золотыми волосами. Это меня немного успокоит... Э... Да уж не подстроил ли всё это Человек-ключ? Ведь когда-то она была его невестой.

Из толпы придворных вышел Главный Обхитритель. Извиваясь всем телом, он поклонился королю:

— Ваше величество, я пущу в ход всю свою хитрость, изворотливость, применю все лисьи уловки. Заверяю вас, мы его разыщем в самое ближайшее время.

— Как? Что? — побагровел король. — Он тоже сбежал? Проклятие! Мне нельзя столько волноваться. Это мне вовсе не полезно. — Король повернулся к Главному Сборщику Улыбок: — Как ты думаешь, уж не замешан ли в этом... уж не помог ли им тот чужестранец, явившийся к нам недавно откуда? Сторожить его как зеницу ока! Удвоить стражу.

Главный Сборщик Улыбок низко поклонился королю. Он был бледен.

— Я говорил вам, ваше величество, я предупреждал вас, как опасно оставлять в королевстве улыбку. К сожалению...

— Не вздумай мне говорить, что он тоже сбежал, — дрожащим голосом прервал его король. — Я могу слишком разнервничаться. Это уже опасно для моего здоровья.

— Ваше величество, я прокрался в его камеру. Я хотел улучшить момент, проскользнуть в его сон и отобрать улыбку. Но увы!..

Король резко вскочил.

— Но у меня есть ещё джинн! Я прикажу ему немедленно доставить всех беглецов сюда. Немедленно! Эй, джинн! — крикнул король, но голос его сорвался на жалкий писк. Он прокашлялся и снова крикнул: — Джинн! Явись! Я приказываю: явись!

Из стены, пройдя сквозь неё без усилия, вышел джинн.

Вид его был ужасен. Глаза погасли и казались чёрными ямами. Морщины на лице углубились ещё больше и напоминали трещины на древней каменной плите. Волосы свалились в чёрный войлок. Он шёл шатаясь. Зацепился туфлей с загнутым носком за кресло, чуть не упал.

— Джинн! Слушай и повинуйся! — Король повелительным жестом простёр руку. — Немедленно доставь сюда...

Но джинн даже не повернул головы. Он прошёл мимо короля, бормоча замогильным голосом:

— О, если бы я знал, кого слушать и кому повиноваться! О я несчастный! Бывший джинн, затерянный в бесконечности, повисший в пустоте...

Не обращая ни на кого внимания, джинн медленно пересек зал и исчез в противоположной стене, войдя в неё с такой же лёгкостью, как человек входит в тень.

Приглушённое камнем, послышалось его бормотание:

— Злосчастный я горемыка! Теперь я никто и ничто... Бездомный джинн. О мой чудесный термос!..

— Это уж слишком. Королевский джинн вышел из повиновения, — замирающим голосом простонал король. — Смогу ли я это перенести! От неприятностей у меня всегда начинается насморк! Немедленно обыскать весь город, все закоулки! Искать по всем бедным домам, лачугам и развалюшкам. Засады у каждой каморки. Поймать преступников! От-

нять улыбку у замочных дел мастера! Джинном мы займёмся позднее...

Откуда-то издали послышался чей-то надтреснутый и ликующий голос. Кто-то бежал по залам. Крик приближался.

Двери зала резко распахнулись, и вбежал Мираклюс.

Вздыбленные пряди седых волос делали его смешным и страшным. Голубые, словно фарфоровые глаза сверкали безумием и счастьем.

Он держал в высоко поднятой руке колбу с какой-то чёрной жидкостью.

Жидкость эта была таким средоточием мрака, что казалось, от неё во все стороны идут тёмные лучи, омрачая всё вокруг.

— А это что? А это что? — завизжал, высоко подпрыгивая, Мираклюс, наклоняя голову то на одно плечо, то на другое. — А это что?

— Ты смеёшься надо мной! — в бешенстве закричал король. — Схватить его!

Мираклюс остановился. Медленно и бережно, как сокровище, он прижал колбу с чёрной жидкостью к груди.

— Ваше величество, — тихо проговорил он. — Я создал... Это волшебный эликсир, волшебный эликсир!

— Что?! — Король с трудом перевёл дыхание. — Что? Я не ослышался?

Одного взгляда, одного движения руки короля было достаточно, и придворные, беспрестанно кланяясь, попятились к дверям.

Король и Мираклюс остались одни.

Король протянул руку к чёрной колбе, Мираклюс отскочил в сторону.

— Ваше величество, сначала выслушайте меня. От счастья мысли мои путаются.

— Говори, — разрешил король, не сводя горящего взгляда с чёрной колбы.

— Начну с того, что сборщики улыбок оставили мне улыбку, забыли её отнять.

— Оставить улыбку! Ни на кого нельзя положиться... — прошептал король.

— Я и сам забыл о ней, ваше величество, на что она была мне? — дрожа, словно в лихорадке, продолжал Мираклюс. — С тех пор как я услышал музыку летающего мальчишки со скрипкой, сжигаемый тайной мукой, я ни разу не улыбнулся. Я только день за днём превращал улыбки бедняков и

нищих в золотые поющие колокольчики. А улыбки скрят и богачей — в чёрные камни. И вот наконец...

Мираклюс слабо вскрикнул. Он поцеловал чёрную колбу, и лицо его на миг словно бы погрузилось в густейшую тень.

Король жадно слушал его, боясь проронить хоть слово.

— И вот наконец, — повторил Мираклюс, — когда я перелистывал древнейшие книги, мне вдруг словно блеснули в глаза слова, написанные чернью и золотом: «Мрак убивает свет». «О, не в этом ли разгадка?» — подумал я. И тогда я стал искать формулу мрака. Я испытал в своих колбах и тиглях все чёрные вещества и элементы. И вдруг меня осенило. Вот оно, самое чёрное на свете! Вот оно, у меня под рукой: чёрные камни — улыбки богачей и придворных! Я растёр их в тончайший порошок, расплавил на огне, превратил в чёрный эликсир. Зловещая темнота сгустилась, но это ещё не был полный, глубочайший мрак. Тогда... тогда я добавил в эликсир вашу улыбку!

— Мою улыбку?! — вскричал король. — Несчастный, ты осмелился?..

— И тут произошло чудо! — Голос Мираклюса зазвенел. — Во все стороны брызнули чёрные лучи. Я понял, что достиг цели!

— Чем ты докажешь, что это и есть тот самый волшебный эликсир? — Король наклонился вперёд.

Мираклюс погладил колбу с эликсиром дрожащими пальцами. Казалось, он даже не слышал, о чём спросил его король.

— Тут я не выдержал, — как в бреду продолжал Мираклюс. — Я улыбнулся давно забытой улыбкой, улыбнулся близости счастья, потому что кончиками пальцев я коснулся своей мечты. Я не мог ждать, я чувствовал, что умру от нетерпения. И тогда я сорвал улыбку со своих губ! Я превратил её в колокольчик. Какой маленькой, какой жалкой оказалась моя улыбка. Колокольчик не больше напёрстка! Боясь разочарования, раздираемый нетерпением, я капнул на колокольчик чудесным эликсиром. Я зажёг одну свечу, потом вторую. Я зажёг все свечи... Вот он, смотрите!

Мираклюс бережно положил на ладонь короля доверчиво звякнувший колокольчик. Король испуганно вскрикнул, но нет, колокольчик не исчез. Сверкая, он лежал на ладони.

Король подбежал к окну. Подкинул колокольчик кверху, любуясь игрой золотых лучей.

— Золото... Настоящее... — прошептал король. — Оно больше не боится света!

— Как странно, — проговорил Мираклюс, — моя мечта сбылась, но как-то пусто на душе. Нет, что я говорю! Я — счастлив! Отныне я самый величайший музыкант в мире. Я сделаю из поющих колокольчиков золотой инструмент, которому нет подобных. Я прославлюсь!

Но король уже не слушал его. Он хлопнул в ладоши. Зал наполнился слугами, придворными.

Король поманил к себе Мираклюса.

— Ближе... Ещё ближе... Ну что ты! Подойди ко мне, не бойся, — ласково позвал король.

Мираклюс боязливо приблизился. Король резко и властно вырвал колбу с чёрным эликсиром из его рук.

— Вот твоя улыбка, старик. — Король небрежно швырнул колокольчик Мираклюсу. Трясущиеся пальцы Мираклюса не удержали его, и колокольчик, сделав круг по полу, закатился под кресло.

— Твоя улыбка мне больше не нужна. Как и ты сам, впрочем. Безумец, надоедливый глупец, неужели ты думал, что мне и вправду нужна твоя музыка? — Король сделал знак слугам. — Увести его, вышвырнуть вон!

— Не верю! Не верю! — Мираклюс упал перед королём на колени. Такое страдание было на его лице, что слуги на мгновение замерли, стоя над ним.

— Мой инструмент, мой чудесный, божественный... — закрыв лицо руками, горестно простонал Мираклюс.

Двое слуг без труда подхватили под мышки тщедушного, высохшего, как пустой стручок, Мираклюса и поволокли к дверям, а его ноги чертили две полосы по пушистому ковру.

Король повернулся к придворным:

— Скорее, немедленно слуг, скороходов, гонцов к королеве Ветренице! Просить её величество пожаловать ко мне, отложить все государственные дела. Прилететь незамедлительно.— И добавил неслышным шёпотом:— В последний раз, в последний... Неужели?..

Король устало и глубоко вздохнул, как человек, прошедший длинный путь и наконец достигший цели.

Глава 18

КОРОЛЕВА МЫШЕЙ
ПАДАЕТ В ОБМОРОК.
И ГЛАВНОЕ:
ГЛАЗАСТИК
ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Глазастик озябла и совсем приуныла. Катя велела ей не вылезать из стальных доспехов, даже не высовываться и ждать её. Но время шло, а Катя за ней не приходила.

Глазастик тронула кончик своего носа — он был как ледышка.

«Наверно, они сами были холодные, эти рыцари, — подумала Глазастик. — Потому и не зябли в такой одежке».

Взвились и захлопали, как крылья птицы, тяжёлые шторы. По комнате колесом прокатился ветер.

«Королева Ветреница... А вдруг она прилетит прямо сюда? — поёжилась Глазастик. — Страшно-то как! Но почему

сюда? Дурочка я, столько залов во дворце... Плохо только, что я отсюда ничего не вижу».

Наверху в пустом шлеме светилась узкая прорезь для глаз. Упираясь локтями и коленками в холодную сталь, Глазастик вскарабкалась повыше. Теперь ей была видна часть зала и громадный мраморный камин.

В камине, на тёплой мягкой золе, лежал кот Васька, уныло глядя куда-то в пустоту. Вокруг него с почтением и некоторой опаской суеилось по меньшей мере десятка два мышей и мышат.

На обуглившейся головешке сидела королева мышей. Она с восхищением поглядывала на кота Ваську, озабоченно отдавала приказания своим слугам и придворным.

— Пусть они не шуршат хвостами, — капризно протянул кот Васька. — Это меня волнует. Понимаете?

— Не шуршать! — повелительно пискнула королева. — Вы совершенно правы, любезный друг, что за манеры. Как будто не во дворце, а в каком-то чулане.

— Надеюсь, вы не сочтёте это бестактным, — вздохнул кот Васька. — Но когда вокруг меня столько мы... То есть, я хочу сказать, столько ваших аппетитных подданных, я должен быть всё время сыт. Логично? Логично! А то чёрт знает что лезет в голову.

Королева повелительно подняла лапку, и сразу же перед ней появились две ловкие мышки в белых фартучках. На головках белые чепчики, украшенные бантами размером с комара.

Поклонившись коту Ваське, мышки вывалили перед ним целую гору хлебных корок и объедков сыра.

— Издеваетесь! — оскорбился кот Васька. Глаза его невольно блеснули. — Пусть я без улыбки, но я пока ещё кот, а не кто-нибудь!

— Ничтожные твари! — накинулась на своих подданных королева. — Вы недостойны называться мышами! Не в моих привычках повторять что-либо дважды! Марш на кухню. Рискуя шкурой, раздобыть лучшее мясо, куриные потроха.

— Это другое дело, — проворчал кот Васька. — А то ещё,

честное слово, налетит ветер и с голодухи вылетишь в трубу. И так не жизнь, а сплошное мяу!

— Как он обаятелен в своей печали...— с нежностью прошептала королева мышей.

Быстро, как по мановению волшебной палочки, две проворные мышки в белых передничках поставили перед котом Васькой серебряное блюдо с кусками мяса и курятины.

— Король мышей, к вашему сведению, дорогой друг, всегда может иметь на обед всё, что пожелает,— как бы между прочим заметила королева мышей.— И никакая труба ему не опасна.

Кот Васька облизнулся, отчего все придворные с писком шарахнулись в разные стороны.

— Я бы тоже что-нибудь съела,— тихонько вздохнула Глазастик.— Наверно, я от холода проголодалась. У меня вместо живота уже ямка. Наверно...

— Крутятся тут, только на нервы действуют. Лучше бы узнали, где мой пушистый Алёша.— Кот Васька стряхнул тёплую золу с лап и принялся за еду.

— Наш высокочтимый гость желает знать...— проговорила королева, и тотчас же из толпы мышей появился маркиз Свечной Огарок. Тяжело дыша, поклонился королеве, поправил золотую нитку на шее. Из-за своей толщины он страдал одышкой.

— Как вы приказали, ваше величество, проводив девчонку до спальни короля, я последовал за... пушистым Алёшей,— отдуваясь, проговорил маркиз Свечной Огарок.— Сейчас он находится возле двери-загадки. И похоже на то, что хочет её открыть.

— Что ж, двери для того и существуют, чтобы их открывать,— меланхолично заметил кот Васька, уплетая последний кусок мяса.

— Ещё он бормотал о каком-то железном сундуке,— продолжал маркиз Свечной Огарок.— Будто в этом сундуке заперто что-то очень ценное. Не помню... Не то сны, не то старые обиды, не то зимние шубы... Забыл, что спрятано. А, вспомнил! В этом сундуке спрятаны улыбки!

Глазастик с трудом удержалась, чтоб не вскрикнуть, зажала себе рот ладошкой. Сердце её застучало часто-часто.

— Сундук...— сонно пробормотал кот Васька.— Теперь меня уже ничего не интересует.

— А потом он простонал, что ему никогда, никогда не открыть этот сундук,— добавил маркиз Свечной Огарок.— Для этого ему нужен какой-то ключ-невидимка. Это я хорошо помню: ключ-невидимка!

— Ключ-невидимка?— пожала жемчужными плечами королева мышей.— Даже я не знаю, что это.

— Ах, стоит ли беспокоиться о каких-то ключах!— зевнул кот Васька.— Всё суeta. Ну не сегодня откроет, так завтра. Какая разница?

Глазастик укусила себя за ладошку.

«Ключ-невидимка!»— с волнением подумала она.

Тем временем две услужливые мышки в белых чепчиках накинули на плечи королевы что-то мягкое, пушистое, излучающее золотистый свет.

«Похоже на волосы Ниточки,— удивилась Глазастик.— Золотой локон. Только как он мог попасть к мышам?»

— Не правда ли, мило,— кокетливо заметила королева мышей, спуская золотой локон на одно плечо.— Пауки соткут мне очаровательную мантию для торжественного случая. И что такое наша жизнь, в сущности? Цепь неожиданностей. Всякое может случиться...— с загадочным видом добавила она.

Кот Васька ничего не ответил. Трудно было даже сказать, слушает он королеву или нет. Казалось, мысли его витают где-то далеко.

Глазастик вся извертелась в тесных доспехах.

«Хоть бы Катя скорей пришла,— томилась она.— Ведь она ничегошеньки не знает. Ключ-невидимка!»

— Неограниченная власть, и никаких забот о пропитании,— вскользь заметила королева мышей.— Я имею в виду, конечно, короля мышей. Взгляните, дорогой друг, к лицу ли мне золотой цвет, как вы находите?

— А что? Неплохо блесит,— равнодушно заметил кот Васька. И тут же добавил с печальным вздохом:— Эх, видели

бы вы кошку Мурку. Вот, доложу вам, кто блесит! Особенно когда она сидит на трубе и загораживает солнце. Клянусь жареной куриной ножкой, она похожа тогда на золотое облако! Нет, лучше об этом не думать... Это надрывает мне душу.

— Что ещё за кошка Мурка? — дрогнувшим голосом спросила королева мышей.

— Моя подружка, — не замечая отчаяния в глазах королевы, объяснил кот Васька.

— Она... она тоже королева? — вся помертвев, воскликнула повелительница мышей, и дрожь пробежала по её жемчужной спинке.

— Какая там королева! — Кот Васька махнул лапой.

— Значит, она принцесса, герцогиня? — слабея, еле слышно проговорила королева мышей.

— Какое там! Самая обыкновенная бездомная кошка. Как говорится, подзаборная. Вот это была жизнь. — Кот Васька увлёкся воспоминаниями. — Мы встречались на крыше или в укромном местечке во дворе. Я улыбался, она мурлыкала. А с каким изяществом она ловила всяких...

Тут кот Васька взглянул на королеву и несколько сконфуженно умолк.

Королева мышей слабо пискнула, розовые уши её задрожали, она подняла трепещущие лапки и запрокинулась на спину. Придворные кинулись и подхватили её.

— Предпочесть меня... предпочесть королеву какой-то подзаборной хищнице! — И королева мышей лишилась чувств. Золотой завиток упал на пол.

Мыши засуетились, бережно подняли королеву, понесли. Самый маленький мышонок поддерживал безжизненно повисший хвост королевы.

— Какое ужасное И несчастное происшествие... Просто И! — комариным голосом пищал он.

Мыши исчезли.

Глазастик осторожно выбралась из железных доспехов. Руками потёрла худенькие плечи — ой и озябла же она!

Подняла с полу золотой завиток. Так и есть — волосы Ниточки! Золотой локон мягко сиял у неё в руках. От него веяло теплом, какой-то надеждой.

«Они не бросят меня тут», — подумала Глазастик.

Неожиданно ветер с силой навалился на окно, швырнул в стекло снежинки, сплющился и с разбойничьим свистом протиснулся в оконную щель.

Он наполнил зал холодом, свил вокруг Глазастика ледяное кольцо. Кольцо сузилось, туго обхватило её... Глазастик почувствовала, что её ноги отрываются от пола, она куда-то летит.

Она поднялась к потолку, пронеслась мимо люстры. Золотой локон сдуло с её ладони, разметало, разнесло по волоску во все стороны.

— Ай! — воскликнула Глазастик.

Вдруг в лицо ей повеяло чем-то тёплым. Она разглядела круглое прозрачное лицо с веснушками на носу, волосы, как языки бесцветного пламени.

— Вихрик, ты! — Глазастик со страхом посмотрела вниз. — Ой, помоги мне спуститься! Вихрик...

Множество еле различных тёплых рук подхватили её со всех сторон. Глазастик плавно опустилась на пол.

— Не бойся, я прогнал холодный ветер! — дунул ей в ухо Вихрик. — Я не дружу с ним. Зазнайка! Бродяга с ледяного моря!

— А волосы Ниточки! — горестно воскликнула Глазастик. — Золотой локон... Тот злой ветер как схватит его, и видишь? Волосы Ниточки...

Действительно, всё вокруг блестело, словно порвались на части и повисли в воздухе разорванные нити золотого дождя.

Родниковой чистоты слёзы побежали по щекам Глазастика.

— Не плачь, Глазастик, не плачь. — Бесчисленные тёплые пальцы ласково погладили щёки Глазастика. — Сначала я высушу твои слёзы, а потом...

В воздухе повсюду замелькали чуть видимые руки, собирая в пригоршни золотые волосы Ниточки.

Через мгновение золотой локон невесомо опустился на ладонь Глазастика.

— Тоже нашла место, где прятаться, прятаться, прятаться, — слышался сразу со всех сторон встревоженный голос

Вихрика. — Ведь как раз сюда, в этот зал, прилетает королева Ветреница. Если у неё северное настроение, то северные ветры ледяными щипцами завивают ей волосы, снежной пылью пудрят её лицо. А если южное настроение, я украшаю её ароматами цветов.

— Прилетает сюда, ой! — испугалась Глазастик. — Я хочу спрятаться скорее. Спрятаться...

Глазастик прислушалась. Там снаружи бились в стены и бесновались ветры, дробя в воздухе голубые розы-снежинки.

— Ещё не сейчас, не сейчас, не сейчас. — Вихрик закружился вокруг Глазастика. — Вот когда во дворце зазвонят все стёкла — тогда пора. Тогда, значит, она уже близко.

— Нет, я хочу спрятаться сейчас, — чуть не плакала Глазастик. — Я так её боюсь! Боюсь больше всего на свете. Вихрик, миленький, уведи меня отсюда. Спрячь где-нибудь. Ты же знаешь весь дворец. А зачем она прилетает?

— Королева Ветреница приносит вашему королю ключ-невидимку! — просвистел Вихрик.

— Ключ-невидимку?! — ахнула Глазастик. — А не врешь?

— Мы, ветры и вихри, никогда не врём, не обманываем. — Вихрик обиженно взвился к потолку, зашевелил подвесками люстры. — Есть буйные, злые, губительные ветры. Но мы свистим только правду, правду, правду... И я больше никогда не скажу тебе ни одного словечка!

— Прости меня, Вихрик! — Глазастик с мольбой сложила тонкие руки. На миг она увидела перед собой глаза Вихрика с маленькой синей точкой печали в каждом. — Я не хотела... Я тебе верю. Скажи, ты видел когда-нибудь ключ-невидимку?

— Не скажу! — заупрямился Вихрик.

В воздухе мелькнули его обиженно надутые губы.

— Ну, Вихрик! — взмолилась Глазастик. — Скажи, какой он? Мне очень надо. Ты его видел хоть раз?

— Да как же его увидишь? — удивился Вихрик и весело закружился вокруг Глазастика. Видно, обида уже выветрилась из его головы. — Он же невидимый. Северный ветер высекает его из самого чистейшего прозрачного льда. Королева Ветреница приносит его, когда у неё северное настроение.

— Ключ изо льда?! — ахнула Глазастик.

— Да, да, да! Ключ-невидимка висит на цепочке из ледяных алмазов на груди у королевы. Она снимает ключ с цепочки и отдаёт королю.

В этот миг весь дворец сотрясла звенящая дрожь. Задрезжали все дворцовые стёкла, со скрежетом и треском волчком завертелись флюгера.

— Она летит, она близко, близко, близко! — Вихрик дохнул Глазастик в лицо. — Сейчас королева Ветреница распахнёт окно. Торопись, иначе ты не успеешь спрятаться. Спешу за мной, за мной!

Но Глазастик не тронулась с места. Она стояла, хмурая тонкие брови, словно о чём-то мучительно думала.

— Я никуда не пойду, Вихрик, — сказала Глазастик. — Тут останусь. Только боюсь, что умру со страху или северный ветер унесёт меня, прежде чем я успею...

— Ты с ума сошла! — просвистел Вихрик. — Что ты надумала?

— Только не дуй мне в лицо, а то мне трудно говорить, — попросила Глазастик. — Я боюсь громко, я лучше тебе на ухо скажу, шёпотом...

На миг Глазастик увидела перед собой оттопыренное ухо Вихрика.

— Говори скорей! Я не могу долго стоять на месте, как вы, люди, — поторопил её Вихрик. — Я должен крутиться, вертеться...

Глазастик наклонилась к прозрачному уху Вихрика и что-то прошептала.

Вихрик рванулся с места.

— Я боюсь за тебя, боюсь! — слышалось сразу со всех сторон.

— Сама боюсь, — глубоко вздохнула Глазастик, и что-то зазвенело у неё в груди. — А что делать? Надо. Я должна, понимаешь?

— Тогда подыши, подыши на меня, чтобы я стал ещё теплее. Такой же тёплый, как ты! — просвистел Вихрик.

Глазастик закрыла глаза и глубоко вдохнула. Вихрик стоял перед ней, его уши были так близко, что она могла почувствовать их тепло.

Глазастик открыла глаза. Вихрик исчез.

Глазастик стояла одна в пустом двореце.

Глазастик стояла одна в пустом двореце.

ДВЕРЬ-ЗАГАДКА.
И ГЛАВНОЕ:
ЗАМОК, КОТОРЫЙ
НЕ МОЖЕТ ОТКРЫТЬ ТРОТ

Волшебник Алёша стоял, беспомощно прислонившись к двери-загадке. Сейчас больше всего на свете он хотел одного: оказаться по ту сторону этой двери.

— Я должен улыбнуться, — твердил он сам себе. — Тем более, что в любой момент может явиться джинн, и, послушный воле короля... Нет, нет! Сейчас я подумаю о чём-нибудь приятном, симпатичном и обязательно улыбнусь. Вот, к примеру, девочка Катя. Такая милая, славная... Ох!..

Волшебник Алёша понял, что улыбнуться он не сможет. Где-то в дальних залах гулко прозвучали голоса:

— Побегушка! Где ты, негодник?

Волшебник Алёша в смятении оглянулся. В этом пустом зале с полукруглыми окнами было совершенно негде спрятаться.

Неожиданно большая тёмная картина в золочёной раме качнулась, сдвинулась с места, по стене сверху вниз побежала трещина. Обозначилась щель, она всё расширялась, и, наконец, в стене приоткрылась маленькая дверца.

«Или всё погибло, или сейчас произойдёт что-то счастливое, что изменит столь мрачный ход событий!» — пронеслось в голове волшебника Алёши.

Потайная дверца распахнулась. Из дверцы вырвалось сияние — на пороге стояла Ниточка. Она держала за руку юношу с бледным лицом. Его бледность переходила в зеленоватость, цветом напоминая росток, никогда не выдавший солнца.

Ниточка тряхнула волосами — на пол упала соломинка.

— Они заперли нас, но мы убежали. Это Трот, мой жених. Он замочных дел мастер, — задыхаясь словно от быстрого бега, сказала Ниточка. — Во дворце его зовут Человек-ключ, а ещё Человек-улыбка. Но сейчас не время об этом. Скажите, скорее скажите, вы не знаете, где Глазастик? Ветер её не...

— Так это вы Человек-улыбка? Вы открывали эту дверь? — с облегчением воскликнул волшебник Алёша, не отвечая на вопрос Ниточки. — Ну, вот всё и наладилось! Прощу вас, скорее улыбнитесь. Нам надо, нам просто необходимо как можно скорее открыть эту дверь!

— Где же Глазастик? — нетерпеливо перебила его Ниточка. — Вы не знаете, вы не видели её?

— Дома, наверно, где же ей быть. — Волшебник Алёша успокоительно похлопал по руке Ниточку и снова повернулся к Троту: — Понимаете, такая незадача, хотя, если вдуматься, это совершенно естественно. Я так волнуюсь из-за Кати и потому не могу улыбнуться. Представьте себе только, она пробралась во дворец и...

— Глазастик тоже, — бледнея, прошептала Ниточка.

— И Глазастик? Ах, девчонки! — всплеснул руками волшебник Алёша.

— Боюсь, что я тоже не смогу улыбнуться, — покачал головой Трот.

Послышались звучные бегущие шаги.

— Здесь все ходят так тихо. — Волшебник Алёша оглянулся на Трота. — Кто бы это мог быть? Шаги всё ближе...

В этот момент в зал вбежала Катя. За ней — сероглазый

мальчик с пустым подносом в руках, в тесной бархатной курточке.

— Видишь, Тс-с, ты нашла его,— печально шепнул маленький паж.— Прощай, Тс-с!..

Мальчик посмотрел на Катю и легко, неслышно выбежал из зала.

Ниточка бросилась к Кате, схватила её, сжала ей щёки ладонями так сильно, что губы у Кати оттопырились.

— Катя, Катя, говори скорее, ты не знаешь, где Глазастик?— спросила она, нетерпеливо и вместе с тем боясь услышать в ответ что-то страшное.

— Глазастик в рыцаре, в пустом, я её туда спрятала!— с трудом проговорила Катя.— Ой, пустите!.. Там ей никакой ветер не страшен!

Ниточка благодарно обняла Катю, и Катя почувствовала, какие невесомые руки у Ниточки, будто они из воздуха или это только тени рук.

В дальних дверях на миг появилась юная придворная дама со злым личиком. Она резко остановилась. Кружева на её платье поднялись, засеребрились и, опадая, погасли.

Она бесшумно и незаметно исчезла.

— Дядя Алёша, а я термос разбила,— виновато сказала Катя, отводя от лица золотые волосы Ниточки.— Я нечаянно... Уронила его, а он дзинь — и разбился.

— Прекрасно!— воскликнул волшебник Алёша.— Если термос разбит, джинн нам больше не опасен. Это же великолепно!

Тут Катя, Трот и волшебник Алёша, не сговариваясь, улыбнулись все вместе. И от их улыбок, и от звенящего Катиного голоса дверь-загадка стремительно распахнулась.

— Скорее, да скорее же, пока нас никто не увидел,— заторопился волшебник Алёша.

Все четверо переступили порог небольшой комнаты, и дверь-загадка тотчас же за ними затворилась.

Из часов, из маленького домика над круглым бледным циферблатом выглянула Кукушка, с важностью поклонилась вошедшим. Лукаво и благосклонно поглядела на волшебника Алёшу.

— Познакомьтесь, это мой друг, учёная Кукушка, мудрая и благородная. — Волшебник Алёша указал на Кукушку. — Потом я расскажу вам о ней много замечательного, но это после, после... Сейчас главное — открыть этот старинный сундук. В нём — улыбки. Это удивительно. К тому же они звенят. Мы должны их освободить. Я знаю, Трот, что вы можете открыть любой замок, для вас нет тайны подобного рода. В таком случае, за дело, дружище!

Трот присел на корточки, внимательно осмотрел замочную скважину. Встал, рассеянно хмуря брови, качнул цепь, которой сундук был прикован к стене. Снова нагнулся к замочной скважине.

Волшебник Алёша следил за ним с нарастающим беспокойством.

Трот выпрямился и безнадёжно покачал головой:

— Да, я создал этот замок, но мне его не открыть. Его может открыть только ключ-невидимка, самый таинственный ключ на свете. Северные ветры вытаскивают этот ключ из самого прозрачного льда. Ключ-невидимка открывает замок, после этого ключ тает, проливается сквозь пальцы и исчезает. Только им можно открыть сундук с улыбками.

— Вот оно что! Теперь я понимаю, почему этот ключ существует и одновременно его нет, — потертым голосом прошептал волшебник Алёша.

— Ку-ку! — печально подтвердила Кукушка, выглядывая из домика над часами. — Ку-ку!

Волшебник Алёша почувствовал вдруг смертельную усталость. Проникнуть в сказку, столько волнений, опасностей, и всё напрасно. Ему не удастся спасти улыбки, освободить их, вернуть людям...

Неожиданно за дверью послышалось сразу множество голосов. Громче всех звучал юный женский голос. Юный, звонкий и резкий.

— Я сама видела! Они открыли дверь-загадку! Они там. И чужестранец, и Человек-ключ, и эта дрянь с золотыми волосами! Говорю вам: они там!

Послышался вкрадчивый голос Главного Сборщика Улыбок. Голос тёк медленно, как горький мёд:

— Откройте, мой вам добрый совет. Если вы откроете добровольно, король помилует вас. Иначе вас вздёрнут на виселицу, всех, и тяжёлых и лёгких!

Катя уткнулась носом в грудь волшебнику Алёше.

— Волшебный эликсир готов, всё равно улыбки погиб-

нут,— медленными каплями падали слова Главного Сборщика Улыбок.— Откройте же дверь — это ваша последняя надежда!

— Чёрный эликсир! Я читал об этом,— прошептал волшебник Алёша.— Он убьёт улыбки, и ничто уже не сможет их оживить.

— Трот, милый, мы всё-таки встретились с тобой. Пусть ненадолго, но встретились.— Ниточка просто и мужественно взглянула в глаза Троту.

— Друзья мои, у меня имеется нечто, что может нас спасти. Я имею в виду следующее. У меня есть заколдованный мел.— Волшебник Алёша похлопал себя по карману.— Достаточно нарисовать этим мелом ключ на любой двери, вот хотя бы на дверце этих часов... И можно навсегда уйти из этой сказки. Прежде всего это касается тебя, Катя. Ты должна непременно...

— А Глазастик?— вскрикнула Катя.— Нет, нет, ни за что!

Волшебник Алёша крепко-крепко прижал Катю к себе.

— Девочка моя,— прошептал он,— маленький, мужественный человек...

КОРОЛЕВА ВЕТРЕНИЦА.
И ГЛАВНОЕ:
ВЕТЕР УНОСИТ ГЛАЗАСТИКА

Глазастик, спрятавшись в стальных доспехах, дрожала мелкой дрожью. Она прижала ладошку к губам, чтобы зубы не стучали.

Кот Васька зарылся в тёплую золу и задремал.

Вихрик тоже притих, только из разных углов время от времени доносились его вздохи и шёпот. Что он шепчет, было не разобрать.

Глазастик напряжённо прислушивалась к нарастающему свисту ветра за окнами. Но вот к голосу ветра подмешался лай собак, смутные звуки труб.

«Она! — в страхе подумала Глазастик. — Не могу!.. Зачем я только... А холод какой! Наверно, я превращусь в сосульку с двумя глазами, и всё...»

Неожиданно весь дворец содрогнулся от самого основания до верхушек зубчатых башен. Ветер ударил с такой силой, что, казалось, стёкла прогнулись, как паруса.

Безумный свист, оглушая, приблизился. Глазастик сжалась в комочек.

Окна зала со свистом распахнулись. Одно стекло блеснуло и треснуло.

Во все окна полились потоками, тесня друг друга, прозрачные гончие, пажы, косматые слуги-ветры.

И наконец, Глазастик, замирая, увидела ту, кого она боялась больше всего на свете.

В окно влетела сама королева Ветреница.

Глазастик увидела струи воздушных волос, колеблющиеся по краям, едва различимое надменно поднятое кверху лицо, серебрящуюся корону. Ярче всего сверкала на груди королевы Ветреницы цепь из гранёных ледяных алмазов.

— Подайте мне зеркало и придвиньте кресло! — послышался повелительный звенящий голос.

Чуть видимые слуги усадили королеву в кресло, обитое узорным шёлком, тоньше любой кисеи. Маленький паж, которого Глазастик с трудом рассмотрела, подал королеве зеркало. Зеркало текло, лилось, как ключевая вода.

— На кого я похожа! — послышался капризный, ломкий голос. — Я не могу показаться жениху на глаза в таком виде. Северные ветры, завейте мои волосы, вихри, напудрите меня, расправьте мой плащ, уложите его складками, как волны северного моря.

Вокруг королевы засуетились слуги-ветры. Прозрачный гребень погрузился в струящиеся волосы. Слабо блеснули щипцы, укладывая волосы лёгкими, словно стеклянными локонами.

Холод сковал руки и ноги Глазастика. Стальные латы стали совсем ледяными.

Слуги-ветры сновали по залу. Одна из гончих, принюхиваясь, подбежала к стальному рыцарю. Залаяла звонко, но лай её смешался с голосами и свистом.

— Хорошая псина, не надо, не надо... — прошептала Глазастик. Она осторожно высунула руку, погладила плоский лоб гончей. И вдруг холодный язык ласково лизнул ей ладонь. Почему-то это немного подбодрило Глазастика.

На миг она увидела веснушки и лицо Вихрика. Веснушки порхали в воздухе, как рой мошек. Вихрик сделал круг и

приблизился к королеве Ветренице, но она отшатнулась от него.

— Что ты здесь делаешь сегодня, негодник? — прозвенел её резкий голос. — Ты же знаешь, что у меня сегодня северное настроение. А ты, наверно, опять валялся на горячих песках пустыни. Ступай отсюда! Я призову тебя, когда у меня будет южное настроение.

— Я летал в весеннем лесу, я принёс вам тени и аромат фиалок, фиалок... — просвистел Вихрик.

— Прочь! Сегодня я не желаю фиалок! А когда у меня южное настроение, тебя невесть где носит, бездельник! —дохнула холодом королева Ветреница, поворачивая лицо и разглядывая себя в зеркало. — Поднимите мои волосы повыше и перетяните их узким снежным облачком.

Вихрик подлетел поближе, сделал круг над её головой.

— Ещё я был в летнем лесу. Я собрал для вас вкус и запах земляники. Он расцветит ваши щёки, а губы сделает розовыми.

— Ты надоед мне, дрянной мальчишка! — Королева Ветреница нетерпеливо махнула рукой. И от этого движения невесомые пажы и слуги разлетелись в разные стороны.

— Я был в осеннем поле, — пропел Вихрик. — И раздобыл для вас запах сухого сена и золотую пыльцу. Я позолочу ею вашу цепь!

— Мне жарко, душно! — гневно крикнула королева Ветреница. — От тебя веет человеческим теплом. Ты обжигаешь меня!

Глазастик увидела, что Вихрик совсем близко подлетел к королеве Ветренице. Мелькнули его вытянутые трубочкой губы. Он подул на ледяную алмазную цепь. Одно из ледяных звеньев растаяло, цепь распалась и со звоном лопнувшей струны упала на пол.

— Дрянной мальчишка, волчонок, что ты наделал! — в гнев крикнула королева Ветреница.

Она стремительно вскочила с кресла, и тотчас же всё вокруг со свистом взвихрилось, завертелось. Пажы, слуги, собаки взмыли к потолку, путаясь, пролетая друг сквозь друга. Кресло и зеркало превратились в струи ветра.

Кот Васька, подхваченный сквозняком, вылетел из камина и закружился вокруг люстры, пытаясь зацепиться за неё, скользя и скрипя когтями по гладким хрустальным подвескам.

Стальной рыцарь покачнулся. Тяжёлый шлем упал и покатился со звоном и грохотом. Глазастик вывалилась из доспехов и растянулась на полу посреди зала.

В этот миг распахнулись двери и на пороге появился король.

— Какой ветер! — воскликнул он, запахивая плащ у горла. — Что тут происходит? Умоляю вас, королева, успокойтесь! И скорее, скорее дайте мне ключ-невидимку!

Вихрик обхватил Глазастика своими бесчисленными руками, помогая ей встать.

— Откуда тут девчонка? — завопил король.

Глазастик вскочила на ноги, но королева Ветреница опередила её. Она наклонилась, волосы её распустились и заполнили собой весь зал.

Глазастик, задыхаясь, продираясь сквозь волосы королевы. Они мешали ей дышать, душили её, хлестали по глазам.

Королева Ветреница уже протянула руку к алмазной цепи, но в этот миг кот Васька, кружась и кувыркаясь, безнадёжно запутался в диких струях её прозрачных волос.

— Ай! — вскрикнула королева Ветреница, хватаясь за виски. — Кто меня так дёргает за волосы?

Глазастик увидела палец Вихрика, указывающий на что-то прозрачное среди рассыпавшихся ледяных алмазов.

Глазастик не стала медлить. В суматохе она наступила на подол своей юбки, споткнулась, чуть не упала. Она наклонилась, дрожащей рукой нашарила на полу что-то невидимое и холодное и зажала в кулаке. Она сразу почувствовала — это ключ.

— Девчонка украла ключ-невидимку! Хватайте её! — закричала королева. Она никак не могла вытащить кота Ваську из перепутанных прядей своих струящихся волос.

Король подскочил к Глазастике, ухватил её сзади за складки наполненного ветром платья.

— Попалась! — с торжеством крикнул король. — Отдай ключ, маленькая дрянь!

Но в это мгновение в воздухе мелькнула растопыренная пятерня Вихрика. Он разом сгрёб все веснушки-песчинки со своего носа и щёк и швырнул их в лицо королю.

Король взвыл и выпустил платье Глазастика. Прижав кулаки к глазам, он завертелся на месте.

— Проклятый ветер! Засыпал глаза песком! Ничего не вижу! — завопил король. — Стража, слуги, сюда! Хватайте девочку!

Послышались голоса, звон оружия.

«Прощай... — подумала Глазастик. — Прощай всё...»

Глазастик вскочила на подоконник и отдалась на волю ветра. Она едва чувствовала биение своего сердца.

Могучий порыв подхватил её и вынес из окна. Глазастик почувствовала под ногами пустоту. Она глянула вниз и увидела крыши, крыши, заснеженные крыши, влажную тёмную черепицу, флюгера, чёрные квадраты труб и площадь, на которую со всех сторон сбегались люди.

Мимо Глазастика с жалобным мяуканьем пролетел кот Васька.

ВОЛШЕБНИК АЛЁША
ПРОЩАЕТ ДЖИННА.
И ГЛАВНОЕ:
МУЗЫКА НА ПЛОЩАДИ

За дверью-загадкой слышались приглушённые голоса. Стражники о чём-то совещались. Послышался сдавленный шёпот. Всё стихло.

— Дверь-загадку им не открыть, — озабоченно хмурясь, сказал волшебник Алёша. — Ведь её может открыть только улыбка. Но они непременно постараются придумать ещё что-нибудь.

Неожиданно тревожным лёгким движением павлинье перо коснулось его щеки. Волшебник Алёша скосил глаза на кончик пера. Синие-зелёный глазок пристально смотрел на окно.

Волшебник Алёша перегнулся через подоконник. Откуда-то сверху свалился маленький камушек, со свистом пролетел мимо его щеки. Волшебник Алёша поднял голову. Зацепившись за зубцы башни, сверху на верёвках спускались стражники.

Волшебник Алёша глянул вниз. По приставным лестницам, цепляясь за уступы камней, обрывая и ломая ветки сухого плюща, карабкались вооружённые люди.

Послышалось жалобное мяуканье. Мимо окна, весь взъерошенный, пролетел кот Васька. Он отчаянно вытягивал лапы в надежде за что-нибудь уцепиться.

Катя высунулась в окно.

— Васька! Кис-кис-кис! — позвала она.

Сделав немислимый пируэт в воздухе, кот Васька, вытянув лапы, пролетел мимо окна. Но слишком далеко, и Катя не смогла до него дотянуться.

— Катя, не вывались! — крикнул волшебник Алёша.

Кот Васька снова пронёсся мимо.

— Улетаю! Сплошное мяу! — отчаянно крикнул он.

Катя встала коленом на подоконник, изловчившись, в последний момент ухватила бедного кота за заднюю лапу и втянула его в окно.

— Мурка поймала мыш-невидимку с алмазным хвостом! — Кот Васька от волнения перепутал все слова и имена.

— Что?! — не понял волшебник Алёша.

— Ой! — в ужасе крикнула Катя. — Летит! Летит! Это Глазастик! Она летит!

— У неё ключ-невидимка! — весь дрожа, с трудом выговорил кот Васька.

Волшебник Алёша бросился к окну.

Ветер нёс, кружил Глазастика вокруг башни. На мгновение она скрылась, потом появилась вновь. Она была ещё внизу, под ними, но с каждым кругом поднималась всё выше и выше. Ветер неумолимо уносил её.

— Глазастик! Глазастик! — горестно закричала Катя. — Зачем ты... Зачем...

Плача, она закрыла лицо руками.

Волшебник Алёша увидел, как из нижнего окна башни вылетела королева Ветреница. А за ней, запутавшись в бесконечном потоке её распустившихся волос, теряя очертания, сливаясь во что-то одно, вихревое, воздушное, неслись пажы, гончие псы и слуги.

Глазастик летела, прижав руки к груди, глядя куда-то вверх, вся вытянувшись, встав в воздухе на носки, как балерина. Сверкающие капли влаги срывались с её рук, и ветер уносил их.

— Глазастик, сестрёнка!— рыдая, крикнула Ниточка.

Глазастик с трудом повернула голову. На миг надежда мелькнула в её глазах, но тут же погасла.

— Ключ-невидимка! Вот он!— донёсся её слабый голосок, разорванный ветром.

Ещё круг, ещё выше, теперь Глазастик летела мимо окна.

— Даже если она бросит мне ключ-невидимку, я не смогу его поймать, увидеть...— прошептал Трот.— Ведь он совсем прозрачный!

Но Глазастик словно услышала его безнадёжный шёпот. Она достала из-за пазухи что-то блеснувшее чистым влажным золотом. Это был локон Ниточки.

Глазастик обернула золотыми волосами ключ-невидимку и, пролетая мимо окна, бросила его Троту.

Ключ прочертил в воздухе золотую дугу. Трот протянул руки и поймал его.

Но Глазастик уже не видела этого.

Королева Ветреница настигла её. Она тряхнула головой, и её прозрачные волосы окутали Глазастика. Она мстительно закружила её, как сухой лист, оторванный от родимой ветки.

И люди, стоящие на площади, полные гнева и печали, провожали взглядом девочку в сером платье, летящую над королевским дворцом.

Из-за двери слышались яростные голоса:

— Думали обмануть нас? Всё равно мы убьём улыбки!

Катя попятилась к окну.

Вся стена башни снаружи была облеплена стражниками. Они карабкались вверх, как муравьи. Слышны были сдавленные проклятия, скрипение лестниц, полные торжества и злобы крики.

— Попались! Ещё немного!.. Сейчас мы расправимся с вами!

Один из стражников был совсем близко. Катя увидела его свирепое лицо. В зубах он держал нож.

— Ой! Дядя Алёша!— Катя в ужасе отскочила от окна.

Трот опустился на колени перед железным сундуком. Ключ таял у него в руках, и ему казалось, что с каждой каплей тает его сердце.

Дрожь в руках мешала ему вставить ключ в замочную скважину. Холодные капли стекали по пальцам.

— Позвольте, я вам помогу!— Волшебник Алёша обернул руку плащом, схватил тающий ключ-невидимку и быстро вставил его в замочную скважину.

Ключ повернулся со стеклянным звоном.

Тяжёлая крышка сундука, стукнув, откинулась, словно какая-то сила толкала её изнутри.

И глазам присутствующих предстали лежащие в беспорядке, сияющие, как найденный клад, золотые колокольчики.

Воздух в комнате наполнился мелодичным звоном. Стены словно раздвинулись от их радостного блеска.

Волшебник Алёша потянулся к ним, но золотые колокольчики сами нетерпеливо взмыли к нему навстречу, поднимаясь из мрака сундука. Они улетали, ускользали из рук, растворялись в воздухе.

В своём полёте и сверкании они звонили освобождённо и счастливо. Их звон превращался в еле слышный смех.

Волшебник Алёша поднял вверх последние колокольчики и, как стаю птиц, выпустил их на волю.

Золотые колокольчики исчезали один за другим, и крики радости и изумления неслись откуда-то снизу, с площади.

И вдруг губы Ниточки дрогнули — она улыбнулась. Слабо, неуверенно, но улыбнулась.

Ниточка пошатнулась и ухватила за плечо Трота, словно улыбка была ей не под силу.

Но и этой робкой улыбки было достаточно.

Дверь-загадка скрипнула и медленно отворилась сама собой.

За дверью стоял король. Мелькнуло искажённое от ненависти лицо Главного Сборщика Улыбок.

Застывшим, остановившимся взглядом король смотрел на опустевший сундук.

— Ах!.. — тихо сказал король и выронил из дрожащих рук чёрную колбу, от которой во все стороны разлетались мертвенные, мрачные лучи.

Счастливый, торжествующий смех рвался вверх с площади.

Король, бледнея, попятился, вздрагивая и растерянно озираясь.

Но смех настигал его, ликующий и свободный.

Король не выдержал и, зажав уши руками, со стоном ужаса выбежал из зала. Стража, слуги, придворные, словно подгоняемые волнами смеха, бросились вслед за ним.

— Обопрись на меня, не бойся, Глазастик! — слышался за окном голос Вихрика. — Подумаешь, летать! Что тут такого?

Мимо окна, плавно опускаясь, летела Глазастик.

Она испуганно улыбалась. От улыбки лёгкое сияние порхало вокруг её лица.

— Боюсь! Держи меня, Вихрик! — лепетала она. — Ой, разобьюсь! Ещё как далеко до земли!

— Какая ты стала тяжёлая, ф-фу! — отдувался невидимый Вихрик. — Никаких ветреных сил не хватит!

— Что-то щекочет усы! — заметил кот Васька. — Кажется, это моя улыбка! Пожалуй, это мур! Даже несомненно.

— Ниточка, скорее на площадь! — крикнул Трот.

Волшебник Алёша подхватил кота Ваську на руки. Они побежали пустыми залами, удивляясь, что никто не попадает им навстречу, никто не пытается их задержать.

Во дворце было тихо и пустынно. Только носовой платок, обшитый тонким кружевом, лежал на блестящем полу.

Волшебник Алёша выбежал из дворца, остановился на верху лестницы, ступени которой веером спускались на площадь, и не узнал города.

Лучи солнца пробились сквозь редяющие облака и позолотили каждую розу-снежинку, отчего весь воздух засверкал и заискрился.

На нижней ступени лестницы стоял молодой скрипач с седыми волосами, и мелодия жизни и освобождения вдохновенно лилась из-под его смычка.

Он не сводил счастливых глаз с девушки, стоявшей рядом. Это была кружевница Миэль.

Миэль глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от тяжелого сна. Она опустила руку, прижатую к щеке и крепко стиснутую в кулачок. Лёгкий красный след остался на нежной коже.

— Неужели?.. — растерянно улыбнулась Миэль, с трудом распрямляя затёкшие пальцы. — Это было так страшно: ветер и пустота...

— Как долго ты летала, как долго длилась смерть... — шептали губы скрипача.

Волшебник Алёша увидел улыбающуюся тётушку Ох, а рядом с ней Глазастика.

Глазастик подпрыгивала на месте и, не переставая, смеялась. И от этого смеха и лучей солнца её юбка стала голубой и пышной, и теперь была похожа на перевёрнутый цветок колокольчик.

— Тётушка Ох, посмотри, как я улыбаюсь! — без конца повторяла Глазастик. — А улыбка не потеряется? А во сне её никто у меня не отнимет? Тётушка Ох, я правильно улыбаюсь?

— Родная моя, — сказала тётушка Ох. — Ты чудесно улыбаешься! Но посмотри, посмотри! Вон старый фонарщик. Он всегда зажигал фонари на нашей улице, и когда у него было хорошее настроение, они становились разноцветными. Как я грустила, когда он улетел. Но теперь он вернулся. А вон тётушка Крем! Забыла, какие она пекла пирожные? Она тоже вернулась. Все возвращаются!

— А я ещё умею смеяться! — не умолкала Глазастик. — И я теперь могу дружить с Вихриком, правда?

— Правда, правда, правда!.. — слышалось откуда-то сверху. — Глазастик будет дружить со мной! Поэтому я не улетел с королевой Ветреницей!

Мелькнули вечно беспокойные руки Вихрика. На этот раз они освободили тонкое кружево, привязанное к руке скрипача, с которым он не расставался с тех пор, как улетела Миэль.

Кружево полетело над площадью, свиваясь кольцами и распускаясь, и казалось, волны смеха поднимают его и несут.

Катя слышала звук шагов и оглянулась. Позади неё в высоких дверях стоял Побегушка.

Побегушка сбросил вниз с лестницы поднос и тот с грохотом заскользил вниз по ступеням, подскакивая и блестя.

— Слышала мои шаги, Тс-с? — крикнул он. — Теперь я не улечу!

Внизу на площади старый актёр читал детям весёлые стихи. А птицы, наклевавшись вкусных крошек, которые им кидали из окон старушки, теперь смиренно сидели на ветках и с почтением слушали мудрую Кукушку. Для такого случая она позволила себе на время покинуть свои часы.

— Неплохо бы перекусить, — облизнувшись, сказал кот Васька. — Обедать, между прочим, пора, а не смеяться.

— А где же король, где все придворные, стража? — оглядываясь, спросил волшебник Алёша.

— Вы ничего не знаете? — удивился Побегушка и тут же звонко рассмеялся. — Что было! Я спрятался за креслом и всё видел. Король закричал королеве Ветренице: «Они улыбаются! Я не могу слышать их смех! Я боюсь их улыбок! Скорее унеси меня отсюда!..» Королева Ветреница завернула его в свои волосы, обхватила рукой и полетела. Остальные уцепились за её плащ, а кто не успел, побежал следом. А король ещё твердил на лету: «Мне холодно, холодно, теперь я, наверно, никогда не согреваюсь... Простужусь...» Но тут они скрылись из глаз, и это всё.

— Что ж, пожалуй, это наилучший выход, — задумчиво сказал волшебник Алёша. — Как вы считаете? О, несомненно...

А внизу на площади тётушка Ох попеременно целовала то Ниточку, то Глазастика, то опять Ниточку.

— Я смастерю такой замок на воротах в страну королевы Ветреницы, что король никогда не сможет его открыть, — сказал Трот.

— А он и не захочет, — убеждённо сказала тётушка Ох. — Потому что он трус и ничтожество. Побоится!

Из дворцовых дверей бочком вылез джинн. Он словно покрылся пятнами ржавчины. Он двигался с трудом, в его глазах застыла тоска. С видом побитой собаки он робко приблизился к волшебнику Алёше.

— О мой старый повелитель! — Джинн виновато хлюпнул носом. — Позволь мне снова быть твоим верным рабом. Я согласен на всё. Пусть моим пристанищем станет кофейник, крынка

для молока, всё, что ты прикажешь. Я согласен жить в бутылке от кефира. Лишь бы только я мог ещё раз услышать столь бесценные слова: «Слушай и повинуйся!»

— Бессовестный! — Волшебник Алёша в сердцах оттолкнул громадную руку джинна. — Не ждал я от тебя такого.

— А может, это был не я? — с надеждой спросил джинн. — Может, это был какой-нибудь другой джинн?

Но по укоризненному взгляду волшебника Алёши он всё понял и с сокрушённым стоном опустил голову.

А между тем скрипка всё пела и пела. И все люди на площади взялись за руки, и весёлый хоровод праздничных лиц и улыбок закружился по площади.

Мимо волшебника Алёши, шатаясь, прошёл Мираклюс. Казалось, он ещё постарел за это время, сгорбился, стал ещё меньше ростом.

Он шёл и тихо звонил в маленький колокольчик. Наклоняя голову, прислушивался к этому звону и снова звонил.

— Они все улыбаются, все, кроме меня. Вот моя улыбка, вот она... Она навсегда осталась золотым колокольчиком. Когда я позвоню в колокольчик, все будут знать, что я улыбаюсь. Но теперь я понял: если люди, слушая музыку, не могут растроганно улыбнуться, музыка для них умирает.

Мираклюс медленно сошёл со ступеней, и с каждым шагом удалялся и угасал звон его колокольчика.

— Пойдём, Тс-с! — нетерпеливо потянул Катю за рукав Побегушка. — Пойдём и мы туда, на площадь. Там весело!

— Я бы с удовольствием... — Катя неуверенно оглянулась на волшебника Алёшу. — Но нам, наверно, уже пора домой.

— Давно пора, — откликнулся кот Васька.

— Это твоё «домой» где-то очень далеко, — огорчился Побегушка. — Я вижу это по твоим глазам. Но ты вернёшься, Тс-с? Я теперь умею говорить «до свидания», не только «прощай».

— Не знаю... — Кате было больно смотреть на Побегушку, на его поднятое к ней опечаленное лицо.

— Оставайся с нами, Тс-с! — с безнадёжной мольбой попросил Побегушка. — Неужели я больше тебя никогда не увижу!

— Оставайся с нами, Тс-с! — с безнадёжной мольбой попросил Побегушка. — Неужели я больше тебя никогда не увижу?

— Вряд ли, малыш. — Волшебник Алёша ласково погладил Побегушку по спутанному, длинному, как у девочки, волосам. — По правде говоря, вряд ли... Но если ты захочешь, ты можешь думать о ней, помнить её. А это тоже немало. Ты поймёшь это, мой мальчик, когда вырастешь.

Побегушка, поминутно оглядываясь на Катю, стал спускаться по мраморной лестнице. Постепенно шаги его становились всё быстрее. Он побежал вниз по ступенькам. А там, на площади, Глазастик схватила его за руку, и он исчез в общем мелькании, движении и музыке.

И Катя почувствовала, что и Побегушка, и все те, кто были на площади, и Глазастик, и Ниточка, и Трот как-то далеко от неё и уходят всё дальше. словно невидимая глазу стена выросла между ними.

— А нам действительно пора. — Волшебник Алёша устало вздохнул. — Сейчас я достану свой волшебный мел. А нарисовать ключ можно на любой двери. Ну вот хотя бы на дверях дворца. Это минутное дело. Хотя, по правде говоря, эта дверь мне почему-то категорически несимпатична...

Волшебник Алёша сунул руку в карман, вдруг замер и приоткрыл рот. Нахмурился, потом растерянно моргнул. Он принялся быстро-быстро шарить по всем карманам, бестолково и лихорадочно ощупывая каждый карман по несколько раз.

— Ну, скоро, что ли? — зевнул кот Васька.

Катя с беспокойством смотрела на изменившееся лицо волшебника Алёши.

— Я просто не знаю... Растяпа и бездарь. Как я мог, не понимаю? Но, к сожалению, более того, можно сказать, к прискорбию... И я ещё смею называть себя волшебником после этого? О лентяй, трижды лентяй!

— Что? — холодея, спросила Катя.

— Да, это так. Я забыл волшебный мел у себя в комнате, на столе, — в отчаянии сказал волшебник Алёша, хватаясь за голову. — Что я натворил?

— И мы теперь не сможем?.. — еле слышно выговорила Катя. — А мама?..

Джинн, о котором волшебник Алёша и Катя давно успели забыть, рухнул на колени.

— Позволь, о мой старый повелитель, мой единственный из единственных, позволь мне исполнить это твоё желание, — взвыл джинн. — Я в мгновение ока принесу тебе волшебный мел, который ты забыл на своём трижды благословенном письменном столе. Только скажи мне заветные: «Слушай и повинуйся!»

— Слушай и повинуйся! — с бьющимся сердцем сказал волшебник Алёша.

— Конечно, джинн без волшебного сосуда... — засомневался джинн. — О, меня устроил бы любой сосуд, самый ничтожный. Лишь бы не нарушать вековых традиций, мне это так тяжело.

— У меня ничего нет! — растерянно сказал волшебник Алёша. — Разве что вот: пустой спичечный коробок.

— О повелитель, сойдёт и спичечный коробок! — возликовал джинн. — Пусть мне будет там тесно и неудобно. Но всё равно. Теперь у меня снова есть волшебный сосуд и любимый повелитель!

— Слушай и повинуйся, джинн! — дрогнувшим голосом сказал волшебник Алёша. — Немедленно принеси мне кусок мела, который я забыл на своём письменном столе!

Джинн гулко стукнул лбом о мраморные ступени, охнул, потёр лоб и в тот же миг исчез.

Прошли короткие секунды, и вдруг перед волшебником Алёшей, возникнув неизвестно откуда, словно сгустившись из наступивших сумерек, появился его старый, такой знакомый книжный шкаф.

От него повеяло домашним теплом и уютом. Слабо блеснули полустёртой позолотой древние переплёты волшебной энциклопедии. За стёклами виднелись столько раз читанные любимые книги.

Из-за шкафа высунулась ручища джинна. На огромной ладони с вековыми мозолями лежал маленький кусочек мела. Маленький, но спасительный.

— Ну, скоро ты, пушистый Алёша? Обед пропустили, так хоть поужинать! — Кот Васька потёрся о ногу волшебника Алёши.

Волшебник Алёша дрожащей рукой нарисовал ключ на знакомой дверце.

— А попрощаться? — напомнила ему Катя. — Глазастик, Ниточка, Побегушка...

— Их нет, дитя моё. Все разошлись, и площадь пуста, — ласково сказал волшебник Алёша. — Потому что мысленно мы с тобой уже дома. А сказка пойдёт без нас своим чередом. Мы сделали для них всё, что могли. Ведь правда?

Катя оглянулась и увидела, что сумерки окутали город и площадь опустела. Только тоненькая фигурка мальчика в слишком тесной курточке, удаляясь, пересекала площадь.

На улицах горели разноцветные фонари, и от этого сугробы снега тоже казались разноцветными. Во всех окнах весело приплясывали огоньки свечей. И вместе со светом, рисовавшим на синем снегу золотые окна, лились весёлые, счастливые голоса и смех.

Волшебник Алёша озабоченно оглянулся на джинна.

— Смотри не забудь мой книжный шкаф здесь, в сказке. Он мне совершенно необходим. Я не смогу работать без своих книг. Просто не смогу. Слышишь?

— О повелитель, конечно, не забуду! — с обидой проворчал джинн. — Вечно ты придираешься к своему верному и преданному слуге.

— Поговори ещё у меня! — погрозил ему пальцем волшебник Алёша.

Джинн, угодливо изогнувшись, приоткрыл дверцы шкафа. Они заскрипели привычно, знакомо.

Волшебник Алёша крепче прижал к себе кота Ваську, потянул Катю за руку.

Катя изо всех сил зажмурилась и шагнула куда-то в пустоту, куда тянул её за собой волшебник Алёша...

— Ну, долго ты будешь стоять так, с закрытыми глазами? — услышала Катя голос волшебника Алёши.

Катя открыла один глаз, потом второй.

Она была в комнате волшебника Алёши. Книжный шкаф,

как всегда, стоял в углу и казался таким же старым и немного запylённым.

Всё было точно таким же, и волшебный мел лежал на уголке письменного стола.

Кот Васька понюхал ножку кресла, лениво потянулся и отправился на кухню.

Оттуда донёсся его довольный голос:

— Молоко ещё не скисло! Напьюсь молока и пойду во двор, ладно, пушистый Алёша? Потом не говори, что я ушёл, не спросясь... А в сказке молоко не такое! Водой они его, что ли, разбавляют?

Катя поморгала глазами.

— Приснилось? — недоуменно спросила она.

Волшебник Алёша молча покачал головой и указал на длинный кусок тончайшего кружева, обвившийся вокруг Катиной руки. Кружево мерцало и переливалось. Оно казалось чуть голубоватым и было похоже на цепь узорных снежинок.

— Миэль... — прошептала Катя.

— Ах да! Ведь, уходя, я остановил время! — воскликнул волшебник Алёша, открывая дверцы старинных часов и указательным пальцем подталкивая маятник. — Какой я, однако, рассеянный! Время не любит стоять без особой нужды...

— Дядя Алёша! — позвала Катя. — Посмотрите!

На письменном столе рядом с недопитым стаканом ещё не остывшего чая лежал рисунок Васи Вертушкина.

На рисунке, по площади сказочного города, словно подхваченный танцем, кружился хоровод празднично одетых людей.

Катя увидела весёлую большеглазую девочку с ресницами длинными, как сосновая хвоя, в пышной голубой юбке. Улыбающуюся девушку с золотыми волосами, юношу в старом плаще, сероглазого мальчика...

— Как вы считаете, друзья мои, — сказал дядя Алёша, разглядывая рисунок, — уж не записать ли мне всю эту совершенно невероятную историю? Пожалуй, ещё никогда со мной такого не случалось. Мне кажется, ребятам будет интересно узнать о наших приключениях. Как вы считаете? О, несомненно...

— Ой, правда, конечно, интересно! — Катя радостно хлопала в ладоши.

— Зачем тебе попусту тратить время, о повелитель? — уныло отозвался из угла джинн.

— Боишься, что другие джинны узнают? — прищурился волшебник Алёша. — Да ведь джинны читать не умеют. Так что можешь не беспокоиться.

А теперь давай тихо-тихо закроем эту книгу.

Волшебник Алёша сел за стол и углубился в работу. Не будем ему мешать!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1

РАЗГОВОР С КОТОМ ВАСЬКОЙ.
И ГЛАВНОЕ:

ВАСЯ ВЕРТУШИНКИН РИСУЕТ СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД 3

Глава 2

УЛЫБКА КОТА ВАСЬКИ.
И ГЛАВНОЕ:

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ 8

Глава 3

ДЖИНН В ГОЛУБОМ ТЕРМОСЕ.
И ГЛАВНОЕ:

ВОЛШЕБНИК АЛЕША ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СКАЗКУ 15

Глава 4

КОРОЛЬ КРАПОДИН ПЕРВЫЙ.
И ГЛАВНОЕ:

ЗОЛОТЫЕ ПОЮЩИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ 25

Глава 5

КОТ ВАСЬКА БОИТСЯ УЛЕТЕТЬ. И ГЛАВНОЕ: ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ГЛАЗАСТИК	38
--	----

Глава 6

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ. И ГЛАВНОЕ: ВОЛШЕБНИК АЛЁША ОТПРАВЛЯЕТСЯ ВО ДВОРЕЦ	46
--	----

Глава 7

НАОБОРОТ ПЕРВЫЙ И НАОБОРОТ ВТОРОЙ. И ГЛАВНОЕ: ГОЛУБОЙ ТЕРМОС	53
--	----

Глава 8

МЫШЬ В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ. И ГЛАВНОЕ: ДВЕРЬ-ЗАГАДКА	57
---	----

Глава 9

СТАРЫЙ НЕГАШ. И ГЛАВНОЕ: МАЛЕНЬКИЙ ВИХРИК	70
---	----

Глава 10

ИСТОРИЯ ОДНОГО «НЕТ!». И ГЛАВНОЕ: СНОВА ТЕРМОС ВОЛШЕБНИКА АЛЁШИ	79
---	----

Глава 11

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР. И ГЛАВНОЕ: ТАИНСТВЕННЫЙ СУНДУК	89
---	----

Глава 12

МЫШЬ С ЗОЛОТОЙ КОРОНОЙ.	
И ГЛАВНОЕ:	
НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ	96

Глава 13

РЫЖИЙ НОС СНОВА ВИДИТ МЫШЬ	
В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ.	
И ГЛАВНОЕ:	
ЗОЛОТОЙ ЛОКОН	104

Глава 14

ДЖИНН И ЕГО НОВЫЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ.	
И ГЛАВНОЕ:	
ВОЛШЕБНИК АЛЕША ЧУТЬ БЫЛО	
НЕ ОСТАЕТСЯ БЕЗ УЛЫБКИ	113

Глава 15

ПОБЕГУШКА.	
И ГЛАВНОЕ:	
БЕЗДОМНЫЙ ДЖИНН	120

Глава 16

СНОВА МЫШЬ В ЗОЛОТОЙ КОРОНЕ.	
И ГЛАВНОЕ:	
ВОЛШЕБНИК АЛЕША	
НЕ МОЖЕТ УЛЫБНУТЬСЯ	126

Глава 17

КОРОЛЬ УЗНАЕТ	
МНОЖЕСТВО	
ПЕЧАЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ.	
И ГЛАВНОЕ:	
ВОЛШЕБНЫЙ ЭЛИКСИР	130

Глава 18

КОРОЛЕВА МЫШЕЙ ПАДАЕТ В ОБМОРОК.	
И ГЛАВНОЕ:	
ГЛАЗАСТИК ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ	137

Глава 19

ДВЕРЬ-ЗАГАДКА.	
И ГЛАВНОЕ:	
ЗАМОК, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ	
ОТКРЫТЬ ТРОТ	145

Глава 20

КОРОЛЕВА ВЕТРЕНИЦА.	
И ГЛАВНОЕ:	
ВЕТЕР УНОСИТ ГЛАЗАСТИКА	151

Глава 21

ВОЛШЕБНИК АЛЕША ПРОЩАЕТ ДЖИННА.	
И ГЛАВНОЕ:	
МУЗЫКА НА ПЛОЩАДИ	156

Для младшего школьного возраста

Софья Леонидовна Прокофьева

**ГЛАЗАСТИК
И КЛЮЧ-НЕВИДИМКА**

Повесть-сказка

ИБ № 8298

Ответственный редактор

Л. Г. Тихомирова

Художественный редактор

Т. М. Токарева

Технический редактор

И. С. Широкова

Корректор

Л. А. Лазарева

Сдано в набор 30.01.85. Подписано к печати 23.09.85. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр.-отт. 14,63. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 100 000 экз. Заказ № 213. Цена 65 коп.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР 170040, Калинин, проспект 50-летия (Октябрь), 46.

